

Ольга ПАНОВА

ЧУДОВИЩЕ

ВО МНЕ

Ольга Панова
Чудовище во мне

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28736221
SelfPub; 2018*

Аннотация

Вы удивитесь, но все эти истории не выдуманы!

ЧУДОВИЩЕ ВО МНЕ

Вы удивитесь, но все эти истории не выдуманы!

Старинное зеркало

Деревянный старинный дом в два этажа. Черепичная крыша, резные ставни и кованая лестница снаружи.

Внутри пахло плесенью и деревом. Мрачные стены, покрытые лаком. Белоснежный потолок и скрипучие полы. Хотя все дверные петли были смазаны и не скрипели, но иногда двери с грохотом захлопывались сами собой.

Сколько себя помнил, всегда жил со своей матерью и отцом здесь. Кажется, дом достался нам в наследство от прабабки.

На первом этаже – огромная гостиная, небольшая кухня и светлая столовая. Длинный коридор уводил в конец дома, где стояла широкая лестница на второй этаж.

Именно в этом темном коридоре висело на стене высокое зеркало. Серебряная оправа, как у картин, служила украшением.

Считалось, что это зеркало – наша семейная реликвия. Мы очень гордились им. Но была одна особенность, связанная с ним.

Ночами, когда мои близкие спали, я спускался на первый этаж, на кухню. Попить воды или перекусить.

Каждый раз, сонный спускаясь по лестнице, смотрел на свое отражение в зеркале. Вначале я видел себя. Свой силуэт. Но затем, я исчезал.

В зеркале отражался лишь пустынный коридор. И оттуда, из темноты, выходило ко мне страшное существо.

Размером с обезьяну. Длинные волосатые руки до колен, а голова – с рогами на лице. Чудовище замирало и смотрело на меня.

Поначалу это существо пугало меня... я даже убежал назад, в свою спальню. Но потом проходил мимо этого зеркала, стараясь не смотреть на это существо.

Спустя год я различил в зеркале другое странное чудовище. Долгое тело как у змеи, а голова как у верблюда. Оно стояло у самого края зеркала и грозило мне. Шипело и падало.

От ужаса я даже начал заикаться. Но взрослым так и не смог признаться в своих страхах. Боялся, что не поймут и решат, что я чокнутый.

Единственное, что здоровое пришло мне в голову, это запастись продуктами и водой заранее. Чтобы не бродить ночами мимо этого пугающего зеркала.

Все бы это так и продолжалось дальше, но однажды случилось непредвиденное. К нам в гости приехала моя тетка, сестра матери, Софи.

Ее разместили рядом с моей комнатой. Софи было чуть больше сорока. Спокойная, рассудительная и добрая женщи-

на. Мама всегда ровнялась на нее. Считала ее умной и образованной.

В честь ее приезда был организован ужин при свечах. Родители весело болтали с Софи. Я сидел у окна и слушал их, зевая. Их разговоры были для меня скучны, и поэтому я отпросился к себе.

После ужина взрослые пожелали друг другу приятных снов и разбрелись по комнатам. Я не спал. Читал книжку. Слышал, как тетка вошла в свою комнату, как напевала что-то тихонько себе под нос.

Скрип кровати и тишина. Она легла спать. Я продолжил чтение. Книжку, которой так увлекся, мне подарила одноклассница. Я не замечал, как летело время.

Когда часы пробили час ночи, за стеной скрипнула кровать.

Софи проснулась. Шаркающие шаги и стук двери. Должно быть, она отправилась в уборную. Однако шаги пронеслись мимо, а вскоре услышал, как Софи стала спускаться вниз, на первый этаж.

Только перевернул страницу, как раздался душераздирающий крик тетки. Глухой стук. Отбросив книжку и одеяло, бросился в коридор.

Едва не налетел на отца. Он, в чем был, бежал к лестнице. На ходу включив свет, мы увидели тело Софи.

Она лежала у зеркала с распахнутыми глазами. Я склонился к ней, чтобы понять, что послужило причиной смерти.

Ни крови, ни следов насильственной смерти. Ничего. Отец начал бегать по дому проверять все окна и двери. Может быть, к нам забрался преступник. Однако ничего не обнаружил. Они были заперты.

Мать стала вызывать «скорую» и полицию. Все это время я смотрел на мертвую Софи. В ее взгляде застыл ужас. Она смотрела в зеркало, словно перед самой смертью она в нем что-то разглядела. То, что в конечном итоге ее и убило.

От этого мне вдруг стало не по себе. Я даже осел на пол. Родители, глядя на меня, не на шутку перепугались.

Мать решила, что меня испугал вид мертвого тела, внезапная смерть Софи. Но я не стал ничего говорить. Позволил отвести себя в комнату. Там, укрывшись одеялом, вдруг горько заплакал.

Мне стало очень страшно, ведь я понял все. Осознал, что чудовища, живущие в этом проклятом зеркале, настоящие. Я ведь искренне верил, что они – лишь плод моего воображения. Что я сам их выдумал.

Но все оказалось не так. Погиб человек. Умер так неожиданно и быстро, что никто ничего не смог понять. Я винил себя. Ведь если бы я все рассказал родным, то Софи была бы жива.

В ту ночь я возненавидел это зеркало. Хотел разбить его на мелкие осколки, чтобы ничего от него не осталось... только красивая рама. Как воспоминание.

После похорон ко мне пришла мама. Она позвала меня в

гостиную и попросила сесть напротив. Судя по ее обеспокоенному виду, я сразу понял, что ожидает серьезный разговор.

– Сынок, в последнее время ты сам не свой. Запираешься в своей комнате, почти не разговариваешь, совсем перестал есть. Ты нас беспокоишь.

В тот момент я вдруг понял, что если не выговорюсь, то сойду с ума окончательно. Она должна меня выслушать, понять и разрешить наконец избавиться от этого проклятого зеркала.

– Мам, я знаю, почему умерла Софи, – выпалил я скороговоркой.

Она посмотрела на меня с недоверием. Взяла мою руку и стала разговаривать как с пятилетним ребенком.

– Понимаю, ты испытал глубокий шок. Мы все в ужасе от случившегося, особенно я. Ведь умерла моя сестра, в моем собственном доме. Врачи сказали, что от внезапной остановки сердца. Странно конечно, у нее всегда было отменное здоровье. Но ты меня беспокоишь. Слишком близко принимаешь все произошедшее с нами.

– Нет, мам, – я выдернул руку, – ты не понимаешь. Это все злополучное зеркало в коридоре. Софи умерла из-за него. Я знаю, я видел, поверь!

Мама нахмурила брови:

– Что ты видел?

– Только не пугайся, ма. Я не сумасшедший.

– А я и не говорю, что сумасшедший. Я хочу знать, что с тобой, сын. Что ты видел?

Я придвинулся чуть ближе и стал говорить шепотом:

– В зеркале живут чудовища. Каждую ночь они показываются, следят, и каждый раз они разные.

Глаза матери расширились. Она вдруг как-то успокоилась и повеселела. Погладила меня по голове и точно таким же шепотом ответила:

– Значит, и ты их тоже видишь?

Это было невероятно. Облегчение и радость от того, что меня вдруг поняли. Я тоже улыбнулся ей в ответ.

– Мам, они, эти чудовища, живут в зеркале. Давай его разобьем. Пусть они уходят, оставят наш дом в покое.

– Нельзя, сынок. Еще прабабка, завещавшая нам этот дом, говорила, что мы должны уберечь это зеркало, чтобы не происходило и чтобы мы не видели в нем. Иначе будет беда!

– Но тогда, что же нам делать?

Меня снова накрыло отчаянье. Снова стало страшно. Но мама вдруг успокоила меня.

– Я знаю, как мы поступим.

Она посмотрела на столик напротив нашего дивана. Там лежала развернутая газета.

– Сегодня же все решится.

Мама взяла в руки телефон и начала звонить по объявлению. Этим же вечером к нам приехала ведьма.

Длинные рыжие волосы, огромные зеленые глаза. Она бы-

ла невероятно красивая и притягательная. Мне кажется, я даже в нее влюбился.

Колдунья приехала с большим черным саквояжем. Едва войдя в дом, зажгла черную свечу и медленно двинулась по длинному коридору.

Я стоял за спиной матери и внимательно следил за ведьмой. Страшно и интересно было наблюдать за всем, что начало происходить.

Колдунья осматривала мрачные стены коридора, иногда прислушиваясь к своим ощущениям. Вдыхала воздух, оглядывалась по сторонам, искала.

Наконец, замерла напротив старинного зеркала. Она стояла и смотрела в свое отражение со свечой в руке.

– Я все поняла, – прошептала ведьма, – все дело в этом зеркале. Во всем виновато именно оно.

Она обернулась и посмотрела на нас. В этот момент я видел, как прекрасное лицо превратилось в уродливое, как у старухи. Настоящая ведьма!

У меня мурашки пробежали по телу. Мать была не меньше меня напугана. Однако ведьма продолжила спокойным тоном:

– Это зеркало, оно необычное. Ни в коем случае его нельзя разбивать или уносить отсюда. Зеркало, это оберег вашего дома. От всяческого зла и преступлений. Вы обязаны его сохранить.

– Но в нем отражаются чудовища, – не выдержал я.

Ведьма лишь усмехнулась. Отступив на шаг назад, снова посмотрела в свое отражение.

– Это что ли?

Она махнула рукой, в которой держала свечу. В этот момент ее отражение исчезло, и мы собственными глазами увидели всех чудовищ. По ту сторону зеркала. Они стояли и смотрели на нас. Их было так много, что я не выдержал и закричал от ужаса. Мать закрыла меня собой и умоляюще посмотрела на колдунью.

– Сделайте что-нибудь. Пусть они уйдут.

– Не бойтесь, они не причинят вам никакого вреда.

– Но как же это...

– Ваше зеркало – это портал в другой мир. В другое измерение. Чтобы ваша жизнь не превратилась в ад, нужно заклеить его и больше никогда не трогать. Постепенно позабудете о нем, и жизнь наладится.

Ведьма потушила свечу. Я, впавший в ступор, все еще стоял на месте. Мама оказалась сильнее меня. Распрощавшись с колдуньей, поспешила в свою комнату. Спустя полчаса вернулась в коридор с небольшим плакатом в руке.

Осторожно встав на табурет, наклеила плакат на зеркальную гладь. Теперь это было не зеркало, а картина.

На нас смотрели не монстры, а букет красных маков. С той поры мы вздохнули с облегчением.

Спускаясь глубокой ночью на первый этаж, я стал видеть эти маки. Хотя и не скрою, рука моя сжимается до сих пор в

кулак, чтобы разбить хрупкое зеркало в раме.

Копатели

Случилась эта история прошлым летом. В нашем маленьком городишке, в Рязанской области.

Двое приятелей что-то долго обсуждали во дворе. Я часто проходил мимо них и слышал обрывки разговора. А обсуждали они вот что...

Недалеко от города находилось кладбище. У главного входа были старые могилы. В них захоронены священники, богатые купцы, знатные горожане. Чуть дальше лежали криминальные авторитеты. Могилы у них были с мраморными надгробиями, скамейками и кованными оградами. Настоящие произведения искусства.

Следом за ними хоронили простых смертных людей. Обычные деревянные кресты и печальные венки с лентами.

Могил было много. Людей хоронили каждый день. Процесии начинали двигаться уже с самого утра.

Так вот, наши молодые люди решили вскрывать могилы и грабить покойников. Повадились ходить на кладбище в самую полночь, когда сторож спал. Один, Иван, светил фонарем и следил, чтобы их не поймали. Второй, Денис, копал.

Первый раз им повезло. В могиле умершей старушки нашли старинную икону. На черном рынке за такую можно выручить не меньше миллиона.

Эта находка их так вдохновила, что они принялись с усердием вскрывать все новые могилы. Пока однажды не произошло вот что.

В один из дней Иван забрел на кладбище и увидел, как хоронят местного криминального авторитета. Он своими глазами видел, как в гроб жена умершего вложила крупный золотой крест с рубинами. Затем священник прочитал молитву, и гроб закрыли крышкой.

Иван от предвкушения потер руки. Этой же ночью они вместе с приятелем принялись вскрывать свежую могилу.

Как обычно, один копал, а другой стоял «на шухере». Выкопали всю землю и ломом вскрыли крышку гроба.

Денис отбросил в сторону лопату и посмотрел на покойника.

– Ну и где этот чертов золотой крест? В руках его нет.

Иван, отбросив лом, начал ощупывать покойного. Ловко заглянул в карманы брюк и пиджака. Крест лежал во внутреннем кармане.

– Нашел, – крикнул он радостно.

В этот момент покойный открыл глаза и внимательно посмотрел на Ивана. Тяжело вздохнул, медленно огляделся, кончиками пальцев коснулся своего лица.

Это был настоящий ужас. От неожиданности Иван схватился за сердце, стараясь отступить назад. В глубоком шоке он попытался выбраться из могилы, но не успел. Сердце не выдержало и разорвалось. Он так и умер в той могиле.

Денис упал на колени. Его ноги отказали. Ему оставалось только наблюдать за тем, как из могилы выходит покойный, поправляя пиджак.

После того случая Денис попал в психиатрическую клинику, где и пребывает до сих пор. Как оказалось впоследствии, того мужика похоронили по ошибке. Сейчас он бросил все, собрал семью и уехал из нашего городка в Крым. Начал новую жизнь!

Сыночек

Небольшая деревушка Юрьевка у холма. Высокие деревья и стога сена в поле. Леса полны грибов и ягод. Люди выходят оттуда с полными корзинками, шутя, мол, их лес кормит.

Мария Федоровна была не исключением. Жила одна, хозяйство свое вела исправно, а в свободное время ходила в лес.

И вот однажды взяла плетеный короб для грибов, отправилась в лес. Опираясь на клюку, медленно шла вперед. Земля влажная, а ноги утопали в зеленом мхе. Шла она, осторожно заглядывая под листву. Уж очень любила грузди.

Их любит ее сыночек Мартын. Он сейчас в армии служит. Женщина каждый божий день вспоминала о нем. Тосковала сильно. Представляла встречу, как обнимет и как заплачет от счастья.

Один он у нее остался. Была еще сестра родная, но она в

Киеве жила со своей семьей. Сестры редко общались, хотя нет-нет, да напишут друг другу письма.

Шла Мария Федоровна по лесу и вдруг заметила впереди молодого мужчину. Камуфляжная куртка, черные штаны. Он повернулся, и она увидела его взгляд.

– Мартын!

Это был ее сыночек. Ее родной мальчик. Она бросила клюку и кинулась к своему мальчику.

При виде матери Мартын растерялся. Отступил назад, но все же улыбнулся. Правда она скорее походила на оскал.

Мария упала в объятия сына.

– Как же это? Ты здесь, в лесу? Совсем рядом со мной, ведь знаешь, как найти. Почему не пришел?

Она обнимала и плакала, а он молча смотрел на нее. Слезы текли из ее глаз. Мать осыпала его вопросами, пытаясь узнать подробности.

В конце концов он спокойно ее отодвинул и заглянул в заплаканные глаза:

– У меня все хорошо, мама. Я здесь, в лесу, потому что так надо. Идем.

Он огляделся по сторонам. Поднял с земли клюку, и они вместе шагнули под раскидистое дерево.

Там, под высокой травой, была землянка. Если бы Мария Федоровна проходила мимо, то ни за что не увидела бы ее.

Землянка была выкопана в земле, а сверху закрывалась деревянным люком, покрытым мхом.

– Вот здесь я живу.

Он отступил, демонстрируя скромное жилище. Внутри была лежанка, с тряпьем вместо одеяла. Низенький стол, на котором стояла керосиновая лампа. Маленький табурет и стульчик.

– Сыночек, как же ты так живешь? Чем питаешься?

– Все хорошо, мама, – сын спокойно достал из кармана папиросы и закурил, – не беспокойся.

– Но ты ведь в армии должен быть. Служить родине. Как же это?

– Да к черту ее. Больше не могу. Сил нет. Сбежал я. Женщина осела на землю.

– Как сбежал?

– А вот так. Поздней ночью, пока все спали. Собрался и ушел. Теперь вот здесь прячусь.

Женщина была ошарашена. Она ведь была уверена, что ее сын – порядочный гражданин, что служит в рядах доблестной армии. Что стал мужчиной, стал ответственным за свои поступки. Ведь этому учат в армии. Ее охватил ужас.

– Что теперь делать?

Она смотрела на сына, которому, судя по всему, было наплевать. Он спокойно глядел на нее и молча курил.

– Сын? Как жить дальше? Неужели будешь скитаться всю жизнь по лесам? Разве это жизнь?

– Мам, прекращай. Я – взрослый, сам управлюсь. Ты лучше помоги мне.

Мария Федоровна вытерла слезы и посмотрела на сына.

– Что сделать? Говори, я все исполню.

– Иди в деревню, да собери мне чего хорошего пожрать.

Ещё вещей прихвати теплых, мои совсем поношены. Одеяло теплое принеси, подушку. Это пока на первое время. Там посмотрим. Сделаешь?

– Хорошо, сыночек. Все сделаю.

– Очень хорошо, тогда беги. До вечера управишься?

– Постараюсь.

Она забрала из его рук клюку и поспешила назад к деревне. С одной стороны, радоваться должна, а с другой – тревога охватила ее. Стало страшно за сыночка. Что станет с ним, когда поймают. Ох, недобрую игру он затеял. Но она как любящая мать должна его поддержать. Несмотря ни на что. Оградить от чужих, защитить, пусть даже от своих.

В полной тревоге она вбежала в дом. Схватила с антресолей старый рюкзак и начала собирать вещи. Обернула в пергамент шматок сала. Бросила несколько луковиц, черного хлеба, масла, рыбы вяленой и банку варенья.

Трясушимися руками завернула теплый плед, подушку сложила и одежду. Связала в узел и поспешила к двери. Она торопилась. Ведь нужно было успеть, пока светло.

Уже в сенях забросила в рюкзак свечи и спички. Быстро закинула его за спину и, сжимая в руках узел, поспешила к калитке.

Она старалась идти по лесной тропинке, подальше от до-

роги, дабы не быть замеченной соседями.

Когда пришла к землянке, то поняла, что сына нет. Он куда-то ушел. Скинула на землю рюкзак и, сев на узел, застыла в ожидании.

Где же он? Куда запропастился? Это ожидание сводило с ума. Ее начала бить тревога. Чтобы как-то успокоиться, Мария Федоровна бросила в землянку рюкзак, узел, а затем вошла сама.

Ей хотелось навести порядок. Развязала узел и только начала выкладывать подушку, как услышала голоса.

Говорили мужчины. Их было несколько. Возможно, трое, а возможно, и больше. Она застыла и прислушалась.

Мужчины шли к землянке. Она отчетливо слышала их шаги. От нахлынувшего страха она скинула под кровать принесенные вещи и спряталась сама.

Над головой, у дверей, послышался шорох. Кажется, мужчины остановились, решив закурить. Кто-то чиркнул спичкой и запахло табаком.

Мария Федоровна, стараясь не дышать, очень медленно вжалась в самый угол. Чтобы ноги-руки не затекли, легла на живот и огляделась.

Под кроватью, вдоль стены, лежали человеческие головы. Волосы спутанные, рты приоткрыты. У одного мертвеца глаз выбит и нос сломан.

От ужаса Мария Федоровна едва сдержала свой вопль. Головы лежали в полметре от нее. Пара женских голов были

пожелтевшими как пергамент. Голова мужчины была покрыта белыми маленькими червями. Они пожирали его глаза. Червяки валялись по полу.

Пришлось закрыть рот и нос рукавом, чтобы не задохнуться. Рядом с кроватью, по полу, пробежал здоровенный паук.

Женщине было плохо от этого тошнотворного запаха и от всего увиденного. Однако один из мужчин вошел в землянку. Судя по звуку, он искал какую-то вещь.

– Да не паникуйте. Мать меня не сдаст.

Это был ее сыночек, ее Мартын. Женщина хотела было позвать его, но в следующий момент услышала:

– Когда твоя мать придет? Есть охота!

– Она у меня здоровая, плотная. Мяса много. Сейчас уж должна прийти, тогда и поедим. Разводи костер, а я сейчас нож подточу.

Марина Федоровна сжалась в комочек. Все тело окостенело от ужаса услышанного. Ее мальчик, ее родной сыночек, обыкновенный людоед.

– Господи, кого же я вырастила?

Она уперлась лбом о пол, не переставая молиться. Так наступила ночь. Мужчины вместе с Мартыном просидели у костра в ожидании Марии Федоровны. Распили самогон и наконец уснули.

Ранним утром женщина выползла из-под кровати и поспешила к выходу. Очень тихо, словно мышка, обошла мирно

спящих людоедов и побежала в лес.

Никто так и не узнал, что Мария Федоровна просидела в землянке той ночью. На следующий день она собрала свои скромные пожитки и уехала к сестре в Киев. Больше никогда она не видела своего сыночка.

Брусника

Эта история произошла, когда мне только исполнилось двенадцать. Я гостила у бабушки, и мы вместе решили сходить на болота, бруснику собирать.

Бабуля у меня добрая, песни пела. А я шла за ней, подпевала. Вот она дорогу показывает, а я, рот разинув, все озираюсь по сторонам. Медведя выглядывала. Боялась очень.

– Милая, не медведей надо бояться. Они просто так не нападают, тем более в этих местах их нет. Мишки живут чуть дальше, в западном лесу.

– Бабушка, а я все равно боюсь, – не унималась я, – вон сколько всяких историй.

– Сколько живу, а сказать могу точно одно. Бояться надо не зверей, а людей. Порой зверь добрее человека будет.

Так за разговорами мы приблизились к месту у самой топи. Маленький кустарник, сплошь усеянный красными ягодами. Бабушка присела и начала собирать.

В свою очередь, и мне нужно было начать ей помогать, но я вдруг увидела впереди себя перевернутое жестяное ведро.

Оно стояло вверх дном.

Недолго думая, я взяла и пнула это ведро. Ведро полетело, а вместе с ним и отрубленная женская голова. Длинные белокурые волосы и этот остекленевший взгляд. Ведро перевернулось и застыло у пня. Голова перекадилась несколько раз и упала в воду.

Там же, из воды болота, торчала женская рука. Рядом лежала красная туфля.

– Бабушка! – крикнула я во все горло и бросилась бежать. Даже не помню, как до дома добралась, но только спустя несколько минут моя бабушка прибежала следом за мной. Мы вместе заперлись в доме и задернули все шторы.

– Вот видишь, внученька, не зверей надо бояться, – причитала она весь остаток дня, – не зверей!

Военкомат

Живу я рядом с военкоматом. Он находится у дороги, и машины у двери не ставят. Парковка сразу за углом. Мне очень хорошо видно, какие драмы разворачиваются у дверей.

Каждый день, когда выгуливаю собаку, наблюдаю грустных молодых парней. Как они нехотя, с невероятной тоской в глазах идут в это здание. Иногда замечаю, как они, выходя оттуда, плачут. Кого-то ожидают родные. Завидев печаль в глазах перепуганного чадушки, матери спешат успокоить,

прижать к титьке, пообещав во всем разобраться, и все в этом духе.

И вот как-то раз иду следом за своим псом. Он обнюхивает очередной столб. Хлопнула дверь. Вижу такую картину...

Выходит из военкомата молодой паренек. Худой, как палка, в очках.

Выходит и начинает прыгать от радости. В руках – куча документов, бумажек, справок. Прыгает этот парнишка и кричит от радости. В какой-то момент эйфория достигла апогея, и он падает на колени и начинает целовать асфальт.

Я подозвал к себе пса. Мне стало дюже интересно, что за радость у парнишки такая. Но не успел я и шага ступить, как из-за угла на большой скорости вылетел автомобиль. Он сбил этого парнишку и даже не заметил.

Кровищи было на асфальте, а в воздухе летали документы, бумажки, справки. Я еще долго не мог прийти в себя от увиденного размазанного трупa по асфальту.

Незнакомец

История произошла с моей подругой, Иркoй. Жила она в Хабаровском крае, в городке Облучье.

Дом ее находился на сопке и, чтобы туда добраться, нужно было подняться вверх, по дорожке.

Так вот, поздним вечером, когда все достопочтенные горожане были уже давно в своих уютных квартирках, моя

Иринка вышла из автобуса. Одна.

Кругом тьма, только одинокий фонарь освещал вдалеке часть сопки. Укуталась в плащ, в руках сжала сумку. Решительным шагом направилась вперед к дорожке.

Едва сделала пару шагов, как ее окликает мужской незнакомый голос. Иринка обернулась и застыла.

Под высоким дубом стоял голый мужик и смотрел на нее. Она опустила глаза и посмотрела на его член. Он тотчас прикрылся руками, и она неловко рассмеялась:

– Че, насиловать меня станешь? Этим?

– А че сразу насиловать-то? Может я пообщаться хочу, – начал мужик.

– Ты лучше там стой, где стоишь. Не приближайся, – грозно крикнула подруга. – У меня газовый баллончик, рекомендую не приближаться. Чего хотел?

Мужик от холода шмыгнул носом.

– Давай до дома доведу. Лезь на спину!

Она выпучила на него глаза. Снова обвела наглым взглядом его обнаженное тело и вдруг как засмеется.

– Ну ладно, отвези. Сколько живу, а такого еще ни разу не видела. Хоть один разок на голом мужике покатаюсь. Когда еще следующий раз подвернется.

Отчаянная, она решила, что он – псих.

Мужик медленно приблизился. Повернулся спиной и встал на четвереньки. Иринка, недолго думая, вскарабкалась на его широкую спину. Через несколько секунд они вместе

направились вверх по дорожке.

Иринка вцепилась в шею мужика одной рукой, а второй – придерживала сумку, иногда проверяя газовый баллончик. Всю дорогу молилась, чтобы их никто в таком виде не увидел. Иначе бы со стыда сгорела на месте.

Так они вместе добрались до ее дома.

– Здесь?

– Да.

Мужик снова встал на четвереньки, и Иринка наконец с него слезла. Он, бедненький, весь покраснел, испариной покрылся, тяжело дышал, но держался молодцом.

Ну что поделаться, коли мужик сумасшедший. Она пожелала ему спокойной ночи и упорхнула в подъезд. Хотя какая ему спокойная ночь с его-то заморочками?

На следующий день, как обычно, возвращается Иринка домой. С работы. Поднимается вверх по дорожке к дому и видит того мужика. Только на этот раз стоит причесанный, в деловом костюме, галстуке, начищенных ботинках. В руках – букет роз.

При виде Иринки шагнул в ее сторону и протянул цветы.

– Хотел извиниться.

Иринка приняла цветы и широко улыбнулась.

– За что?

– За вчерашнее. Понимаете, мы с друзьями играли в карты на желание, и я проиграл.

Она вдохнула аромат роз.

– Может, выпьете со мной чашку чая?

Мужик облегченно заулыбался в ответ:

– С удовольствием. Кстати, – он распахнул перед ней дверь, – меня Серегой зовут.

– А меня – Ирина.

Так моя подруга познакомилась со своим нынешним мужем. Классный мужик, этот Серега. До сих пор ее удивляет.

Малина

Моя дочка Любушка вместе с младшим сыном Кириллом каждое лето уезжают к моей матери. В деревню.

Огромное теплое озеро, песчаный берег. Рядом поле, на котором мирно пасутся коровы и овцы.

Домик моей матери как раз недалеко. Большой, просторный, бревенчатый. С добротной крышей и высокими окнами. Тут же, в огороде, маленькая русская банька. У забора – небольшой сарай. Там хранится сено для скота.

В то лето мои дети собрались как обычно позагорать на крыше сарая. Но не одни, а с подружками. Дашей и Соней.

В тот день солнце пекло, а мои ребяташки не надели панамки. Дочери головушку припекло, и ей стало плохо. Голова закружилась, и она упала с крыши сарая на землю. Прямо в малину.

Дети решили, что Любушка умерла. Испугались. Братик в испуге заплакал и стал обнимать сестру. Просил, чтобы она

пришла в себя и не умирала.

Подружки осторожно спустились вниз. Молча вошли в сарай, взяли по лопате и начали копать могилу.

Кирилл начал биться в истерике. Мол, сестренку надо похоронить по всем обычаям. На кладбище. Кричал, что нужно позвать взрослых, чтобы они помогли.

– Заткнись, придурок! – рявкнула на него девочка Соня, продолжая выкапывать могилу посреди малины.

Корни, листва, ветки – им было трудно копать. Поэтому девочки, недолго думая, просто скинули тело в небольшое углубление и принялись закапывать.

Кирилл стоял и, глотая слезы, наблюдал за тем, как его сестру закидывают землей. Даша бросила горсть земли на лицо и громко скомандовала:

– Ты, придурок, что стоишь? Неси скорее цветы, будем на могилку укладывать.

Кирилл бросился выполнять приказ старшей подруги. Но все цветы росли под окном дома. Сынок принялся срывать георгины и гладиолусы.

За этим занятием его поймала бабушка:

– Чего это ты, негодник, такое вытворяешь? Зачем цветы срываешь? Праздник какой?

Кирилл громко запричитал, смахивая слезы с глаз:

– Сестренку хороним у сарая. Вот, несу на могилку.

– Чего? Чего?

Она схватила его за ухо и потащила впереди себя. Он,

сжимая цветы в руках, стараясь не уронить, следовал за ней. Ухо болело невероятно, но он цветы не бросил.

Там, в кустах малины, она застала такую картину. Небольшой холмик земли, из-под которого торчали босые ноги внучки. Сверху – листва и еще какая-то трава.

– Что это? Как у вас ума-то на это хватило, негодники?

Бабушка схватила внучку за босые ноги и вытащила из-под земли. Бросилась слушать ее дыхание. Любушка была без сознания, но дышала.

– Вы же ее живьем чуть не закопали. Изверги!

Бабуля схватила крапиву, что росла вдоль забора, и принялась ею потчевать горе-подружек. Прямо по голым спинам. Со всей дури. От души!

Больше мои дети с этими девочками не дружат. Запомнили этот случай у сарая в малине навсегда.

Школьная линейка

Я никогда не смогу забыть этой школьной линейки. Никогда. Пройдет много лет, и я стану страшным дедом с палкой, но все равно не забуду.

Эта история приключилась с нами в школе, в одиннадцатом классе. Мы как раз сдали все экзамены и готовились получить аттестат.

Но за день до линейки моя одноклассница Вика умерла. Неожиданно для всех. Кажется, у нее от жары остановилось

сердце. Прямо на улице, в парке.

В шкафу – приготовленное выпускное платье, белые туфли и цветы для волос. Родители не нашли ничего лучше, чем принести мертвую Вику к нам на праздничную линейку.

В голубом платье, с кудрями и цветами в волосах. Она была красиво подкрашена, с алой помадой на губах. Лежала в гробу, на стульях, рядом с нами.

Мы пили шампанское, ели фрукты в полной тишине, иногда переговариваясь шепотом, каждый раз поглядывая на гроб у стола.

Спустя час к нам подошли родители.

– Всем выстроиться для фотографии на память.

Гроб приподняли. Все дети выстроились в ряд. Фотограф крикнул перед тем, как снять:

– Улыбочку!

Улыбнулись, кто как мог. Гроб опять поставили на стулья. «Веселье» снова продолжилось.

Сейчас эта фотография лежит у меня в альбоме. Наш выпускной класс и мертвая одноклассница в гробу!

Скорая помощь

Поздним вечером в «скорую помощь» поступил звонок. Звонила женщина и, плача в трубку, сообщила, что у нее ужасные головные боли.

По оставленному адресу выехала бригада врачей. В тот

день вызовов было много, а на дорогах – пробки. Торопились, как могли, но все же приехали только через час.

Водитель открыл окно, закурил. Молодая врач и пожилой доктор вышли из машины и направились к подъезду. Железная дверь как раз распахнулась, и врачи вошли внутрь.

Лифта не было, и они начали подниматься на пятый этаж. Кругом грязь, на полу бычки, воняет куревом.

Уставшие, наконец поднялись на площадку и позвонили в дверной звонок. Послышались неторопливые шаги. Тишина. Лязг замков.

Дверь медленно отворилась. На пороге стоял подвыпивший мужик в трениках и майке-«алкоголичке». При виде гостей в халатах громко икнул.

– Че приехали?

Врачи растерялись. Не такого приема они ожидали, тем более устали очень, хотелось поскорее завершить вызов и вернуться в машину.

– Нам поступил вызов с этого адреса. Вот приехали оказать помощь. Кажется, у вашей жены головные боли?

Доктор хотел было войти в квартиру, да не тут-то было. Мужик перегородил ему путь.

– Да, ничего у нее уже не болит.

И в подтверждение своих слов продемонстрировал им отрубленную женскую голову. Доктор в ступоре открыл рот, а девушка бросилась бежать вниз по лестнице, на бегу уронив чемоданчик.

Мужик громко рассмеялся и бросил голову в руки доктора. С грохотом захлопнул дверь.

В оцепенении доктор уронил отрубленную голову на пол. Поднял чемоданчик и стал спускаться вниз. На следующий день написал заявление об увольнении.

Заброшенный дом

Был у меня в детстве друг Леха. Мы с ним в какие только передраги не попадали. И в драки с соседскими мальчишками, и в магазин за шоколадками лазили, и шары с водой кидали в прохожих. Все это было ничто в сравнении с тем, что удалось пережить одним пасмурным днем.

Случилось нам как-то забрести на окраину города. Там за бетонным забором стоял желтый двухэтажный дом. Окна разбиты, входная дверь выбита.

Леха приблизился к подъезду и замер.

– Слышишь? Там внутри?

Я прислушался, но ничего не услышал.

– Нет, ничего не слышу.

– Ну как же? Еще послушай.

Чтобы что-то различить, я тихонько вошел в подъезд и прислушался. Кажется, высоко над нами, на втором этаже, слышался шорох.

– Вроде бы кто-то стонет, – прошептал друг Леха и с заговорщицкой улыбкой стал подниматься по ступенькам на-

верх. – Пойдем посмотрим!

Но я как-то заробел. Не знал, что могу увидеть там. Охватила какая-то неловкость. Тем более что шорохи были какие-то резкие, глухие, странные.

Леха стал тихонько подниматься наверх, стараясь не шуметь. Все время озираясь по сторонам, он пытался увидеть, что или кто издает эти звуки.

В какой-то момент он исчез из вида. Шорох не прекращался. В свою очередь, я волновался за друга. Мало ли что?

Я осторожно подошел к лестнице и заглянул вверх. На втором этаже что-то с грохотом упало. В следующий миг я увидел побледневшего Леху, он опрометью бежал вниз, не различая дороги, не замечая меня. Пробежал по ступенькам вниз и сразу выбежал на улицу.

Я снова посмотрел наверх. Этот непонятный шорох продолжался. Мне стало любопытно, что же такого там увидел Леха, что бросился бежать.

Опираясь о перила, я стал медленно подниматься вверх. Шаг за шагом, по ступенькам все выше и выше, пока наконец не попал на второй этаж.

Передо мной длинный коридор и многочисленные комнаты по обе стороны. Шорох доносился с левой стороны. Я направился на его звук.

То, что я увидел, повергло в глубокий ужас. Чтобы не упасть, пришлось опереться о полуразрушенную стену.

В углу комнаты две огромные собаки поедали младенца.

Они рвали его с двух сторон. Один пес тянул за руку, второй – за окровавленную коленку.

Обглоданная голова ребенка валялась тут же под лапами. Все стены, пол и морды собак были в крови.

Звери не обращали на меня ни малейшего внимания. Они вырывали из пасти друг друга куски плоти.

Меня стошнило прямо на стену, у которой стоял. Словно во сне, повернулся и побрел назад к лестнице. Когда вышел из подъезда, то увидел Леху на скамейке. Он молча курил и смотрел стеклянными глазами перед собой.

Домой мы возвращались молча. Никогда об этом больше не заговорили. Никогда.

Учитель труда

Наш учитель труда, Николай Петрович, был мужчина суровый, хотя и справедливый. Мы, ученики восьмого класса, его уважали и почитали. Даже немного побаивались.

В тот день мы, как обычно, сидели на его уроке. Николай Петрович решил нас научить мастерить лобзиком. Как обычно, стоял у доски и рисовал что-то мелом.

Я сидел в аккурат перед ним. Видел не только, что происходило у доски, но и то, что творилось позади.

На задней парте сидел тихий скромный паренек Никита. Обычный мальчишка, каких много. Хорошие отметки в дневнике, тихий голос, опрятная одежда. Все как у всех.

Николай Петрович закончил объяснять материал. Отложил мел и сел за свой стол. Перед ним лежал предмет урока – лобзик.

Несколько раз он поглядывал на заднюю парту молча. Однако спустя несколько минут сделал замечание:

– Никита! Чем ты там занимаешься? Все сюда смотрим, на лобзик.

Но Никита, по всей видимости, был мало заинтересован происходящим. Он что-то аккуратно выводил ручкой в своей тетради.

– Никита, твою мать! Ты че, оглох?

Никита лишь поднял глаза и посмотрел на учителя суровым взглядом непослушного подростка.

Они смотрели друг на друга внимательно, не мигая. В следующий миг Никита снова опустил свой взгляд в тетрадь, продолжая что-то рисовать.

Тогда Николай Петрович взял со стола кусочек мела и запустил им в голову непослушного ученика.

Все пацаны замерли. В классе повисла тишина. Было интересно, чем закончится это противостояние.

Никита медленно закрыл свою тетрадь. Поднялся со своего места и направился ко столу учителя, все это время не отводя тяжелого взгляда с лица преподавателя.

Николай Петрович повернулся. Ему и самому было интересно, что скажет ученик. Как станет оправдываться.

Тем временем Никита молча взял со стола наставника

лобзик. Замахнувшись со всей силы, ударил по лицу. Так он стал избивать мужчину, не обращая внимание на кровь и стоны.

Учитель только защищался от него руками, ведь у него не было возможности, чтобы подняться. Сидел на стуле и ловил удары в голову.

Ученики с дикими криками бросились вон из класса, расталкивая друг друга. Они были в ужасе от происходящего.

Истерзанный Николай Петрович упал на пол, а спокойный Никита отбросил окровавленный лобзик и вернулся к своей парте. Открыл тетрадочку и продолжил рисование.

Чуть позже мы узнали, что у Никиты было врожденное психическое заболевание, которое родители тщательно скрывали. Они не хотели отдавать его на лечение в психушку.

У Николая Петровича осталась беременная жена и двое сыновей.

В подъезде

Я девушка весьма симпатичная и часто слышу комплименты в свой адрес. Нравиться мужчинам для меня само собой. Хотя и приятно, черт возьми.

Но в свои двадцать лет у меня нет постоянного парня. Все жду «принца на белом коне». Кто знает, а вдруг повезет?

Как-то раз поздним вечером я возвращалась домой после

учебы. На улице давно стемнело, и мне следовало поторопиться, чтобы не попасть в неприятности. Обычно на остановке меня встречал папа, но не в тот вечер.

Мой дом находился на юге Москвы. И хотя наш район был благополучный, мне все равно было не по себе.

Еще в университете я надела на себя толстовку, а на голову – капюшон, чтобы не привлекать к себе внимания.

С остановки до дома дошла, что называется, без проблем. Из кармана достала ключи и распахнула дверь подъезда. В этот момент позади меня дверь задержала сильная мужская рука.

Без всяких дурных мыслей я вошла в подъезд и стала подниматься по ступенькам. Мужчина следовал за мной. В какой-то момент поравнялся со мной и, схватив за руку, поволок в сторону лифта.

У меня в голове замелькали мысли, одна ужаснее другой. Думала, что вот сейчас ограбит, изнасилует и, наконец, убьет. Прощайте, мои мама и папа. Так я никогда не выйду замуж, не познаю счастья материнства и все в этом роде.

Мужчина с силой бросил меня о стену. Я ударилась спиной и затылком. Было ужасно больно, я тут же заплакала. Не знаю, больше от чего, то ли от боли, то ли от страха.

Бандит схватил одной рукой меня за шею, не давая дернуться. Я видела его холодные, злые глаза.

Второй рукой он залез мне под толстовку и начал сдирать лифчик. Его руки были холодными и тряслись от предвку-

шения.

Я услышала, что где-то наверху хлопнула входная дверь. Решила крикнуть, чтобы позвать на помощь.

Бандит тут же зажал ладонью рот. В этот момент не знаю, что на меня нашло, но я вдруг вспомнила, что терпеть не могла, когда мне облизывали ладони. Я взяла и лизнула языком ладонь своего обидчика. В этот момент он взглянул на меня с расширенными от отвращения глазами. Резко выпустил меня из рук и отступил на шаг назад. Вытер свою руку о штаны.

Пауза. В следующую секунду он бросился бежать из подъезда, оставляя меня насмерть перепуганную. Мои ноги тряслись, и я не могла идти. Всю трясло, из глаз текли слезы. Не знаю, как нашла в себе силы двигаться дальше. Подошла к своей двери и нажала на дверной звонок.

Дверь открыли сразу. Это была мать. Она не сразу поняла, что произошло. Я молча вошла и села на пол. Кажется, тогда потеряла сознание.

Тайна

Я из очень обеспеченной семьи. Живу в большом коттедже с моей матерью и отчимом. У нас в гараже два джипа и один седан представительского класса. Скутер, мопед и мотоцикл.

Модные гаджеты, дорогие шмотки и бриллианты в шкапулке. Мне нечему жаловаться, у меня все отлично.

Должна заметить, что с матерью у нас недружеские отношения. Скорее, никакие. Она – моя мать, а я – ее дочь.

Наблюдая за ней, вижу, с какой благодарностью и любовью смотрит на своего мужа, моего отчима.

В свою очередь, я к нему отношусь более чем прохладно. Ведь он не мой отец, так что и не обязана его любить.

Он бизнесмен, работает много и подолгу. Бывает, не видимся неделями. Пропадает в командировках, и это меня устраивает.

Мама занимается хозяйством и собой. Дома всегда убрано и чисто. На столе – сытный обед, а в холодильнике – полно деликатесов.

Однажды мне позвонила подружка и сказала, что вечером не сможет со мной встретиться. Все отменяется. Конечно, я расстроилась, но сделала вид, что наплевать.

Спустилась вниз, на кухню. Решила поужинать в гордом одиночестве. Достала тарелку и налила горячий суп с галушками.

Поставила на стол и только села, как на кухню вошла мать. Она улыбалась. В руках мобильный. Я съехидничала:

– Любимый звонил?

Она лишь кивнула и направилась к шкафу. Я молча наблюдала, как достает тарелку и наливает себе суп.

– Мам, ты такая довольная. Чего происходит?

– Да так, настроение хорошее. Валя утром возвращается. Пытаюсь вспомнить, все ли у меня готово к его приезду.

– Черт, – огрызнулась я, – у тебя все мысли о моем отчиме. Хоть бы раз изменила ему что ли.

Мама застыла. Молча поставила на стол напротив меня наполненную тарелку. Отодвинула стул. Села.

– Милая дочь, какая же ты все-таки несправедливая. Валя столько для нас сделал.

Я не растерялась. Отломив кусочек булочки, которую тот-час отправила в рот, добавила:

– Ну он – твой мужчина и твой муж. Ты обязана за ним ухаживать. В свою очередь, мне остается только за этим наблюдать. Как следствие, подобных отношений со своим молодым человеком не допущу. Ведь у вас с ним бытовая проституция, мамочка. Ты ему – тело, а он тебе – шмотки, украшения, деньги. Не так ли?

Она ничего не сказала, только во все глаза смотрела на меня. Мне хотелось вывести ее из себя. Хотелось позлить. Но она, откашлявшись, начала разговор:

– Помнишь, когда ты была совсем маленькая, мы жили в бараке?

– Да, я тысячу раз слышала все эти истории про нищее детство. Про то, что питались сухарями и консервами.

– Мы тогда жили втроем, – продолжала мать, – ты, я и бабушка.

– Да, – кивнула я, черпая ложкой суп, – ты каждую ночь куда-то уходила. Оставляла меня с бабулей. Я тогда серьезно думала, что ты работаешь проституткой.

Ее глаза покраснели и наполнились слезами.

– А ведь так и было, – призналась мать, – я действительно работала проституткой по ночам. Выходила на трассу, стояла у дороги. Спустя какое-то время перешла работать в сауну. Там было тепло и удавалось поесть, если клиент был добрым.

Я смотрела на нее и не верила своим ушам.

– Именно там, на работе, я и познакомилась с твоим отчимом. Он как раз развелся, был холост. Богатый, щедрый и заботливый, таких мужчин любят. Влюбилась в него. Понравилась ему и даже очень. Валя не посмотрел на то, чем я занимаюсь, где живу и сколько у меня детей. Принял такой, какая есть. Полюбил. Спустя месяц наших странных отношений выкупил у моей сутенерши за большие деньги. Привел в порядок, вылечил от всяких болячек. Купил этот дом и забрал нас всех к себе.

Она посмотрела на свои руки, точнее, на золотые кольца.

– Он осыпал меня золотом, купил шубу, машину, отвез за рубеж. Сделал своей женой. Я, признаться честно, ему очень благодарна за все, что он для нас сделал. Никогда не забуду.

У меня от таких откровений открылся рот. Перехотелось есть суп. Брезгливо отодвинув тарелку, я вышла из-за стола.

– Боже, с кем я живу? Сплошная ложь.

Мне было все это противно. Я смирила ее высокомерным взглядом, каким только могла:

– Зачем ты мне все это рассказала?

Но она лишь равнодушно пожала плечами:

– Наверное, чтобы опустить с небес на землю, милая.

– Уж лучше бы я этого никогда не знала, мама.

Я проплакала весь вечер и всю ночь. На следующий день не могла смотреть в глаза ни матери, ни отчиму. Весь мир перевернулся в моих глазах.

Спустя месяц я ушла из дома. Отчим снял мне отдельную квартиру, но я до сих пор его презираю. Не могу простить их обоих.

Загородный дом

Мне было лет восемь. Кроме меня, еще в семье было два младших брата-близнеца. Егор и Иван.

Родители строили загородный дом. Мы мечтали в него поскорее переехать. И вот, всей дружной семьей мы поехали за город, проверить, как продвигается стройка.

Отец припарковал машину у входа. Мы с братьями поспешили выбраться наружу. Не оглядываясь, побежали за дом в сад.

Краем глаза я проследил, как родители вошли в дом. Я знал наперед, что они начнут общаться с прорабом, и это продлится как минимум час.

Егор залез по лестнице на крышу соседского сарая, тем самым вызвал тревогу.

– Спускайся, нечего туда лазить.

– Но я хочу играть.

Я подошел к лестнице и громко предложил поиграть всем вместе в прятки.

– Прятки я люблю, – отозвался Егор.

– Тогда спускайся. К соседям лазить запрещено, – ответил я, – это будет общим условием, Иван.

– Хорошо, – отозвались братья.

Я встал у стены, закрыл лицо руками и отвернулся.

– Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват.

Когда повернулся и огляделся вокруг, то братьев след пропал. Конечно, мест для того, чтобы им спрятаться, было предостаточно.

Я неспешно бродил по территории дома. Рассматривал кирпичные стены, синюю крышу, кованное крыльцо. Затем вошел внутрь.

Пахло краской. Я глубоко вздохнул, ведь всегда обожал этот запах. Мимо меня проходили рабочие. Кто с ведром, кто с кисточкой. Никто не обращал на меня внимания.

Я неторопливо пересек гостиную и вошел в просторную комнату. Там стояли родители и прораб. Они обсуждали расположение камина.

Их разговор навеял на меня смертельную скуку. Выйдя из гостиной, я поспешил на поиски братьев. Конечно, первым делом вернулся во двор. К той самой лестнице.

Быстро вскарабкался наверх и заглянул под крышу сосед-

ского сарая. Никого. Значит, Егорка меня послушался и не полез.

Я быстро спустился вниз и огляделся. Узкий проход между забором и домом. Он вывел меня на задний двор, где располагался газон и деревья. Братьев и там не было видно.

Тогда я вошел в маленький сарайчик для строительных инструментов. Там в углу, за рулоном линолеума, прятался Иван.

– Вот ты где! Поймался, выходи.

– Долго ты меня искал?

– Нет, недолго, но нашел легко. Пошли искать Егорку.

Мы взялись за руки и покинули сарай. Мы искали брата очень долго. Заглянули во все углы нашего двора. Вошли в дом, обшарили весь подвал, первый этаж и, наконец, поднялись наверх.

При виде нас родители забеспокоились.

– Что случилось? Где Егор?

Я быстро рассказал матери, что случилось. Иван подтвердил мои слова. Все вместе мы начали искать братишку. Но он как сквозь землю провалился.

Отец выбежал во двор, открыл машину, там посмотрел. Заглянул за ворота, начал громко звать. Но ничего. Егор пропал бесследно.

Тем же вечером родители объявили его в розыск. Распечатали листовки и повесили на всех подъездах и столбах.

Но никто ничего о нем не знал. Брата объявили в розыск.

Родители были в отчаянье, но это горе со временем утихло.

Спустя двадцать лет. Мы уже давно выросли. Я женился, привел жену в родительский дом. Младший брат уехал в соседний город, обосновался там.

Решили сделать ремонт. Снести перегородки и расширить комнаты. Наняли рабочих, и те стали выбивать стены.

Мы с женой стояли в коридоре, а мои родители – позади нас. Когда стена наконец рухнула, вместе с кирпичом к нам в ноги упал труп ребенка. Это был Егорка. Мы узнали его по внешним признакам, по обрывкам одежды и обуви.

Как оказалось, в день пропажи горе-строители по ошибке залили спрятавшегося ребенка бетоном.

Поезд

Зима. Холодно. Снежно. Глубокая ночь. Поле. Железная дорога. Стоит мужик в тонкой осенней куртке. Курит. Смотрит на приближающийся поезд.

Пальцы от холода свело. Ничего не чувствуют. Волосы и плечи припорошены снегом. Стоит и смотрит, не оглядываясь по сторонам.

Едва поезд приблизился, одним шагом ступил на рельсы. Состав проехал по мужику. Скрип колес. Несколько метров поезд промчался вперед, а затем остановился.

Из кабины вылез машинист и бросился к самоубийце. Проверить, что, да как. Приблизился. Остановился. Снег в

крови.

Мужика переехало пополам. Машинист сам не знал, что на него нашло. Склонился и взял туловище, поставил на снег. Рядом с рельсами. Оставшуюся часть, бедра с ногами, оттащил чуть дальше.

Самоубийца приоткрыл глаза и прошептал хриплым голосом:

– Почему так больно?

Это был ошарашенный безумный взгляд живого мертвеца. Машинист схватился за сердце. Екнуло и застучало как ненормальное. После того случая бросил он эту самую работу и запил.

Обеспеченное будущее

Я – молодой здоровый мужчина. Этим летом исполнится двадцать семь лет. Мои родители не так богаты, да и живут в деревне. Сам я толком ничего не умею. Да и особо не стремлюсь. Живу одним днем.

Вечеринки, тусовки, девочки. Заработанных денег хватает на съемное жилье и на еду.

В последнее время стал задумываться о том, что скоро тридцать, а до сих пор ничего не нашол.

Вероятность, что выиграю миллион в лото, ничтожно мала. Неожиданное наследство от богатых родственников исключено. Разбогатеть, открыв свое предприятие, – мечта из

области фантастики. Ну не дано мне это.

С другой стороны, я хитер, хорош собой, внимателен к женскому полу и бережлив. Со мной можно договориться, ну вы поняли, о чем я.

Как-то прекрасным утром, в гостях у очередной любовницы, я пил кофе и читал газету. На последней странице увидел такое объявление:

«Немолодая взрослая женщина восьмидесяти пяти лет готова отписать свою двухкомнатную квартиру в центре города молодому мужчине взамен на добротный уход. Сделку оформим нотариально, без обмана».

Незаметно от любовницы я записал номер телефона, а вскоре позвонил. Ответил женский голос с легкой хрипотцой. Назвалась Валентиной. Договорились о встрече, в ее квартире.

Апартаменты находились на проспекте, у главпочтамта. Как представил, что все это будет моим, так аж голова закружилась.

Вошел в подъезд, поднялся на этаж, позвонил в дверь. Спустя минуту дверь бесшумно распахнулась, и я увидел настоящую старуху.

Белые, как бумага, волосы, собранные на затылке гребнем. Морщинистое лицо, покрытое коричневыми пятнами. Голубые внимательные глаза. Тонкие поджатые губы.

Из одежды – бесформенная вязаная кофта и юбка в пол. Валентина оглядела меня с ног до головы, но прежде чем

впустить, спросила:

– Валерий? Это ты?

– Я, – отозвался глухо.

Она отступила на шаг и разрешила войти. Первым делом я начал озираться по сторонам. Изучать просторную прихожую. Высокий потолок, крашенные белой краской стены. На полу – потертый паркет. Мебель вся антикварная.

Однако, вопреки моим ожиданиям, ни запаха кошек, ни других неприятных запахов в квартире не было. Я облегченно вздохнул.

Старушка провела меня в уютную гостиную.

– Прошу вас, Валерий, присаживайтесь на диван.

Сама же опустилась в кресло, что стояло напротив. Все это время она ни разу не отвела от меня внимательного взгляда. Меня это не смущало. Пусть любитесь, ведь я тоже изучаю ее квартиру.

– Ну, для начала расскажите о себе.

Я немного нервничал, но старался не подать вида. Небрежно откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу.

Мне совершенно не хотелось исповедоваться перед кем бы то ни было. Поэтому я рассказал только главное.

– Все детство провел в деревне Николавка, в ста километрах отсюда. Семья была большая, жили небедно. Держали хозяйство. После школы сразу перебрался в город и поступил в Гуманитарный университет. После окончания так и не

смог устроиться по специальности. Так, подрабатываю барменом в ночном клубе.

– У тебя девушка есть, или, может быть, ты женат?

– О, нет. Я холост. Серьезные отношения не для меня.

Я смотрел на нее, не мигая. Старухе совершенно незачем знать все интимные подробности моей жизни. Чтобы уйти от дальнейших расспросов, я сменил тему.

– Скажите, а ваши родственники вам помогают? Наведываются? Они не будут против моего присутствия и вашего решения?

– Мои родственники?

– Ну да, – оживился я, – ведь как я понял из объявления, вам нужна помощь в уходе. В обмен на это вы отпишете мне эту квартиру.

– Да, все верно.

– Может случиться так, что ваши родственники заявятся в один прекрасный день и оспорят ваше решение?

Старушка лишь криво усмехнулась.

– У меня никого нет. Муж давно умер от рака легких, а сын погиб два года назад. Автокатастрофа. На сегодняшний день, смею вас заверить, у меня нет близких родственников. Я одинока и стара как черепаха. Кто знает, сколько еще мне отпущено дней жизни? День, два, а может быть, неделя. В любом случае, эта квартира принадлежит мне, и я ее единственный собственник.

– Хорошо, – заметно повеселев, я продолжил задавать во-

просы, – что именно вам требуется?

– Ну во-первых, это покупка необходимых медикаментов, продуктов и прочей мелочи. Во-вторых, уход за мной, а именно помощь в принятии ванны, переодевание, расчесывание волос, массаж спины и ног. В-третьих, уборка и, возможно, приготовление пищи. Но это вряд ли, я сама справляюсь на кухне. Справитесь?

Я сделал вид, что задумался. Однако внутри ликовал. Все, что она просила, я и так делал каждый день. Трудностей в уборке и беготне по магазинам никакой. А помогать принимать ванну, так ведь только помогать. Дальше она сама будет мыться.

– Я согласен.

– Отлично, – впервые она улыбнулась, – значит, для начала вы поселитесь здесь, в гостиной. Спать будете на диване, постельное белье выдам. Когда переедете?

– Думаю, что сегодня вечером.

Она снова кивнула. Затем медленно поднялась с кресла и направилась к окну. Глядя на нее, было трудно представить, что сегодня-завтра она умрет. Скорее, проживет еще лет десять.

Но мне и здесь выгода. Не придется платить за квартиру. Тратиться только на еду и одежду. Красота.

– У меня предусмотрены выходные?

– Выходные? – она с укоризной посмотрела на меня.

– Ну да, – отозвался я.

– Молодой человек, как вы себе это представляете? Я не могу весь день лежать в кровати. Это неприемлемо для меня.

Я поспешил ее успокоить:

– Хорошо, хорошо, я все понял.

– Теперь, когда мы все с вами обсудили, – она снова посмотрела в окно, – прошу, принесите мне копию своего паспорта. Я начну составлять договор дарения.

От ее слов у меня все внутри запело и затанцевало. Скоро я буду полноправным владельцем роскошных апартаментов, ни копейки не вложив. Какой я молодец, как же мне повезло.

Вскоре мы распрощались, и я отправился паковать чемоданы. Вечером того же дня вызвал такси и переехал к Валентине.

Часов в девять она ушла спать, и я был предоставлен сам себе. Как дома: принял душ, накинул халат и, заварив чаю, отправился в комнату смотреть телевизор.

Чувство радости охватило меня. Так и хотелось поделиться с друзьями о такой везучести. Но я не мог, ведь это был мой первый день. Вдруг старуха передумает, будет неудобно. Оправдывайся потом.

Я сел на диван и стал размешивать сахар. Дверь за спиной скрипнула, и я увидел на пороге спальни Валентину. Она стояла в шелковом халате и смотрела на меня.

Черт, этот взгляд. Уж слишком хорошо я его знал. Эта взрослая женщина хотела меня, а я смотрел на нее в глубоком ступоре.

Стараясь сгладить неловкость ситуации, я медленно поставил чашку на тумбочку. Затем предложил присесть в кресло напротив.

Валентина улыбноулась и шаркающей походкой направи-лась к креслу.

– Вам не спится? – задал я идиотский вопрос.

– Да, – ответила она, развязывая пояс халата, – совсем не могу заснуть.

Откинув полу халата, она продемонстрировала мне обна-женное бедро и часть лобка. Странное ощущение я испытал тогда. С одной стороны, меня чуть не вырвало от вида растя-жек и обвисшей груди. С другой, во мне пробудился самец. Тот самый, который трахает все, что движется.

Я перевел свой взгляд на ее лицо. Стало интересно, что же она дальше станет говорить.

– Понимаешь, – начала она игривым тоном, – всю жизнь свою я принадлежала только одному мужчине – своему му-жу. Он был по сути моим единственным. Жизнь прошла, а я не познала радости интимной близости с другими мужчи-нами. Сейчас как никогда жалею об этом.

Она жалела, а меня тошнило. Трахать старуху не было ни малейшего желания. Поэтому решил всеми способами сде-лать так, чтобы отстала.

Стараясь не выдать ход своих мыслей, я спокойно ей от-ветил:

– Кажется, мы договаривались с вами о другом виде по-

мощи с моей стороны. Не так ли?

Она лишь пожала плечами и окончательно скинула халат. Медленно опустилась на колени и поползла ко мне.

– Да, я помню об этом, мой мальчик. Пока еще не сошла с ума.

– Извините, но если вы думаете, что я буду с вами спать, то глубоко ошибаетесь, – возразил я.

– Тогда, мой милый, наш договор будет не иметь силы. Извини.

Она стояла у моих ног абсолютно голая. Эти белые волосы, эти морщины на лице. Вроде бы женщина, но такая старая.

подавив очередной приступ тошноты, я продолжил защищаться:

– Почему только сейчас вы говорите об этом? Почему не в тот момент, когда я пришел к вам утром?

– Потому, мальчик мой, что тогда бы ты не согласился и сбежал. Ведь так?

Она была права. Если бы с самого начала я знал об этом, то, конечно, не согласился. Однако я уже видел себя полно-властным владельцем этой роскошной квартиры. Мысленно представил, какой сделаю ремонт, как расставлю мебель. Как начну устраивать здесь вечеринки и приводить девиц. Черт.

– Какой секс вы предпочитаете? – вырвалось у меня.

На ее лице мелькнула победа надо мной.

– Я буду делать тебе минет, а потом ты трахнешь меня на

коленях сзади.

– Идет.

Надо было видеть ее лицо. Валентина вздохнула с облегчением, но через секунду широко улыбнулась.

Мне ничего не нужно было делать. Она притянула меня за колени и откинула полы халата.

Чтобы не видеть ее лица и тела, закрыл глаза. Тупо наслаждался процессом, ведь она была главная.

Она ласкала меня ртом, а я представлял как вместо нее это делает девушка с обложки. Полногрудая супермодель, со стройным телом и длинными выющимися локонами.

Так начались мои рабочие будни на службе у старухи. Ранним утром поднимался, принимал душ. Готовил завтрак, прибирался на кухне. Поднимал старуху, одевал. Массировал шею и ноги. Днем ходил в продуктовый и аптеку. В оставшееся время читал ей вслух.

Секс между нами был два раза в неделю. Все, как она просила. Сначала я давал ей в рот, а потом трахал до изнеможения сзади, как суку. Кончал в нее, потому как было наплевать. Все равно не забеременеет, не девочка.

В один из вечеров мы сидели на кухне и пили чай. Она напротив меня макала печенье в свой чай, а я читал вслух газету.

В какой-то момент она меня остановила и серьезно спросила:

– Слушай, у меня к тебе серьезный разговор.

У меня внутри все оборвалось. Неужели эта сука передумала. Но я сам видел документы. Квартира моя. Что же еще?

– Точнее, у меня к тебе предложение.

Меня тут же отпустило.

– Какое?

– Понимаешь, у меня есть подруга Тамара. Живет в соседнем подъезде.

Я уж было приготовился выслушивать охи да ахи, что ее подруге нужна помощь по дому. Ну там гвоздь забить или кран починить. Но то, что она сказала дальше, повергло в уныние.

– Так вот, Тамара тоже готова отписать на тебя свою жилплощадь в обмен на интимные отношения.

Я посмотрел на газету в руках. Черт, какая газета. Мне впору было скатать ее в рулон и ударить по наглому морщинистому лицу.

– Значит, она знает о нашей сделке? Вы ей рассказали? Но с какой целью?

– Просто похвасталась.

Мысли путались у меня в голове. Мало того, что я спал с ней за квартиру, так она еще привлекла к этому свою подругу. Ладно бы молодую женщину, а то такую же древнюю, как сама.

Ощущал себя проституткой. Никогда не думал, что опущусь до такого.

– Какая у нее жилплощадь?

Валентина притянула к себе вазочку с вареньем, продолжая разговор таким тоном, словно говорила о погоде.

– Ее квартира находится во втором подъезде этого дома, на втором этаже. Только у нее однокомнатная с балконом. Сделан ремонт и техника вся современная. Если хочешь, можем сегодня же сходить посмотреть. Заодно представлю вас друг другу.

На данный момент времени меня интересовал другой вопрос:

– Секс будет втроем? Ты будешь смотреть?

– Нет, мой мальчик. Вы будете встречаться у нее без меня.

Я отодвинул стул и поднялся из-за стола. Нужно было все обдумать. Размышляя, направился к окну и посмотрел на проспект.

– Милый, не переживай. Я не стану тебя ревновать. Наше соглашение остается в силе. С ней станешь встречаться по понедельникам и четвергам. Все будет по-честному, уверяю.

– В таком случае, я соглашусь, но с условием. Пусть сначала оформит все необходимые документы, покажет мне, и только тогда я буду спать с ней.

Валентина хлопнула в ладоши от радости. Допила свой чай и поднялась со стула. Черт, как же мне хотелось ее придушить. Прямо там, у обеденного стола.

– Ты не хочешь узнать ее имя? Сколько лет?

– Мне абсолютно все равно.

Это была чистейшая правда. Она использовала меня, а я

– ее. Деловые отношения и никаких чувств.

Там внизу по улице проезжали дорогие иномарки. По тротуарам гуляли люди. Бегали дети. Пролетали голуби.

Миру было на меня наплевать. Люди проживали свои жизни. Какая разница, как ты зарабатываешь себе на жизнь или чем. Главное, это итог. Главное, что ты имеешь к середине жизни.

Я повернулся и посмотрел на нее.

– Ты рассказала обо мне своей подруге. Подложила в ее постель. Я не против, тем более такая оплата за мои услуги. Но..

– Что, но?

– В обмен на это я попрошу один выходной, воскресенье. Ты не станешь меня отвлекать и дергать по воскресеньям. В остальном – твой. Идет?

Подумав немного, она согласилась. Хотя и без радости. Фыркнула и вышла из кухни. Старая дура.

Я снова посмотрел в окно. Интересно, сколько она еще проживет на этом свете? Надо порыться в ее медицинской карточке, почитать, что пишут доктора.

Обычно старики не доживают до девяноста лет. Значит, мне осталось ждать не больше пяти лет. Черт!

Значит, буду ждать. Ждать и трахать. Плевать на все, главное то, что получу в награду. Две квартиры в центре. Ради этого стоит постараться ублажить двух старух.

Охота в лесу

Случилась эта история прошлой осенью у нас в Болгарии. Я – сильный здоровый мужчина, тридцати двух лет. Женат, дети, собака – все как положено.

Но есть одна большая страсть. Обожаю ходить на охоту. Ну прям жуть как нравится. Представьте: лес, сосны, тропинка. Чистый свежий воздух. От него голова идет кругом. Костер, свежее мясо на шампурах. Красота.

Зная мою эту самую страсть, мой приятель Йен напросился вместе со мной сходить. Я его спросил, мол, ты уже был на охоте?

– Нет, – отозвался тот, – с тобой пойду в первый раз. Ты – человек бывалый, опытный, многое знаешь. Всякое на охоте видел, научишь премудростям.

Йен в прошлом военный. Здоровый, крепкий, плечистый мужик. За себя постоять может. Стрелять обучен, резать, кромсать рука не дрогнет. Отчего такого не взять. Я согласился.

Договорились поехать в ближайшие выходные. Как обычно, с нами еще двое. Мои друзья. Тоже любители поохотиться.

Собрали рюкзаки, сели на два джипа. Мы с Йеном – в один, а приятели – во второй. Если застрянем, легче будет выкарабкаться.

Отправились ранним утром. Когда добрались до места,

солнце уже стояло в зените. Все было как обычно.

Сначала поставили небольшую палатку для утвари и одежды. Ночью все обычно спят в машинах. Так безопаснее.

Затем растопили костер, заварили чаю. Через час, когда все приготовления были окончены, взяли ружья и отправились в лес.

Буквально через метров сто я подстрелил первого кролика. Воодушевленные победой, мы двинулись дальше. Йену удалось подстрелить кабана. Редкостная удача.

В первый раз на охоте, и вдруг кабан! Мы вчетвером его притащили в лагерь. Освеживали. Часть мяса поделили между собой, а часть – зажарили на вертеле.

Сидим вечером у костра, тихонько разговариваем. Настроение у всех отличное. Мясо жарится, источая аромат.

Йен, вытянув ноги к огню, признался нам, что всегда мечтал поймать медведя. Настоящего, не циркового. Чтобы понастоящему с ним побороться. Потягаться, так сказать, силой.

Ну, мы переглядываемся, смеемся. Мало ли, у кого какие фантазии. Я взял палку, поправил в костре угли.

Вдруг слышу позади хруст. Все смолкли. Напряглись. Снова треснула ветка. Кто-то приближался.

Мужики привстали. Стоим, смотрим, ждем. Кто это к нам направляется. Из леса к нам направлялся здоровенный медведь.

При виде зверя я и мои приятели бросились к машинам.

Остался только Йен у костра.

Я в панике даже не отобразил, что он остался. Сел в свой джип, схватился за нож и смотрю на приятеля.

Йен сделал шаг навстречу медведю. Решил побороться без оружия. Зверь поднялся на задние лапы и в прыжке одним махом оторвал Йену голову.

Мозги, глаза, кровь – все разлетелось в диаметре метра. Тело упало в траву, рядом с костром.

Мишка закричал на весь лес диким ревом. Затем бросился к джипу с приятелями. Стал грызть бампер, бить лапами по стеклу.

Они не растерялись, приоткрыли окно и давай из ружей палить. Пули его только раззадоривали и злили.

Он приподнял машину передними лапами и бросил. И давай с новой силой вгрызаться в джип.

В какой-то момент я пришел в себя. Схватил ружье и тоже стал стрелять. Приятель так перепугался, что от страха вставил медведю дуло в пасть и выстрелил.

Тот упал замертво. Дым, разбитая машина, кровь повсюду, мертвый медведь и труп Йена. Еще долго будем вспоминать эту историю.

К морю

То лето выдалось невероятно жарким. Термометр показывал плюс тридцать, не меньше. Родители меня и сестренку

решили отвезти к морю. Добирались поездом, чтобы сэкономить на дороге.

И вот: вагон, плацкарт. Все места заняты, люди лежат на своих полках, обмахиваясь газетами, журналами, обливаясь потом, поглядывая в окно, тихо проклиная жару.

Рядом с нами ехала молодая семья. Муж, жена и их полугодовалый малыш. Ребенок все время кричал. Его успокаивали, таскали на ручках. Взад-вперед. Сначала молодая мамочка, затем папочка.

Я помню, как моя мать пыталась им помочь. Брала дитятко на руки, но как только она это делала, ребенок начинал надрываться еще сильнее. В конце концов она оставила эти попытки.

На второй день стало еще жарче. Люди постепенно не выдерживали и открывали окна. Дуновение ветра было благодастью для нас всех.

Вскоре все успокоились. Привыкли. Однако молодая семья все переживала за свое чадушко.

Мало ли, может ему жарко или, наоборот, продует, заболит. Что тогда делать? Бегали по вагону озадаченные.

И вот, молодой отец решил дать ребенку немного подышать свежим воздухом. Поднес к приоткрытому окну – и все замерли.

В этот момент навстречу как раз шел второй поезд. Вихрем подхватило ребеночка и утащило в окно. В одно мгновение, на глазах у всех.

Мелькнул в окне малыш в пеленке и исчез. Что стало с ним дальше, даже знать не хочу.

Тайна

Живу с семьей в северном городке Мурманске. Отец держит автомойку, а я у него на подхвате. Помогаю после учебы.

Заработок небольшой, но стабильный. Клиенты, что приезжают к нам, постоянные. Всех знаем в лицо, общаемся часто.

Вот в один из дней приехал к нам мужик. На вид весьма обеспеченный, хорошо и дорого одет. Сам – на огромном черном джипе. Ну все при нем.

Подходит к отцу и предлагает сделку:

– Знаю, что человек порядочный, да и попусту языком не мелете. Предлагаю вам заплатить за химчистку и мойку в тройном размере.

Отец удивился, но мужик продолжил:

– Этой ночью к вам приедет машина, ее надо будет хорошенько помыть. Чтобы ни пятнышка. Но главное условие – это чтобы о моем визите никто не знал. Вот задаток, пятьдесят процентов.

Ударили по рукам, и мужик уехал.

Как и договаривались, к трем часам ночи в автомойку приехали две машины. Черный джип и серебристый седан.

Машину закатали внутрь. Когда распахнули все двери, то

ахнули. Весь салон был в крови. Окна, сидения, коврики и даже потолок. Но самое ужасное, это был отвратительный зловонный запах.

Мужик лишь пожал плечами:

– Что сказать, были разборки. Одного мальчика подстрелили и вместе с машиной оставили в поле. Летом. Прележал там неделю. Справитесь?

– Не вопрос, – ответил батя.

Бригада мойщиков переделалась в специальные костюмы. Драили салон несколько часов, пока не исчез зловонный запах и не осталось и пятнышка крови.

Мужик осмотрел все внимательно, отсчитал купюры, как было обещано. Сел в джип и укатил. Седан медленно отправился следом.

Батя с бригадой еще долго стояли на улице, молча покуривая сигареты.

Милая пара

Много лет работаю проводником на поезде. Но этот рейс запомню надолго. Рейс из Красноярска до Сочи. Лето. Жара. На одной станции садится милая парочка. Девяностолетние старик со старухой. Скромненько одетые, с кучей всевозможных котомок.

По билетам у них купе на двоих. Ну я, как обычно, билеты проверил, предложил постельное белье, чай.

Старушка мило протянула купюры за белье, но от чая отказалась. Старик все это время сидел на нижней полке и смотрел в окно.

У меня работа. Едем двое суток. Совсем завертелся. По-забыл об этой милой парочке, пока в одно прекрасное утро не понял, что в салоне вагона пахнет тухлятиной.

Начал проверять продукты. Заглянул во все щели и углы. Ничего. Запах усиливался. Я так и не смог разобраться, откуда он.

С напарницей оббежали весь вагон, принюхиваясь, как ищейки, к каждой двери. Мало ли, может кто из пассажиров покинул вагон и забыл забрать продукты. Всякое бывает.

Пока не добрались до купе со стариками. Отвратный запах доносился именно оттуда. Громко постучали, и нам открыла печальная старушка. Я сразу оглядел купе. На нижней полке лежал дед, полностью покрытый простыней.

– Он что, умер? – вырвалось у меня.

– Да, умер.

Старушка села на самый край и, посмотрев в окно, стерла с лица слезу. Моя напарница вылетела пулей из купе. Ее едва не вырвало.

– Но как же так, – не унимался я, – почему не сообщили? Вы должны были поставить нас в известность. Труп, судя по всему, уже начал разлагаться. Вы о других пассажирах подумали? Каково им?

– Но, милоч, это же такая суета начнется. Нас снимут с

поезда, продержат в чужом городе неизвестно сколько дней. Волокита с документами и оформлением. Я не могу столько времени ждать. Тем более до нашей станции осталось менее суток.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно.

Это не укладывалось в голове. Взъерошив волосы на затылке, я покинул купе. Старушку с трупом сняли на ближайшей станции. Таковы правила.

Еще долго мне снилась эта странная милая парочка стариков. Труп, накрытый простыней. Этот зловонный запах.

Старшая сестра

Мне шестнадцать, а сестре было девятнадцать, когда это произошло. В тот летний день я сидела в гостиной и читала книгу. Родители были на работе. В комнате духота, я распахнула балконную дверь.

В этот момент входная дверь хлопнула. Я услышала голос сестры Ирины и ее дружка Федора.

– О, привет, малая, – крикнул он мне с порога.

– Привет, жеребец, – отозвалась я как ни в чем не бывало.

– Послушай, сестренка, ты бы прекратила так шутить. Его зовут Федор, но разве трудно запомнить его имя?

Я лишь показала ей язык и снова уткнулась в книгу. Эти двое скинули обувь и направились на кухню мыть руки.

Плеск воды слышался даже в комнате.

Весело смеясь, эти двое прошли мимо меня в комнату сестры. Глядя на довольную ухмылку «жеребца» и то, как он шлепнул ее по попке, я сразу поняла, не в шахматы играть будут.

Слушать их разговоры и не только у меня не было совершенно никакой радости. Поэтому я включила телевизор и снова уткнулась в книжку.

Телеведущий монотонным голосом рассказывал о последних новостях. Что ночью в нашем городке произошел пожар, и несколько человек сгорело.

За дверью, в комнате сестры, послышался шорох. Смех. Звук переставляющей мебели. Скрип.

Спустя минуту я четко услышала стоны сестры. Судя по всему, они там неплохо развлекались с «жеребцом».

Они занимались сексом самозабвенно, не стесняясь моего присутствия за дверью. Меня это начало ужасно раздражать. Откинув в сторону книгу, я взяла в руки пульт и стала переключать каналы.

Внезапно за дверью сестры послышался какой-то стук. Дикий вопль Федора. Отбросив пульт, я поднялась с дивана и прислушалась.

В этот момент дверь распахивается, и я вижу такую картину. Федор на ходу застегивает штаны и бежит в коридор.
– Что случилось? Где сестра?

В недоумении я проследила за тем, как он на бегу одевает

крючковки. Сама вошла в комнату, огляделась.

Странно, но окно было распахнуто. Сестренки нигде не было видно. Ее вообще не было в комнате.

Я громко позвала ее, оглядываясь по сторонам.

– Ирина.

– Ее там нет, – услышала голос Федора.

– А где она?

Я медленно подошла к окну и посмотрела вниз. Там перед домом, на асфальте лежала на спине моя сестра. Абсолютно голая, с лужицей крови, вытекающей из головы.

Я кинулась в коридор. С кулаками бросилась на Федора.

– Что ты с ней сделал? Ты убил ее и скинул труп в окно?

– Да успокойся ты, дура!

Он схватил меня за шею и больно ударил о стену.

– Я ее не убивал. Просто решили с ней потрахаться на подоконнике. Окно распахнулось, и она упала вниз. Я ничего не успел сделать, все произошло неожиданно и быстро.

У меня началась истерика. Федор выбежал на лестничную площадку, а я поспешила к телефону. Вызвала «скорую» и полицию.

Когда спустилась вниз, то Федора нигде не заметила. Он исчез. Вот только вокруг моей обнаженной мертвой сестры на асфальте столпилась толпа зевак.

Кто-то молча смотрел, кто-то фотографировал на смартфон. Но никто не пытался дозвониться до «скорой».

Только охали да ахали. Я накрыла труп сестры покрыва-

лом, что принесла из дома. Села рядом на колени и заплакала.

Нелепая смерть сестры и трусость ее молодого человека. Я не знала, что скажу родителям, как признаюсь в случившемся. Меня била дрожь.

Грибной суп

Осень. Желтые листья перед домом. По каменной тропинке, что уводила в лес, прыгала маленькая девочка. Собирая яркие оранжево-желтые листья, она пела песенку.

Из дома на нее с умилением смотрела бабушка. Сидя на кресле, она вязала шерстяные носочки для внученьки.

Тут же на кухне суетилась мать девочки. На плите бурлил мясной бульон. Женщина чистила картошку, иногда поглядывая на старушку.

– Что ты там улыбаешься?

– Да вот, смотрю на внучку. Выросла совсем.

– Ей только девять.

– Сама знаешь, как быстро дети растут. Не успеешь обернуться, а у тебя уже невеста выросла. По себе знаю. Ты-то вон какая красавица у меня.

Женщина лишь смахнула с лица прядь. Сегодня на ужин у нее был запланирован грибной суп из шампиньонов.

На кухню вбежала доченька с листьями в руках. Нашла маленькую вазочку в шкафу, в которую поставила листья.

Бабушка видела, как мать вытерла руки о фартук. Как поднялась со скамьи и, взяв в руки таз, направилась к двери.

– Дочка, пойдём, поможешь мне.

Они вместе, покинув кухню, вышли во двор. По каменной дорожке они вдвоём направились в лес.

Бабушка снова углубилась в свое вязание. Там в лесу мама собирала шампиньоны, заботливо убирая с краев землю.

Дочка бегала вокруг нее, наблюдая, как та бросает очередной гриб в корзинку. Когда мама отвлеклась, девочка побежала назад к дому. Она вдруг вспомнила, что за сараем растут грибы.

Много разнообразнейших грибов. Высокие, бледные, на тоненьких ножках. С замысловатыми кружевными юбочками у основания.

Девочка, недолго думая, сорвала самые крупные из них. Отряхнув от веточек и земли, поспешила к дому.

Ей так хотелось обрадовать свою маму, что она поспешила вымыть грибочки. Мелко порезать и бросить в суп.

Чуть позже, когда вернулась мама, то застала дочку за тем, как она, забравшись на диван, слушала сказку, что читала бабушка.

Женщина лишь устало улыбнулась и направилась к столу. Ей нужно было закончить варить грибной суп.

Этим же вечером все трое сидели за накрытым столом. Белая крахмаленная скатерть, большие тарелки, блестящие приборы. Во главе стола, в супнице – грибной горячий суп.

Мама разлила его по тарелкам, и взрослые начали пробовать. Девочка лишь притянула к себе тарелку с картофельным пюре.

Той же ночью в страшных судорогах скончалась бабушка. Перед тем, как навсегда смолкнуть, царапала ногтями стены, пытаясь остановить рвоту.

Мать вызвала врача. Но из-за ливня он приехал только утром. Постучав в дверь, он вдруг понял, что что-то в доме не так.

Дверь распахнула девочка в белой сорочке и с распущенными волосами. Молча отошла в сторону, пропуская мужчину внутрь.

Едва дверь за ним закрылась, как он различил на полу в гостиной женское тело. Поспешив вперед, увидел, что это была молодая хозяйка. Мать девочки.

Приложив ладонь к бледной шее, он сразу понял, женщина мертва. Доктор обернулся и посмотрел на девочку, что стояла у двери.

– Меня вызывали, чтобы помочь пожилой женщине. Неужели я ошибся?

– Нет, все верно. Мертвая бабушка лежит в своей комнате уже давно.

Доктора поразило то спокойствие, с которым говорила девочка. На лице – ни малейшей эмоции. Должно быть, это шок.

Врач поспешил к телефону. Быстро вызвав помощь, он

тотчас направился в комнату к старушке.

Прошло несколько часов. В некогда спокойном доме бродили словно тени незнакомые люди.

Доктор молча записывал увиденное себе в блокнот. Мужчины в белых халатах выносили на носилках женские тела, покрытые белыми простынями.

Только спокойная девочка сидела на крылечке, укутанная теплым пледом. Из леса по каменной дорожке к ней шел высокий мужчина.

При виде бледной девочки он нахмурился и прибавил шаг.

– Папа! Ты здесь!

Она бросилась ему на шею.

– Папочка, ты больше никогда, обещаешь, никогда не оставишь меня.

– Конечно, детка. Я всегда буду с тобой.

Он уткнулся в ее маленькое тельце. Тяжело вздохнул, сдерживая слезы. Он должен быть сильным ради них обоих.

С ребенком на руках он приблизился к дому. Его встречал хмурый доктор с блокнотом в руках.

– Скажите, что случилось с моей женой и тещей?

– Предполагаю, они погибли от отравления. Пока рано говорить, что конкретно стало причиной их смерти. Мы это выясним к завтрашнему утру, обещаю.

Доктор отошел в сторону, пропуская их в дом. Когда отец проходил мимо, врач заметил взгляд ребенка. Холодный и

злой. Это был всего лишь миг. Но его хватило на то, чтобы понять, не все так просто с этой девочкой. Не все так просто!

Татуировка

Я художник. Рисую кистью. Всегда, когда выбираюсь в город, то рассматриваю буквально все: деревья, живые изгороди, старинные дома, улочки, людей.

В тот день я спешил на собственную выставку. Чтобы не опоздать и не попасть в пробку, сел на трамвай. Они всегда полупустые и быстро добираются до места, несмотря на загруженность дорог.

В салоне выбрал место у окна. Следом за мной вошла молодая женщина, лет так тридцати.

Волосы собраны в пучок. Летнее желтое платье до колен, а в руках – белая сумочка. Несмотря на классический крой, спина была обнажена. На плече я разглядел искусную татуировку, это был шмель.

Конечно, девушки обычно предпочитают бабочек, птиц, драконов или, на худой конец, иероглифы. Но здесь я четко видел обычного шмеля. «Странный выбор», – подумал я и отвернулся.

Через открытое окно в салон влетел крупный мохнатый шмель. Каково же было мое удивление, когда, облетев салон, он уселся на платье той самой девушки. С татуировкой.

Она не растерялась. Протянула руку, и шмель перебрался

ей в ладонь. Осторожно засел и не шевелился.

По всей видимости, у меня было такое выражение лица, что многие пассажиры тоже стали оборачиваться на девушку.

Голоса стихли. В полном молчании мы доехали до остановки. Девушка со шмелем в руке вышла из салона и пошла по тротуару.

Я до сих пор не могу объяснить самому себе. Что это было?

Тихий сосед

Мне двадцать, и я одинока. Мой возлюбленный погиб, когда нам было по восемнадцать.

Сбила машина на пешеходном переходе поздним вечером. Водитель его не увидел в темноте. Мгновенная смерть.

После похорон я вдруг решила, что, наверное, больше никогда не буду любить. Всегда буду помнить только его, моего Филиппа.

Время шло, а я так и не смогла приблизить к себе ни одного мужчину. Не могла отпустить свою любовь.

Нет, я не бредила им, не плакала ночами. Не молилась на его фотографию и не бродила по кладбищу. Просто решила, что буду жить, и точка.

Пришел Новый Год. Повсюду гремели салюты, доносились радостный смех и громкая музыка.

За окном крупными хлопьями шел снег. Я стояла у окна и смотрела на эти снежинки. Тогда я загадала жить счастливо и долго, в тот самый момент не подозревая, что именно мое желание, возможно, и спасло мою жизнь.

Голова закружилась от шампанского, и я легла на диван. В какой-то момент задремала и увидела сон.

Напротив меня у дивана в комнате стоял печальный Филипп. Он смотрел на меня умоляющим взглядом, говоря только одну фразу.

– Васе не открывай! Только не открывай Васе!

Я проснулась точно так же, как и уснула. Резко села, огляделась. Сон был как явь. Все на своих местах, не хватало только Филиппа.

Мне нужно было осмыслить увиденное. Выпить простой воды. Надев тапки, я направилась на кухню.

Обдумывая увиденный сон, я все размышляла об имени Василий. В моем окружении нет парней или мужчин с таким именем. Странно.

Наполнив стакан водой, направилась назад в комнату. Включила телевизор и уставилась в экран.

Глоток за глотком я пришла в чувство. О загадочном сне вскоре позабыла. К утру кто-то громко постучал в дверь. Я поспешила накинуть на плечи халат.

– Кто там?

Посмотрела в глазок. У моей двери стоял молодой мужчина в трениках и грязной футболке. На вид немного выпив-

ший.

– Открывай давай. Затопила совсем, чинить кран будем.

Я потянулась к дверным замкам. Однако следующая фраза заставила остановиться и застыть:

– Я – твой сосед снизу, Василий.

Очень медленно я отступила от двери и громко крикнула:

– Извините, но я вам не открою. Уходите.

– Ты че, обнаглела, овца?

Он с силой ударил кулаком о мою дверь.

– Приходите завтра днем, – начала я уговаривающим тоном, – сейчас поздно, точнее, слишком рано.

Он с силой начал бить ногами о мою дверь. Повсюду веселье, музыка. Никто из соседей не пришел бы мне на помощь, открой я Василию свою дверь.

– Открой! Открой, сука! Я ведь все равно войду.

У меня задрожали руки. Чтобы успокоиться, я придвинула к двери тумбочку и стол. Схватила в руки молоток. Немного успокоившись, взглянула снова в глазок.

Василий резал длинным ножом мою дверь. Старательно выводил какие-то знаки. Безумные глаза, приоткрытый рот. Он походил скорее на маньяка, чем на пьяницу.

Стараясь мыслить здраво, я взяла в руки телефон. Стоя напротив дверей, ровным голосом вызвала полицию.

Кажется, он услышал это. Спустя мгновение начал стрелять в мою дверь. Травматическими пулями.

Когда прибыл наряд, Василий бился головой о дверь. Рас-

шиб весь лоб, все было залито кровью. Словно здесь была бойня.

Я держалась стойко, не паниковала. Только отвечала на вопросы полицейского, изредка поглядывая на свою входную дверь.

В это трудно поверить, но меня спас мой Филипп. Ему удалось связаться со мной и предупредить с того света. Невероятно, но теперь я считаю его своим ангелом-хранителем. Спасибо, Филипп.

Домик в деревне

Домик моей бабушки стоял на краю старой деревни. Невысокий забор, обвитый плющом, приоткрытая калитка и цветущие яблони.

Крыша домика утопала в кроне деревьев. Бревенчатые стены и резные ставни. Милый домик, который так любила моя мама, и так ненавидела я.

Знаете, чего больше всего на свете я боялась? Этого милого дома. Точнее, его хозяйку, свою родную бабушку.

– Так, все, прекращай плакать, – строго сказала мне мать, – улыбнись и поприветствуй бабушку.

Но я вцепилась в мать мертвой хваткой, уткнувшись лицом в живот, чтобы не видеть бабку. Ее омерзительное морщинистое лицо. Белоснежные волосы, торчащие из-под косынки. Крючковатые пальцы с длинными ногтями.

– Здравствуй, доченька, – услышала приторный голос бабули, – наконец ты приехала. Я всегда переживаю, если ты задерживаешься. Сама знаешь, на дорогах беспокойно, а ты еще и с дитём.

Я даже не обернулась. На спине ощутила ласковое прикосновение матери. Она гладила мои волосы.

Бабка цокнула языком:

– Опять мне Машеньку привезла? Ты же знаешь, у меня полно работы и будет совсем не до нее.

– Ну, мам! Возьми к себе на лето. Пусть поживет, пока каникулы. Мне работать надо, и не с кем ее оставить. Ты – единственная, кому я доверяю.

После недолгой паузы бабушка согласилась.

– Ну ладно, оставляй. Так уж и быть. Присмотрю за дитём.

– Ты – чудо.

Мама легонько оттолкнула меня и обняла бабулю. Женщины обнялись, после чего мать направилась к багажнику за сумками.

Ни я, ни бабушка друг на друга не взглянули. Мне хотелось кричать и топтать ногами от бессилия. Закатить истерику, умоляя мать забрать меня с собой назад в город. Но какой от этого прок, если уже все решено?

Вытерев слезы, я снова посмотрела на мать. Ведь кто знает, может быть, я вижу ее в последний раз.

Высокая, стройная, в белом сарафане. Она была очень красивой и самой лучшей из всех мам. Несмотря на то, что

у нее всего четверо детей, она выглядела на тридцать. Хоть уже было под сорок.

Мои братья и сестра учились в старших классах. Я же закончила только первый. Впереди ожидало невероятное будущее. По крайней мере, так считали родители. Лицом я походила на мать, а вот характером – вся в отца. Упрямая и гордая. Наверное, именно поэтому меня так невзлюбила бабуля.

Мама понесла сумки в дом. Мне ничего не оставалось, как пойти следом за ней. Может быть, стоило попытаться еще? Поугovarивать, чтобы забрала с собой.

– Мам, забери меня, умоляю. Обещаю, что буду каждый день помогать тебе. Мыть полы, посуду, пыль стирать. Мама!

– Я сказала «нет», значит «нет». И не надо делать такое лицо, я все равно тебя оставлю здесь.

Она поставила сумки на крыльце и повернулась ко мне:

– Пойми, я целыми днями на работе. Отец тоже с утра до ночи вкалывает. Твои братья и сестра отправились в летний лагерь. Ты будешь совершенно одна, если останешься с нами. Этого допустить я никак не могу.

Она притянула меня к себе и обняла. Минуту мы просто-ляли так молча. Затем она чмокнула меня в щеку и, отстранившись, направилась к машине.

На прощание я махнула ей рукой и, шмыгнув носом, вошла в дом. Терпеть не могла смотреть, как отъезжает ее машина. Как она оставляет меня здесь одну с бабкой.

Моя комнатка хоть и была светлой, но уж очень малень-

кой. У окна стояла кровать, рядом – тумбочка и шкаф у двери.

Я сразу бросилась на кровать с четким намерением лечь и больше не вставать. Обхватив подушку, посмотрела на стену.

Там было нацарапано кривыми буквами «Мама». Я написала это слово год назад. Кажется, что с тех пор ничего не изменилось. Только стены потемнели, да цветы в горшках подросли.

Несколько минут я смотрела на нацарапанное слово, а затем медленно уснула. Казалось, это продлилось всего лишь миг. Кто-то с силой затряс меня за плечо:

– Вставай давай! Хватит спать! Чем ночью-то заниматься будешь?

Открыв глаза, я увидела морщинистое лицо бабули. Она стояла, склонившись надо мной. Боже, как же я ее не любила и боялась одновременно. Словами было не передать.

– Пошли ужинать, а то все остынет.

Она выпрямилась, посмотрела в окно и, развернувшись, вышла из комнаты. Я поднялась на локте, тоже взглянула в окно. Солнце садилось, освещая макушки деревьев. Кажется, я проспала полдня.

Одно радовало, не надо было одеваться. Поднялась, пригладила хвостики и отправилась на кухню. В воздухе приятно пахло жареной картошечкой. Мое любимое блюдо.

На круглом столе с кружевной скатертью стояла дымящаяся сковородка, кувшин с молоком, свежий хлеб на тарелке

и салат.

Не дожидаясь приглашения, я заняла стул у стены. Придвинула к себе тарелку с салатом, поглядывая при этом на картошку.

– Куда? Я сама тебе наложу, – остановила меня бабуля.

Я смиренно убрала руки со стола и сложила их на груди. У меня от ароматов слюнки текли, а она мне не давала поесть.

Молча взяла мою тарелку и стала накладывать картошку, сверху – ложку салата. Из кармана достала какой-то прозрачный пакетик и, подцепив щепотку какого-то порошка, посолила им мою еду.

– Кушай, деточка! Кушай!

Она всегда так делала. Что-то подсыпала мне в тарелку, а я это съедала. На все мои вопросы, что это за порошок такой, она отвечала:

– Волшебный, чтобы ты быстрее выросла. Стала взрослой и покинула отчий дом.

Вот и на этот раз я снова поинтересовалась.

– Бабуля, это волшебный порошок?

Она со стуком поставила передо мной наполненную тарелку и фыркнула:

– Какое волшебство? Дура. Ты уже взрослая, в школу ходишь. Это обыкновенная соль.

– Но солонка стоит на столе, я и сама бы себе посолила.

– Не спорь. Я лучше знаю. На вот, ешь!

Она принялась мыть посуду, приговаривая:

– Мать твоя бестолковая. Нарожала кучу детей. Сама не знает, зачем. Видимо, с твоим отцом не знают, что такое контрацептивы. Не слушала меня, родила четвертого. Спрашивается, зачем? Кому это нужно. Одни только проблемы. Старшие уже выросли, а эта пигалица сидит у меня на шее все лето. Сделали меня крайней. Сами родили, а я – воспитывай. Ну ничего, скоро это дело исправлю. А ты, деточка, кушай. Кушай!

Я и ела. Свою любимую жареную картошку, закусывая хрустящим хлебом. После ужина уходила к себе и ложилась спать.

Так изо дня в день бабуля подсыпала чудесный порошок мне в еду. С каждым днем я чувствовала себя все хуже и хуже.

Голова кружилась, в теле слабость, иногда падала в обморок. Бабуля не спешила меня приводить в чувство. Сидела рядом и молча наблюдала за мной. Надеялась, что впаду в кому.

Когда заканчивалось лето, я была совсем слаба. Бледная, в полузабытьи сидела на скамейке перед домом и ждала мать. Казалось, что если не приедет, то я умру прямо там, на скамейке.

Иногда мне казалось, что мимо проходят белые лошади. Стоит протянуть руку, и одна из них унесет с собой навсегда. Мимо проходила бабуля и с издевкой поинтересовалась: – Ну что, ждешь свою мамашу? Думаешь, ты ей нужна?

Да никому ты не нужна, никому.

Я лишь молча смотрела ей вслед. Как же я ее боялась и ненавидела одновременно. Одно меня радовало: заканчивались каникулы, и я скоро вернусь домой. К близким. Только бы мама поскорее приехала, а то так мне было плохо. Действительно думала, что не дождусь.

Вдалеке послышался шум мотора. Спустя минуту по дорожке ехала машина матери. Мне хотелось прыгнуть со скамьи и побежать к ней навстречу. Но не было сил.

Осторожно поднявшись, медленно побрела к машине. Мать при виде меня обеспокоенно крикнула.

– Дочка, что с тобой? Опять плохо себя чувствуешь? Помню, прошлым летом вообще лежала при смерти. Мама, вы опять ее грибами кормили? Сколько раз вам говорить, ей грибы нельзя!

Она поспешила ко мне. Обняла и поцеловала в лоб.

– Температура! Черт! Но почему каждое лето заканчивается этим? Поехали скорей в город, доченька. Врач тебя осмотрит.

Бабка лишь отмахнулась:

– Ни здрасте, ни спасибо! Вот так всегда, ни слова благодарности. Сумки принести к машине?

– Да, мам. Спасибо.

Мама отвела меня к машине и помогла усадиться на заднее сидение. Мне нравилось, что она переживала за меня. Значит, любила.

Бабка поставила сумки у забора и с ненавистью посмотрела на меня. Никогда не забуду ее. Старое морщинистое лицо и злые глаза. Шепот сухих тонких губ:

– Никому ты не нужна. Никому.

Квартира

Я красивая, умная, обеспеченная женщина. У меня есть все, ну, или абсолютно все. Но самая большая ценность – это трехкомнатная квартира в центре города.

Мне досталась она от родителей. Я сделала в ней ремонт. Поклеила красивые обои, повесила кованные люстры. На пол постелила настоящий паркет. Мебель от дизайнеров.

Уютная кухня со встроенной техникой и длинный обеденный стол.

Моя квартирка была моим гнездышком. Уж очень сильно я ею дорожила. Каждый день – влажная уборка. Все блестело и сверкало, как в рекламе.

Наступило лето. На работе меня отправили в отпуск, как положено, на месяц. Не скрою, была этому очень рада, хотя и знала об этом заранее, а потому заказала для себя любимой путевку в Испанию. На две недели.

Поскольку у меня не было ни братьев, ни сестер, я решила довериться соседке Любе. Оставила ей ключи от квартиры в надежде, что она станет за ней приглядывать. Поливать цветы.

И вот в день икс я собрала свои чемоданы. Вызвала такси и, попрощавшись с соседкой, отправилась в аэропорт.

Люба – женщина взрослая, порядочная. Я знаю ее много лет. У нее взрослая двадцатилетняя дочь и кошка.

Сколько помнила, в ее квартире никогда не пахло животными. Жила она хоть небогато, но всегда было чистенько.

И вот, я на море. Чудесный отель, голубое море, белый песок. Пляж. Первые дни почти не помню. Кажется, загорала на лежаке, попивая свой коктейль.

Но, как обычно, отдых не вечен. Пришла пора и мне вернуться. Счастливая, загорелая и довольная, я постучала в дверь своей соседки.

– Привет, Люба, можно ключи?

Она предложила войти, кусая на ходу желтое яблоко. Я отказалась, продолжая топтаться у двери.

У меня было прекрасное настроение. Я предвкушала этим вечером свидание со своим любовником в моем уютном гнездышке. Он обещал приехать к восьми. Время было двенадцать утра.

– Ну что ты там копаешься? – выпалила наконец я.

– Да ищу твои ключи. Черт. Я точно помню, что сложила их в тумбочку. Они здесь лежали еще вчера.

– Спроси у дочери, может она видела?

– Да я ее не видела со вчерашнего утра. Наверное, ночует у отца, дрянь.

Про себя же я подумала, что двадцатилетняя девушка в

свои годы, конечно, ночует у отца. Где же еще ей ночевать? А вслух сказала:

– Посмотри на крючках в прихожей. Может по ошибке перевесила. Такое бывает.

– Бывает, да не со мной, – возразила она и догрызла свое яблоко.

Отступив на шаг, я все-таки решила подойти к своей двери и потянуть за ручку. Проверить, заперта ли.

Опустив ладонь на ручку, оттолкнула дверь от себя. Она бесшумно распахнулась. В недоумении я приподняла тонкую бровь и подозвала к себе соседку.

– Люба, а ну иди сюда.

Она была удивлена не меньше меня.

– Но как же это. Я же вчера с утра все проверила и дверь заперла. Точно помню, как положила ключи в тумбочку. Может быть, воры? Вызовем полицию?

– Да, вызывай. Хотя нет, пошли вместе. Мне страшно.

С перепугу я достала из сумочки острую пилку для ногтей. Вместе мы ринулись вперед по коридору.

В полутьме наступила на что-то мягкое. Люба включила свет, и мы обе обомлели.

По всему коридору валялись глянцевые журналы, мои лифчики и трусы. На кухне вся мебель была изрезана кухонным ножом, который был воткнут в обеденный стол. На полу – разбитая посуда, кастрюли, салфетки. Вся дорогая техника отсутствовала, от нее остались только провода.

Мы двинулись дальше. Молча. Как две тени. Не дыша. Кровь стучала в висках, а сердце билось как ненормальное.

В моей спальне все было вверх дном. Все полки выдвинуты, а дверцы шкафов распахнуты. Зеркало на стене разбито на осколки, которые валялись тут же. Но это все было не так страшно.

Самое ужасное было в гостиной. Люба что-то шептала, кажется, что все это сделала не она. Что все это какая-то ошибка, розыгрыш.

Но я была более решительна. Стоя на пороге в гостиную, громко выматерилась.

Все диваны были облеваны и порезаны ножницами. Плазма валялась на полу разбитая. Но самое главное, это ворох каких-то тряпок на полу.

Словно во сне, я кинулась разгребать эти тряпки.

– Люба, как ты можешь это все объяснить? Ключи я отдавала только тебе и никому другому.

От отчаянья у меня потекли слезы. Трясущимися руками перебирая тряпки, я понимала, что все бесполезно. Моя квартира осквернена. Придется начинать ремонт сначала. Искать деньги на новую технику, мебель. Как назло, я все сбережения потратила на отдых в Испании. Черт.

А эта курица, Люба, не может толком объяснить, что за дерьмо произошло в моей квартире. И ведь самое главное, у нее нет таких денег, чтобы рассчитаться со мной.

Вот я дура последняя.

– Черт, Люба, что ты скажешь мне на все это?

– Я не знаю, – шептала она, падая на разбитый диван.

У меня капала с ресниц черная тушь прямо на руки. Я не заметила, что плачу, разгребая вещи.

Неожиданно я что-то зацепила. Холодное, гладкое и так похожее на человеческую кожу. Смахнув с лица слезы, я замерла. Позабыв обо всем на свете, стала копать глубже.

Под ворохом тряпья, на полу лежала обнаженная дочь Любы. Закрытые глаза, синие губы, багровые следы на тонкой шее. На теле – синяки и запекшаяся кровь. Девушка была изнасилована. Ноги и бедра были все в кровавых отпечатках. Из влагалища торчал пульт от телевизора.

От увиденного я потеряла дар речи. Просто осела на пол и с открытым ртом смотрела на Любу.

Она была бледнее полотна. Кажется, что вот-вот и упадет в обморок. Я на коленях поползла в коридор, к телефону. Должна была успеть вызвать «скорую».

Происходящее напоминало какой-то страшный фильм ужасов. Приехали полицейские, а только потом врачи. Люди бродили по моей квартире в обуви, равнодушно осматривая труп.

На весь подъезд слышался громкий плач соседки. Ее еле оторвали от мертвого тела дочери. Только когда сделали успокаивающий укол в вену, она смолкла и выпустила труп из рук.

Я же вошла на кухню и в первый раз в жизни закурила.

Молча стояла у окна, выдыхая густой дым.

В тот день поклялась самой себе, что больше никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не стану доверять. Уж слишком дорого обходится доверие.

История

Однажды весенним утром я направился из дома вынести мусор. Настроение у меня было не очень хорошим, поэтому при виде бомжа на скамейке бросился к нему:

– Ты чего здесь расселся? А ну, убирайся прочь! Вони, да и заразы всякой. Дышать не выносимо. Уходи.

На что он лишь притянул к себе банку пива и, сделав большой глоток, смачно рыгнул. Это разозлило меня вконец. С трудом подавив желание вывалить ему на голову мусор из ведра, я прорычал:

– Пошел вон!

Он бросил пустую банку в урну и, усмехнувшись, спросил:

– Угостишь сигареткой?

– Чего?

– Если угостишь сигаретой и выслушаешь мою историю, я уйду.

Признаться честно, у меня не было ни малейшего желания общаться с ним. От одного только вида воротило.

Ну во мне что-то шевельнулось от доброго человека. Наверное, жалость. Я потянулся к карману и, вытащив наружу

пачку сигарет, подошел ближе.

– Если только недолго, – буркнул, угощая сигареткой.

– Не задержу.

Бомж вставил сигарету в зубы и, чиркнув своей зажигалкой, прикрыл от удовольствия глаза. Он наслаждался дымом и ситуацией.

Я терпеливо смотрел на него, убирая пачку назад в карман. Бомж отправил вверх кольцо дыма и начал свой рассказ:

– Случилась эта история со мной лет, наверное, десять назад. Я и мои товарищи занимались альпинизмом. Лазили по снежным горам в свободное от работы время. В тот день все шло как обычно. Мы поднимались друг за другом вверх. И вот, с горы начала сходить лавина. Естественно, при всем нашем желании мы ничего не успели предпринять. Стояли и смотрели, как на нас летят тонны снега. Мой товарищ упал на меня, тем самым прикрыв своим телом. Вместе мы упали на какие-то камни, и нас накрыло снегом.

Бомж замолчал. Затаившись сигаретой, посмотрел внимательно на меня. От его взгляда стало как-то не по себе.

– Этот приятель, что прикрыл меня собой, от удара разможил свою голову о камни. Умер сразу. Мне повезло, я остался жив. Но представь: холодно так, что не ощущаешь своего тела, на тебе лежит мертвый товарищ, и шансы, что тебя найдут, ничтожно малы. Не раз я попрощался с жизнью. Однако надежда жила во мне.

Признаться, я был заинтересован.

– Но как тебе удалось спастись?

– О, это самое интересное. Всю неделю, что я там лежал, все это время я молил Бога о помощи. При этом, чтобы не сдохнуть, пожирал своего товарища прямо этими зубами. Рвал холодную плоть и заставлял глотать, чтобы не умереть. Обглодал шею, грудь и плечи. Мягкие ткани – единственное, до чего смог дотянуться. Вот так-то.

После этого он поднялся со скамейки и побрел по тротуару прочь. Еще долго я смотрел ему вслед с помойным ведром в руках.

Откровенное признание

Простой широкий массивный стол. На нем, ничего. Он чист. Я, следовательно с большим стажем работы, сижу за этим столом, сложив руки в замок. Напротив меня – полутрезвая женщина. С засаленными волосами и в грязном платье. Облезлый розовый лак на ногтях.

За все время она ни разу не посмотрела мне в глаза. Склонив голову, внимательно изучала свое серебряное колечко на руке.

Я должен был узнать все детали произошедшей с ней истории. Признаться, было совершенно наплевать на ее чувства и эмоции. Меня интересовали только факты.

– Итак, – начал я допрос, – давайте начнем все с самого начала. Год назад ваш младший сын покончил жизнь само-

убийством. Повесился в сарае, на бельевой веревке.

– Да, мы всем сказали, что мой сын Алексей покончил с собой. Так было лучше для всех нас.

– Для кого это «нас»? Поясните.

Женщина тяжело вздохнула.

– Для меня и моего старшего сына Костика. Ему сейчас тридцать, он живет со мной. Леша тоже с нами жил, когда был жив.

– Сколько было лет младшему сыну на момент смерти?

– Двадцать два. Понимаете, у моих сыновей разные отцы. Мальчики между собой не были дружны, но и не ссорились. Каждый жил своею собственной жизнью.

– Они помогали вам? Работали?

Женщина пожала плечами:

– У старшего нет постоянной работы. Перебивается случайными заработками. Алешенька в ту пору уже подрабатывал в магазине бытовой техники. Кажется, был продавцом. Он был хорошим мальчиком, целеустремленным.

– Что вы имеете в виду?

– Ему не нравилось жить со мной. Мечтал купить свое жилье. Я всегда скептически относилась к этому, ведь сами знаете, сколько сейчас стоит купить квартиру. Считала, что никуда он не денется, так и останется со мной жить. Втроем веселее.

Я откинулся на стуле и закинул ногу на ногу, спросил:

– Вы выпиваете?

Она ухмыльнулась, продолжая изучать свое кольцо.

– Немного.

– Немного, это сколько? Бутылка за раз? Две бутылки? Раз в неделю? Или, быть может, каждый день? Сколько?

– Как все.

– Ну у каждого своя мера. Конкретней, пожалуйста.

Она закатила глаза, пытаясь вспомнить.

– Ну через день, по бутылке.

– Водка, портвейн?

– Портвейн.

– Вы выпиваете одна или в компании?

– В основном с моими друзьями. Они часто приходят к нам. Я очень гостеприимная. Люблю, когда весело и шумно.

– Ваш старший сын тоже выпивает? Пьет вместе с вами?

– Да. Пьет.

Я видел, что ей стало неприятно об этом говорить. Брови нахмурила, а руки затряслись. Тем не менее я продолжил.

– Младший сын пил вместе с вами?

– Нет, он никогда не употреблял. К спиртному относился пренебрежительно. Прятал от меня бутылки. Просил, чтобы бросила пить. Но, черт возьми, это моя жизнь, и я сама решаю, что мне делать, а что нет. Он не имел никакого права мне указывать или упрекать. Уж я видела в его глазах этот немой упрек. Поверьте мне. Он всегда смотрел на меня с эдаким пренебрежением и сожалением одновременно. Иногда я не выдерживала этого и прогоняла его.

– Вы били его?

– Нет, что вы. Никогда. Могла, конечно, бросить в него кружку, но не бить. Он был уже взрослым и мог дать сдачи.

– Мог дать сдачи как Костя, ваш старший сын, – пояснил я вслух.

Она подняла глаза и впервые за все время разговора посмотрела мне в глаза. Я попал в точку. Он бил ее.

– Поверьте, Костя, он хороший, просто очень эмоциональный. Вспыльчивый, но отходчивый. Если у него поднималась на меня рука, то только если я действительно была не права.

– Вы хотите сказать, что ваш старший сын избивал вас только потому, что вспыльчив? Что вы сами виноваты?

– Да, это так.

– Допустим. Тогда напрашивается другой вопрос. Костя бил своего брата?

Ее глаза забегали. Она начинала нервничать.

– Они дрались, не спорю. Но в основном дурачились, как все мальчишки.

Я смотрел на нее и понимал, что она выгораживает старшего сына, пытаясь оправдать жестокость.

Я смотрел на нее, не мигая. Она должна была рассказать мне все. В мельчайших подробностях.

– Насколько мне известно, раньше все считали, что ваш младший сын покончил с собой. Путем повешения. Однако, недавно вы рассказали своим знакомым, что это не было самоубийством.

Она смотрела на меня, а я – на нее. Несколько минут собиралась с духом, наконец, выпалила:

– Все так запуталось. Я уже не знаю, кого больше жалеть. Своих сыновей или себя. Возможно, я сама во всем виновата. Но поймите, я – женщина, слабая и одинокая. В какой-то момент оказалась совершенно одна. Без поддержки и мужчины. Впала в отчаянье. Стала много пить. Алкоголь как средство забытья, на время, пока все это не закончится.

– Ближе к делу.

– Да, да, вы правы. Нужно успокоиться и вспомнить. Вы правы. Да, я сейчас соберусь.

– Начните с того самого дня, когда умер ваш младший сын. С чего все началось?

– Это был самый ужасный день из всех. Я расскажу вам то, что помню сама. Вторую часть, со слов Кости.

Она откинула голову и закрыла глаза, собираясь выдать страшную тайну того дня.

– Как обычно начался тот день. Утром младший сын ушел на работу. Старший спал до обеда. Ну а я пошла на подработку. Мыть подъезд соседнего дома. Освободилась часам к пяти вечера. По дороге домой купила портвейн. В магазинчике у дороги, рядом с шиномонтажкой. Ну знаете, там еще вывеска сине-белая?

– Дальше, – кивнул я.

– Так вот, я пришла домой и, не переодеваясь, пошла на кухню. Уж очень мне хотелось выпить. Распечатала бутылку

и стала пить прям так, из горла. На голодный желудок.

– Старший сын был дома?

– Нет, я дома была одна.

– Продолжайте.

– Так вот, я быстро опьянела и пошла на диван. Помню только, что на ходу скинула туфли и стянула кофту. Отрубилась сразу и больше ничего не помнила.

– Значит, все, что произошло дальше, вы знаете со слов старшего сына?

– Да.

Мне стало ее жаль, хотя виду не подал. Глупая баба.

– Примерно в девять вечера домой вернулся Костя. Допил остатки портвейна, доел суп и увидел меня. Дальше вам уже все известно.

Я усмехнулся.

– Вы должны рассказать мне все сами. Продолжайте.

– Мне стыдно.

– Тем не менее.

– Костя раздел меня и, перевернув на спину, раздвинул ноги. Он стал трахать меня, родную мать, словно я была обычная похотливая шлюха.

Она нервничала, но не плакала.

– Именно за этим занятием его застукал Алексей, мой младший сын. Он бросился на Костю, стащил его с меня и стал избивать. Но я знаю точно, что Костя намного его сильнее. Схватил за шею и выволок на улицу. Там избил и, когда

втащил в сарай, тот был без сознания. Нашел веревку и повесил брата, инсценировав самоубийство. Господи, прости!

Что ж, теперь все встало на свои места. Я поднялся со стула и посмотрел на нее с высоты своего роста.

– Значит, тогда, год назад, вы скрыли этот факт из-за боязни? Испугались за старшего сына?

– Скорее из-за позора. Мне стыдно. Очень и очень стыдно.

– Что же изменилось за это время? Почему пришли в полицию?

Она закрыла лицо руками и заплакала.

– Я боюсь его, своего Костика. Он – убийца и насильник. Больше так не могу. Живу в постоянном страхе. Арестуйте его, умоляю!

– Вы год его покрывали.

– Да, я виновата. Но больше не буду в этом участвовать. Готова что угодно подписать, только арестуйте. Иначе, видит Бог, я сама все решу.

– Хорошо, – согласился я, – сейчас вы изложите все на бумаге. Ваш сын будет арестован, обещаю.

Она упала на пол и встала на колени передо мной.

– Спасибо, спасибо вам.

Но я отступил от нее на шаг. Было противно и тошно смотреть на нее. Поэтому поспешил выйти за дверь за карандашом и бумагой.

Каждому свое. Каждый строит свою жизнь сам. Видимо,

эта женщина выбрала именно такую жизнь. Один сын в могиле, а второй сядет за это в тюрьму, и всему виной она сама.

Тихая смерть

Давно это было. Я еще была ребенком, лет семи. Мои родители, как и все прочие, беспокоились за меня. Рассказывали страшилки про насильников и маньяков.

Некоторые из этих историй я знала наизусть. Хотя и с трудом себе представляла, как должны выглядеть эти дядьки-злодеи.

И вот, в один прекрасный летний день в розовом сарафане в цветочек я сидела на скамейке перед домом и играла с пупсиком.

Было очень жарко. На площадке было пустынно. Кроме меня, никого. Из-за угла дома вышел незнакомый мужчина. Футболка, джинсы, в руке – бутылка пива. Завидев меня, ринулся вперед.

Сначала я хотела забрать игрушки и пойти домой. Однако, осталась на месте. Любопытство. Именно оно было тому виной.

Незнакомец улыбнулся мне грустной улыбкой и сел рядом.

- Как тебя зовут, девочка?
- Рита, – честно призналась я.
- Значит, Маргарита или Марго.

Он глотнул пива и посмотрел на мои волосы.

– Готов поспорить, ты вырастешь прекрасной и красивой женщиной. Поверь, мужчинам нравятся блондинки с голубыми глазами, как у тебя.

Я ничего ему не ответила. Помню, пыталась понять, ма-
няк он или нет. Будет ли меня похищать или просто хочет поговорить.

– Вы, наверное, меня хотите угостить конфетой?

Он снова улыбнулся той же грустной улыбкой.

– У меня нет с собой сладостей.

Я пригладила одежду у пупса. Мужик снова глотнул пива и задал вопрос:

– Ты далеко живешь? Наверное, в этих домах?

– Да, вон в том сером доме. На втором этаже, вместе с родителями. Папа сейчас на работе, а мама готовит обед.

– Наверное, ты похожа на свою мать. Судя по всему, она у тебя красавица.

– Наверное.

– И отличная хозяйка. Мне нравится, когда любимая женщина не только хороша собой и умна, но еще варит вкусный борщ. Все мужчины любят вкусно поесть. Запомни это, Марго.

В ответ я лишь кивнула.

– Главное, это семья. Поверь мне, детка. Человеку не свойственно быть одиноким. Он должен быть в паре с кем-то. Иначе его ждет одиночество и депрессия.

С большим интересом я посмотрела на него. В тот момент он не походил на маньяка. Обычный человек, который разговаривал с незнакомым ребенком, попивая при этом пиво.

Я не поддерживала разговор, говорил только он:

– Когда я был такого же возраста, как ты, то был уверен, что проживу отличную жизнь. Строил планы, учился. Был невероятно самоуверенным и дерзким. Спустя несколько лет с большим трудом закончил школу. Поступил в университет, подрабатывал вечерами на стройке. Но как и обещал самому себе, получил специальность. В день получения диплома встретился со своей будущей женой. Влюбился так, что крышу сорвало. Думал: умру, но ее добыю. Так и случилось. Поженились. Спустя год родила мне близняшек, мальчишек. Прекрасных Сашеньку и Юрика. Что и говорить, был счастлив безмерно. Мы жили очень счастливо. Все эти годы. Душа в душу. Каким же я был наивным дураком, не ценя этого. Думал, так будет всегда.

Он снова глотнул пива. Я видела, как становилась бессвязной его речь, но слушала и играла в пупса.

– Все закончилось пару дней назад. Когда мои мальчики перебежали дорогу. Джип, что летел с большой скоростью, сбил их одним махом. Тела разлетелись на десятки метров. Погибли мои мальчики на месте. У них не было ни единого шанса.

Он снова выпил немного пива.

– Жена узнала об этом по телефону. Мы как раз с ней бы-

ли в магазине, покупали продукты. От этого страшного известия у нее остановилось сердце. В тот же миг. Она умерла от горя у меня на руках. Я ничего не успел сделать. Кричал на весь магазин, требовал «скорую». Все бесполезно. Она ушла, бросила меня одного. Одного. С той минуты четко для себя решил, что не буду больше жить. Не хочу и не смогу. Потому что в этом нет никакого смысла.

Я играла в пупса, даже не заметив, что он замолчал. Пустая бутылка выпала из его рук и упала на землю. А сам он повалился на бок тут же, на скамейке. Глаза остекленели, и перестал дышать.

Чуть позже, когда моя мать вызвала «скорую», и на площадке появились полицейские, я узнала, что в бутылке пива был подмешан яд. Мужчина сам решил свести счеты с жизнью. Разговаривая со мной, он попивал этот яд, умирая на моих глазах.

Хотя что я могла понимать в те годы? Ребенком была совсем.

Заговоренные

Я женился на ведьме. Да, да, вы все правильно поняли. Понимаю, звучит невероятно, но это так. И я сам вам это докажу. Сейчас.

Мы женаты почти два года. Квартира хоть и в старом доме, но наша. Досталась в подарок от моего отца.

Две маленькие комнаты и крошечная кухонька, на которой любили ползать тараканы. Они нам достались в наследство вместе с квартирой.

Чего только мы не предпринимали: и пшикали дихлофосом, и мазали «Машенькой». Все бесполезно. Складывалось впечатление, что им нравится этот яд.

На них ничего, абсолютно ничего, не действовало. Продолжали ходить по кухне пешком, как у себя дома. Пока однажды жена не хлопнула по столу рукой.

– Кто в доме у нас главный? Я или тараканы?

У нее был такой суровый взгляд, что тут же ответил:

– Милая, ну конечно же ты!

Тогда она склонилась и, поймав со скатерти жирного усатого, прокричала на всю кухню:

– Значит так! Я запрещаю вам, тараканам, бегать по моему дому. Вам всем неделя на сборы. И чтобы духу вашего тут не было.

Произнесла эту пламенную речь, его тут же отпустила. Спустя неделю все тараканы из квартиры исчезли.

Моя жена – ведьма, я это знаю точно!

Пчелы

Осень. Золотая пора. Что может быть красивее, я не знала. Села на пень и, достав тонкую сигару, закурила.

Обожаю табак. Густой дым. И те ощущения, которые ис-

пытываю во время курения.

– Машка, ты опять задымила? Прекращай.

Моим подругам не нравилась моя дурная привычка. Они дружно меня порицали. Мол, быстро постарею, а зубы всегда будут желтыми.

Может быть, так и будет, не спорю. Но мне, откровенно, было плевать на это. Молча доставала портсигар и закуривала.

Я должна была собрать сухих веток и дров для костра. Но с чего начать, не знала. Так, покуривая сигару, прикидывала, с чего начать.

В это время мои подружки стелили на земле покрывало. Вскоре одна из них увидела перед поляной широкое гладкоствольное дерево. Внутри – огромное дупло, в котором что-то шипело.

– Девчонки, идите сюда.

Я не двинулась с места. Вторая подружка поспешила к дереву. Они вместе стали заглядывать в дупло.

– Там улей диких пчел, – крикнула первая.

– А я думала, там гнездо какой-нибудь птицы.

Подняла с земли камень и швырнула его в дупло. Оттуда налетели пчелы и начали жалить моих подружек.

Обе валялись на земле, полностью облепленные дикими пчелами. Их истошные крики звенели на весь лес.

Из-за дыма на меня пчелы побрезговали нападать. Укусили только две, и то в ногу.

Благодаря своей дурной привычке, я спаслась. Подруги были мертвы.

Кукла Катя

Сам не знаю, откуда у меня появилась эта кукла. Я – мальчишка одиннадцати лет – ее просто обожал. Она была моим самым близким другом, и я везде таскал ее с собой.

Ничего в ней не было примечательного. Огромные серые глаза, каштановые кудрявые волосы, которые я пытался выпрямить. Ухаживал за ней, купал в ванной, шил одежду. Усаживал за столик и пытался напоить чаем.

Бывали моменты, когда я играл в машинки. Кукла Катя всегда присутствовала, сидела на диване. Мне нравилось, что она смотрит за мной.

Все время я с ней ласково разговаривал, советовался, обсуждал. Вечером, после игр, укладывал спать.

Мои родители не вмешивались и не ругали меня. Их интересовала их личная жизнь, работа, друзья. Наверное, им было так удобно, ведь я всегда при деле. Всегда на виду, дома.

Прошло двадцать лет. Я работаю в офисе, программистом. Сейчас попиваю чаек и вспоминаю ту куклу и как с ней возился. Забавно.

Ведь сейчас у меня – любимая жена. С огромными серыми глазами, за этот взгляд готов на все.

У нее кудрявые каштановые волосы, которые она всегда

выпрямляет утюжком. Когда увидел ее впервые, то понял, что она – это мой человек. Нет никого роднее ее. Словно знаю ее всю свою жизнь.

Она – мой самый близкий друг. Всегда вместе, что бы не происходило. И да, ее зовут Катя.

Дрянь

Мне было шестнадцать. Я была девственница. Но однажды влюбилась и переспала с парнем из моего класса.

В момент близости он не удержался и кончил в меня. Пойти в аптеку за контрацептивами у меня ума не хватило. Страшно испугалась. Ведь мои родители убили бы меня, узнай, как я распорядилась своей девственностью. Посчитали бы шлюхой. Презирали бы всю оставшуюся жизнь.

Мне было до дрожи страшно, ведь могла забеременеть. Что я тогда бы делала? Как жила? Что стало бы с моей жизнью и мечтами.

В тот день я соврала матери, что меня изнасиловали. Сказала, что сделал это какой-то незнакомый мужчина.

Мой отец был в бешенстве. Мать рыдала. Под давлением мне пришлось подать заявление в полицию. Шли месяцы, а розыск не давал результата. Ни зацепок, ни улики.

Я даже как-то успокоилась. Перестала волноваться. Вот только родители переживали, ночами не спали.

В один из дней меня вызвали в полицию. Я вошла в ка-

бинет, следователь протянул мне фотографию незнакомого мужчины.

– Посмотри на него внимательно и запомни. На опознании он будет присутствовать. Укажешь на него.

– Да, но...

– Делай, как велено. Ясно?

У него был такой тяжелый взгляд, что мне пришлось согласиться.

– Теперь смотри сюда.

Он положил передо мной на стол длинный прямой нож.

– Запомни этот нож. Скажешь, что именно этим ножом он тебе угрожал. Поняла?

Я молча кивнула. Следователь достал из стола прозрачный пакетик и протянул мне.

– Нам нужна пара твоих волос. Сними с себя и сложи в пакетик.

– Зачем?

– Скажем, что их с его одежды сняли.

Все происходило так естественно и быстро, что я не стала возражать. Тем более, таким образом успешно решалась моя проблема потери девственности. И волки сыты, и овцы целы.

На опознании я сделала все, как мне велел следователь. Указала на мужика, опознала нож.

Был суд. Мужчину осудили на семь лет режима строгой колонии.

Ангел в моей голове

С самого детства, сколько помнил себя, в моей голове звучал мужской голос. На слух, примерно взрослый человек двадцати пяти лет.

Все, что он мне говорил, все сбывалось. Если он говорил, не ходить сегодня на секцию, я не ходил. Верил. Потом узнавал, что в тот день в секции произошла трагедия. Пожар на крыше. Часть кровли отвалилась и придавила моего напарника. Я мог тоже пострадать.

Иногда голос задерживал меня, просил не торопиться. И буквально в метре от меня падала глыба льда с балкона.

Я так ему безгранично верил, так привязался, что, когда стал старше, понял, что он уходит. Покидает меня. Я просил его остаться, но он ушел.

С тех пор со мной больше никаких неприятностей не происходило. Жизнь складывается ровно, без проблем.

Однако до сих пор вспоминаю тот голос в голове. И никак не могу самому себе объяснить, что это было. Если только это был мой Ангел.

Подросток

Эта история случилась, когда моему другу исполнилось пятнадцать. Звали его Валерием. В эти подростковые годы, сами понимаете, гормоны играют и просятся наружу.

Его бабушка занемогла и слегла. Перестала разговаривать и двигаться. Молча лежала и смотрела на всех. О ее желаниях приходилось догадываться. То ли чаю ей принести, то ли поесть. В общем, держали ее родители Валеры под строгим режимом. Чтобы она понимала, когда ее будут кормить и давать лекарства.

Валера был ответственным. Пока родители на работе, он за ней присматривал. Но как именно...

Включал порнушку и садился себя ублажать. Прямо рядом со своей бабушкой, не стесняясь ее присутствия.

Нравилось ловить адреналин, был в этом какой-то определенный кайф. Какая-то острота впечатлений. Эрекция была невероятной, а ощущения – фантастические.

Спустя месяц у бабули поднялась температура. Ее никак не удавалось сбить. Старушка впала в забытье.

Но Валере показалось мало просмотра порнофильмов. Пока в доме никого не было, он раздел старушку, раздвинул ее ноги. И трахнул.

Чтобы не оставлять никаких улик, кончил на салфетку, которую потом смыл в унитаз. Привел бабушку в порядок и стал заниматься своими делами.

Спустя неделю старушка умерла. Так и не пришла в себя. Валера обрадовался, у него спала гора с плеч. Тайна уйдет со старушкой в могилу.

Родители решили сэкономить на ее похоронах. Своей машины не было, чтобы довезти ее до морга, поэтому попро-

силы соседа-алкаша. За бутылку водки.

Посадили мертвую бабушку на переднее сидение. Привязали ремнями безопасности. Валера ее придерживал за плечи сзади, чтобы не упала. Так и довезли до морга, в котором вскоре и кремировали. Прах так и не забрали. Оставили в крематории.

Село

Село у нас маленькое, человек двести. Каждая собака знает тебя в лицо. Ничего невозможно спрятать или скрыть.

Мой дом – в самом центре, на площади. Перед церковью. Рядом – соседский дом, в котором жила молодая семья. Отец, мать и два сына.

Старшему, Егору, пять лет, а младшему – месяц от рождения, звали Борисом. Дом – полная чаша. Взаимная любовь и уважение.

За домиком – огород, картофельное поле. Рядом с моим домом – огромный сарай, где молодая семья держала скотину. Куры, кролики и свиньи.

Так вот, одного поросенка тоже звали Борькой. Кругленький, розовенький, писклявый. Надумали молодые родители отметить праздник. День рождения старшего сына.

Сели вдвоем на кухне, пьют чаек и громко обсуждают. Мол, надо на праздник Борьку зарезать.

Старший сын услышал эти слова. Взял в сарае нож, по-

шел в детскую и перерезал младшему брату горло. Пришел на кухню с окровавленным ножом и похвастался:

– Я вам помог, зарезал Борьку, можете не благодарить!

Брачная ночь

Представьте, первая брачная ночь. Молодые друг друга просто обожают, ждут не дождутся, когда окажутся наедине. Еще на свадьбе предвкушают все, что сделают друг с другом в постели.

И вот этот момент настает. Поздняя ночь. Последний гость уезжает на такси. Молодые уединяются у себя в спальне. Зажигают свечи, раздеваются и ложатся в постель. Объятия, стоны, поцелуи. Они любят друг друга неистово и нежно.

И вот, когда все наконец закончилось, молодой муж и молодая жена падают на подушки. Оба в поту и довольные. Лежат, отдыхают.

Открывается шкаф, и оттуда выходит свекровь – мать жениха. Толкает новобрачную в плечо со словами:

– Пододвинься. Разлеглась!

Девушка с открытым ртом уставилась на нее, не веря своим глазам. Затем молча отодвинулась, уступая место. Свекровь ложится на кровать, продолжая бурчать:

– Наконец-то вы закончили. Я устала там стоять и ждать. Спать хочу.

Поворачивается и смотрит ласково на сына:

– А ты, сынок, молодец. Хорошо ее отымел. Только в следующий раз побыстрее.

Сказав это, накрылась одеялом и тут же уснула. Чуть позже оказалось, что она заранее прокралась к ним в спальню и спряталась в шкафу. Хотела убедиться, что невеста девственница.

Моя депрессия

Я – молодая красивая женщина. Мне всего лишь-то двадцать семь лет. Удачный брак, любимый муж, своя квартира.

Проблема у меня только одна. Мой маленький крикливый сын. Он родился всего два месяца назад. Такой крошечный, беззащитный комочек. Лежа в своей колыбели, он все время кричал.

С момента его рождения на меня накатила послеродовая депрессия. Ничего больше не радовало, постоянная усталость, нежелание общаться с кем бы то ни было. Единственное, о чем я начала мечтать, это крепкий полноценный сон.

Мой муж приходил с работы и забирал у меня сына. Я прибирала в квартире и готовила для него ужин. Когда все было готово, муж снова отдавал мне ребенка и шел на кухню.

Спустя пару часов он уходил спать, и я ложилась рядом с ним. Всю ночь поднималась к ребенку я сама.

И в один прекрасный день я едва задремала, как сын за-

кричал с новой силой. Словно в трансе, я поднялась с кровати, взяла подушку и накрыла ею ребенка.

Молча отошла в сторону и стала смотреть на кроватку. Слышала, как задышался мой сын, как вопил из-под подушки. Но я просто стояла и смотрела.

Вдруг проснулся муж. Увидел меня, услышал всхлипы замолкающего ребенка и все понял. Соскочил с кровати, рывком скинул подушку на пол. Начал его откачивать, приводить в чувство маленькое тельце.

Я стояла и просто смотрела на него. Повернулась и пошла на кухню вызывать «скорую». Потом легла и тотчас уснула. Муж на себя взял все хлопоты о ребенке.

Прошло пять лет. Сынок подрос, окреп. Давно самостоятельный и сильный. Но, как и прежде, без конца рыдает и кричит. В любой ситуации и по любому поводу. Никак не затыкается. Никто не может его успокоить.

Иногда я смотрю на сына и жалею о том, что муж той ночью проснулся и спас его. Уж лучше бы ребенок умер. Лучше бы умер.

Страшная судьба

Никогда не думала, что люди в большинстве своем, это холодные твари, которым, кроме себя любимых, на всех и все наплевать. И часть моей судьбы доказывает именно это.

Мне было восемнадцать. Я росла в полной, обеспеченной

семье. Мать, отец, младшие брат и сестра. Братику – пять лет, а сестренке – два.

Жили мы в огромной квартире в центре города. Просторные три комнаты, громадная кухня, лоджия. Уютная и светлая.

Случилось так, что внезапно мой папа умер. Инфаркт. Оставил он нас с матерью, которая быстро его позабыла.

Буквально через месяц привела в наш дом незнакомого мужчину. Антона. Оглядевшись, он понял, как сказочно ему повезло. Расположившись, быстро освоился и стал командовать.

Вместо чая на столе всегда банки пива. На лоджии – пепельница с окурками, и вдоль стен – пустые бутылки из-под водки.

Заботу о сестренке и братике я взяла на себя. Заменяла полностью им родную мать. Готовила, стирала, водила по больницам, в садик. Мать в это время с головой ушла в новые отношения. С желанием пожить для себя.

Вдвоем с распрекрасным Антошей они стали пропивать все сбережения моего отца. Немного денег давала мне на детей. Чтоб отстали. Что-то я тратила, а что-то откладывала на «черный день», который наступил ровно через год.

Моя мать начала колоться вместе с Антошей. Причем делали это прямо при нас, детях. Когда я увидела в очередной раз шприц в ее руках, то набросилась на нее. Вырвала и выбросила в окно. В ответ мать ударила меня по лицу.

Больно, обидно и страшно. Во что она превращала свою жизнь? Как поступала с собой и с нами, ее детьми.

В ответ я взяла детей за руки и ушла в комнату. Чтобы не видеть ее в таком состоянии. На утро, как обычно, покормила детей и отвела в садик. Сама я побежала в университет.

Когда вечером вернулись в квартиру, то наткнулись на чемодан вещей и запертую дверь.

Никто нам не открыл.

Благо, я скопила кое-что. Сняла на небольшой срок комнату в надежде на скорое возвращение домой.

Но все оказалось намного сложнее. Дверь мне практически не открывали. Мать разговаривала через порог.

Ее мало интересовала я и брат с сестренкой. Относилась к нам как к чужим. Типа, тебе, дочка, уже девятнадцать, ты – совершеннолетняя. Иди работай.

Я обратилась в органы опеки. Там мне предложили забрать в детский дом моих младшеньких. На что я дала категорический отказ.

Прошло три года. К этому времени накопленные деньги кончались. Нам пришлось уйти со съемной комнаты. Перешли в подвал. Жили как бомжи, без элементарных условий.

Один раз в отчаянье я пришла к матери в нашу квартиру. Дверь открыл Антон. В трениках и майке-алкоголичке. В зубах – сигарета, а за спиной – три здоровенных овчарки.

Придерживая их руками, он прикрикнул на меня:

– Еще раз придешь, спущу на тебя. Поняла?

Так я ушла ни с чем. Глотая слезу на ходу, я спешила назад в подвал, судорожно соображая, чем кормить брата и сестру.

Уже вечером устроилась в этом же доме уборщицей. Начала мыть подъезды. Денег хватало на еду и одежду, чтобы, не дай Бог, в садике не узнали, как плохо мы живем.

Спустя неделю подрабатывала в продуктовом магазине. Оттуда приносила просроченные продукты. Полузамерзшую картошку и плесневелый хлеб. Стали жить чуть лучше.

Однако денег все равно не хватало. Перевелась на заочное. Тогда я устроилась в садик, чтобы приглядывать за своими и заодно получать зарплату.

Спустя некоторое время денег стало хватать на то, чтобы снимать комнату в общежитии. Я скучала по матери и брат с сестренкой тоже. Несмотря на угрозы, мы все-таки пришли к нашему дому.

Поднялись на этаж и позвонили в звонок. Дверь открыла мать. Бледная, тощая, в каких-то обносках. За ее спиной – дым сигарет, громкая музыка и мужские голоса. Ободренные обои, засаленные половицы, запах собак.

– Мама?

Она нас не узнавала. Молча отступила на шаг и захлопнула перед нами дверь. Мы спускались по ступенькам вниз и плакали.

В тот день я сказала им, что мама просто сильно заболела. Что она нас по-прежнему любит, но просто ей нельзя нас обнимать, чтобы не заразить.

Братик и сестренка успокоились. Однако для себя я решила их больше в этот дом не приводить. Так будет лучше для всех.

Но оставить мать с этим Антоном я не могла. Все надеялась, что в один прекрасный день они расстанутся, и он уйдет. Мама снова будет с нами. Снова будем жить все вместе как прежде.

Через месяц я вернулась. Постучала в дверь. Открыл ее Антон. Без лишних прелюдий ударил меня по лицу. Я упала прямо там, у двери.

Он громко скомандовал, и из квартиры выбежали три овчарки. Они окружили меня и лаяли, порываясь укусить, но останавливались, поглядывая на хозяина в ожидании команды.

– В следующий раз они тебя разорвут. Поняла?

Он им свистнул, и они вернулись в квартиру. Он захлопнул дверь, оставляя меня в ужасе на полу.

Конечно, я могла бы пойти в полицию и заявить на него. Но в таком случае господа полицейские спросят о моих братике и сестренке. Я боялась, что их просто-напросто у меня заберут.

Прошло полгода. Я снова вернулась к своему дому. Встала у подъезда и посмотрела в окна. Перевела взгляд на лоджию и увидела трех незнакомых мужчин бомжеватого вида.

Подниматься в квартиру не стала. Решила мать подождать внизу. Вдруг выйдет. Ко мне подошла соседка. Села рядом

и просто сказала:

– Где твоя мать?

Я лишь пожала плечами. Мол, не знаю. Тогда она тяжело вздохнула и промолвила:

– Она исчезла. Ее давно никто не видел. В квартире постоянно лают собаки, и звучит музыка. Все устали от ее жильцов. Но дверь всегда открывает Антон.

В тот момент я не знала, как реагировать. С одной стороны, я сама ничего не знала, а с другой, мне было стыдно.

– Плохая ты дочь. Не знаешь, где родная мать.

Старушка подумала, что мне наплевать. Встала и ушла. Я закрыла ладонями лицо и стала реветь. Так сильно не плакала никогда. Отчаянье и бессилие. Полное непонимание, что делать дальше. Где мать.

Внезапно ко мне подошел бомж.

– Вы случайно не с двадцать пятой квартиры? Простите, Бога ради, я случайно услышал ваш разговор.

– Да, – только ответила я, смахивая слезы.

– Много лет живу здесь рядом. Иногда бывал в вашей квартире, не скрою. Видел вашу матушку и трех собак.

– И как она?

– Ну это было примерно три месяца назад. В тот день, когда я видел ее, она лежала на полу. Синяя такая, не вставала. Вся, пардон, в дерьме. Стонала от боли.

– А где в этот момент был Антон?

– Он в соседней комнате пил с мужиками. Правда, один

раз он проходил мимо нее, предлагал выпить, но она его послала. Сказала, чтобы дал ей спокойно умереть. Потом я ушел. Спустя неделю меня снова пригласил Антон. Когда вошел в квартиру, твоей матери уже не было. Но я увидел кое-что.

Он замолчал.

– Что вы видели? Говорите?

– Эти три огромных пса жрали свежее мясо. Я еще тогда подумал, откуда у него деньги на вырезку. Ведь денег у Антона давно уже не было.

Я не верила своим ушам.

– Вы думаете, это мясо... это моя мать?

– Я не утверждаю. Идемте, кое-что покажу.

Мы вместе покинули двор. Направились к парку, где в гуще деревьев была насыпь. Бомж склонился над травой и стал рыть землю руками.

Вскоре он наткнулся на черный пакет. Когда вытащил наружу, я с дрожью в руках его развернула, там лежали останки моей матери. Обглоданные тазобедренные кости, кисти рук. Но главное, это ее голова.

Вопреки всему, я не пошла в полицию. Не заявила на этого подонка. Нет. Я тихо, со всеми почестями, похоронила свою мать рядом с могилой отца.

С этого момента решила забыть обо всем, что случилось. Начала жизнь с чистого листа. Вышла замуж в двадцать шесть лет за хорошего работающего парня. Он души во мне

не чаёт, а я стараюсь для него, чтобы дом – полная чаша.

Мои брат и сестра подросли и не помнили мать. Совсем. Мы жили вчетвером на съёмной квартире, и всего в жизни нам хватало.

В один прекрасный день ко мне в дверь постучал незнакомый мужчина. Это был друг моего покойного отца.

Он сказал, что Антон умер в нашей квартире один. Его труп обглодали его же собаки. Запах гнили и вой собак заставил соседей обратиться в полицию.

Я была удивлена. За все прожитые годы соседи ни разу не обращались в полицию. Не били тревогу, когда в самом начале у нас начали собираться пьяные компании. Ни в тот раз, когда нас троих выгнали из дома, и мы втроем сутки провели на лестничной площадке. Видимо, действительно приспичило.

Мы вернулись в нашу квартиру. В первый раз за многие годы мы вошли внутрь. Настоящий бомжатник.

Зловонье, от которого кружилась голова и щипало глаза. Плесень на стенах. Какие-то тряпки на полу. Пустые миски собак. Мы были в ужасе.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы привести квартиру в порядок. Без малого, примерно год.

Из всего пережитого я сделала один малоутешительный вывод. Мы никому не нужны. Всем на всех наплевать. Берегите себя и своих близких.

Клад

Давным-давно, еще в начале девяностых, у моей бабули за городом был домик. Земли гектаров двенадцать. Огромный сад с фруктовыми деревьями, огород и картофельное поле.

За картофельным полем – три огромных валуна. Бабуля меня шестилетнего брала за руку и отводила туда.

Вместе с ней мы обходили эти валуны и останавливались в центре.

– Запомни, внучек, это место. Хорошенько запомни.

Я все время вертел головой, запоминая валуны. Когда мне исполнилось девять лет, и она меня снова привела к валунам, я спросил:

– Бабуля, зачем ты меня сюда приводишь?

– Здесь когда-то давным-давно стоял деревянный дом. Со временем он ушел под землю. Просто знай это, и когда станет плохо, найди его. Запомни это.

– Но ведь у тебя есть двое детей, куча внуков и других родственников.

– Им ничего говорить нельзя. Передерутся и промотают все. Только тебе доверяю.

Спустя пять лет бабуля умерла. Как она и говорила, все родственники меж собой переругались. Дом забрал себе мой дядя. Буквально вырвал из рук. Завещание сжег.

Мои ничего не получили. Так и жили, как и прежде, в городе. Спустя год дядя дом с участком продал.

Прошло десять лет. Я скопил необходимую сумму и купил дом бабули. Как она и завещала, помнил землю у трех холмов.

Взял лопату и принялся копать. К моему огромному удивлению там действительно был закопан деревенский дом.

Два скелета в немецких формах. Гора редких икон, золотых украшений, серебряная посуда. Настоящий клад. Спасибо тебе, бабуля!

Дальнобойщик

Дело было зимой. Возвращался с дальнего рейса мужик домой. Как обычно, накупил подарочков для жены и детей. Вошел в подъезд, стал подниматься.

С одной стороны, одолела усталость. Хотелось отлюбить жену до полусмерти и лечь с ней спать. Проспать так суток пять, а потом заняться детьми.

Он прям уже представил их радостные лица, когда увидят, сколько им всего понакупил. Так, предвкушая радость встречи, он поднялся на свой этаж.

В момент, когда вставил в замочную скважину ключ, понял, что что-то не так. Странный, непонятный сладковатый запах.

Он открыл дверь и неторопливо вошел в квартиру. Запах был такой силы, что глаза стало резать. Кругом темнота.

Пакеты и сумка выпали из рук. Внутри все похолодело.

Он нащупал выключатель и включил свет.

Шаг за шагом шел вперед по коридору. Первой была детская. Он зажег свет и взглянул в кроватку. Там лежала мертвая трехмесячная дочь.

Он медленно повернулся и покинул детскую. Снова вышел в коридор и направился в гостиную. Там на полу лежала мертвая жена. Голова разбита, струйка запекшейся крови. Глаза распахнуты. Руки в разные стороны.

Перед мертвой женой сидел трехлетний сын и глодал руку матери. Эти безумные детские глаза просто невозможно представить. Ужас и полная отрешенность от реальности.

У отца подкосились ноги. Он едва удержался, чтобы не рухнуть на пол рядом с женой. Согнувшись от накотившей тошноты, его вывернуло прямо на стену.

В голове стучала мысль: «Как? Что произошло? Кто та тварь, что позарилась на его семью? Узнаю, убью? Пофиг сколько дадут, убью и закопаю тварину».

Мужик направился на кухню. Вызвал полицию, позвонил брату. Достал сигареты и закурил.

Первым приехал брат. Вбежал в квартиру. Пробежал по комнатам и только потом обнаружил мужика. Тот при виде брата бросил окурок в раковину и что-то замычал.

У него был шок, брат это понимал.

Когда приехали полицейские, то, глядя на мужичка, сразу поняли, ему нужна помощь психиатра. Тихонько вызвали специалистов.

Брат молча наблюдал за работой оперативников. Они констатировали несчастный случай. Пока любимого мужа и отца семейства не было дома, жена решила навести порядок в квартире. В гостиной поставила табурет, решив помыть люстру. Поднялась, но, не удержавшись, упала. Разбила голову об угол дивана. Мгновенная смерть.

Трехмесячная дочь умирала мучительно и долго. На истошные крики детей никто из соседей не среагировал. Все думали, что идет воспитательный процесс.

Спустя год мужик вышел из психиатрической клиники. Его сын находится до сих пор под наблюдением психиатра. Оправится ли он, никто не знает.

Теща

Мы – молодая семья. Я и моя жена Ирина, нам по двадцать два года. К сожалению, своего жилья у нас нет. Не заработали еще. Однако откладываем буквально каждую копеечку.

Как и многие пары, ютимся в квартире родителей. В нашем случае, это квартира родителей моей жены.

Словно в старом анекдоте, у нас особая космическая любовь друг к другу с тещей. Каждый божий день она свысока смотрела на меня и выдавала коронную фразу:

– Ну что, приживал? Не надоело по чужим квартирам скитаться?

В ответ, сжав кулаки и криво улыбаясь, отвечаю:

– Всегда мечтал о такой великодушной семье.

Она как всегда закатывала глаза и удалялась в свою комнату. Ирина всегда расстраивалась, что ее родная мать не хочет принимать ее мужа. Пыталась с ней поговорить, объяснить, что я – ее любимый муж, и что без меня никуда. Но та лишь отмахивалась. Мол, поищи другого муженька, более обеспеченного. Не такого нищebroда.

Иринка начинала злиться, в конце концов я начинал ее успокаивать. Так продолжалось несколько месяцев, пока одним прекрасным днем мне не пришла замечательная идея.

Городок у нас маленький, все на виду. Я подал в местную газету объявление: «Избавляю от радикулита и почечных колик. Быстро и надежно». Номер телефона указал своего друга.

Получив свежий экземпляр, как бы невзначай положил газету на кухонном столе, предварительно развернув страницу с объявлениями.

Как и предполагал, она заинтересовалась. Ведь в детстве занималась гимнастикой и неудачно упала с бревна. С тех самых пор мается болями в спине.

Теща позвонила другу тем же вечером. Записалась на прием. Он действительно был врачом, но только терапевтом.

Осмотрев ее с умным видом, порекомендовал свежую мочу самого ненавистного человека. Мол, сразу же полегчает.

Разумеется, моя кандидатура оказалась наиболее подходящей. Весь следующий день теща крутилась около меня, не

зная, как подойти к теме. Как начать и что сказать.

В конечном итоге начала диалог с Ириной. Общалась со мной через нее. Я старательно делал вид, что это неприемлемо, мол, что за глупости они предлагают. И после долгих уговоров я, наконец, согласился.

Теща в одной ночной сорочке стояла предо мной в ванне на четвереньках. Я стащил штаны и стал щедро поливать ее мочой, заранее выпив побольше воды, чтобы скопить как можно больше. Ликуя внутри, едва не издавал победный рев, глядя на ее мокрый зад.

Такое ни с чем не сравнимое удовольствие никогда не испытывал в жизни. Даже трудно объяснить весь спектр эмоций.

Должен сказать, что моя терапия ей помогла. Боли в спине прекратились. Как говорится, как рукой сняло.

Теща мне преочень благодарна и души не чает. С удовольствием готовит завтраки и обеды. При разговоре мила и дружелюбна. Называет любимым зятем.

Черная машина

Я симпатичная двадцатилетняя девушка. Примерная студентка и хорошая дочь. Как-то задержалась у подружки допоздна. Пришлось возвращаться домой поздним вечером.

Родители оборвали телефон. Волновались, переживали. Но я, вопреки их уговорам, решила не вызывать такси, а

пройтись пешком. До дома всего один квартал.

Не знаю, о чем думала в тот момент, но только у дороги ко мне подошел мужчина. Весь в черном, с ножом в руке.

На голове – капюшон, а часть лица скрывала марлевая повязка. Никогда не забуду жестокость и похоть в его взгляде.

Одной рукой он схватил меня за руку, а второй – ткнул ножом в бок.

– Пикнешь, завалю!

Я так испугалась, что выронила сумочку на асфальт. Поковыляла за ним, судорожно соображая, что же мне делать и как предотвратить неизбежное.

Еще, как назло, я была в платье, которое легко снималось. Насильник затащил меня за угол дома, под деревья, чтобы нас не было видно.

С силой толкнул меня к стене дома. Я ударилась больно спиной, но сдержала крик. В ту же секунду он убрал нож и подлетел ко мне.

Руки жадно шарили по моим бедрам и груди. И все это время его лицо было напротив моего. Он ловил каждый мой вздох. Ему нравилось ощущать мой страх. Я это чувствовала, как и его эрекцию.

Господи, столько молодых парней добивались меня. Ухаживали, угождали, целовали руки. И никому из них я не позволяла даже поцелуя.

И вот, этот незнакомый грубый мужчина, которого видела впервые, прикоснется ко мне только потому, что ему так

хочется.

Волна протеста накатила на меня, и я, собрав все свои силы, оттолкнула насильника. От неожиданности он упал.

Но быстро пришел в себя. Схватив меня за край платья, рывком дернул на себя. Я упала прямо на него.

В отличие от меня, он быстро поднялся на ноги. Снова достал нож и встал надо мной. В тот момент вся жизнь перед глазами промелькнула. Уж сто раз пожалела, что добровольно не отдалась. Что скажут мои родители? Будут ли плакать? Похоронят в белом платье с выпускного? Наверное, нет. Я потолстела с тех пор, и платье не налезет.

Мысли сменяли одна другую. В этот момент случилось непредвиденное. Из-за поворота во двор медленно въехала черная машина с выключенными фарами. Притормозила в аккурат перед нами.

В панике насильник убежал с места несостоявшегося преступления. Ну а я медленно поднялась с асфальта, одернула платье и посмотрела на машину перед собой.

Я ее видела впервые. Водительское окно медленно опустилось, и я услышала ровный мужской голос:

– Иди рядом.

Сбитая с толку, я покинула двор и вышла на дорогу. Подняла с земли сумочку и обернулась. Машина развернулась во дворе и следовала за мной.

Когда мы поравнялись, я вдруг крикнула водителю:

– Откуда вы взялись? Кто вы?

Но все тот же спокойный голос мне ответил:

– Это моя работа.

Я шла по тротуару, а он ехал за мной до самого дома. Мы ни разу не обмолвились с ним ни единым словом.

У подъезда я хотела его поблагодарить, но окно было закрытым. Я лишь махнула рукой и вошла в дом.

Первым делом я бросилась не к родителям, а к балкону. Посмотрела вниз. Машина стояла у подъезда, но при виде меня медленно покатила со двора.

Прошло десять лет, а я до сих пор не знаю, что это было. Кто и почему меня спас. Мистика.

Видение

То, что случилось в моей жизни двадцать лет назад, до сих пор не знаю, как объяснить. Я была беременна, на последнем месяце. Внезапно начались схватки. Прямо на улице, посреди огромного города.

Я не растерялась, дошла до первого попавшегося магазина, и продавец вызвала мне «скорую».

Довезли быстро. Ехать было всего ничего, пара кварталов. Но дело было в том, что каждый раз схватки были такой силы, что я теряла сознание.

И вот, в приемном покое одна медсестра заполняет карточку, а вторая помогает переодеться. В какой-то момент меня пронзила такая адская боль, что я упала в обморок.

И вижу я себя посреди бескрайнего снежного поля. Но мне не холодно. Стою и ощущаю себя так хорошо и так спокойно, что подумала, умерла.

Внезапно оборачиваюсь и вижу железнодорожный вокзал. Люди проходят мимо меня. Носильщик с сумками, полицейские в сторонке и бегающие дети. К перрону подъезжает серый поезд.

Из-за колонны выходит белокурая девушка с голубыми глазами. Она подходит ко мне, и, улыбаясь ангельской улыбкой, нежно обнимает. От нее исходила безбрежная любовь.

В этот самый момент я очнулась на операционном столе. Вокруг меня стояли врачи в марлевых повязках на лицах.

Один доктор облегченно вздохнул:

– Ну слава Господу, она жива!

Оказывается, все решили, что я не выживу. Умру. Однако ребеночка решено было спасти. Мое брненное тело положили на стол, чтобы сделать кесарево. Но в этот момент я открыла глаза.

В тот день я родила белокурую девочку с голубыми глазами. А двадцать лет спустя оказалась проездом в одном городе. Увидела тот самый железнодорожный вокзал. Тот самый серый поезд. И свою уже взрослую белокурую дочь. Я встретила ее из Москвы.

Ведь тогда в тот страшный момент именно она меня спасла. Моя еще не родившаяся дочь. Неужели это возможно? Настоящее чудо!

Брат

Была по соседству со мной одна семья. Старшему сыну было семнадцать, когда родилась его маленькая сестренка Леночка.

Юноша в ней души не чаял. Я каждый день видела, как он гуляет с коляской во дворе. Как заботливо поправляет одеяльце. Как кормит из бутылочки. При этом с такой любовью и теплотой смотрел на сестру, что можно было только позавидовать.

И было бы все прекрасно, если бы не один случай. В один из дней Леночка закапризничала. Чтобы ее успокоить, брат взял ее на руки и стал качать. Слезы перестали литься из голубых глаз.

В этот момент из подъезда дома выходила их мать. Убирая ключи в сумочку, посмотрела на детей.

Старший сын, радуя сестренку, начал подкидывать ее вверх. Только мать успела что-то сообразить, как мальчик подкинул, но не поймал маленькую Леночку. Она упала прямо на землю. Шок. Испуг. Ужас.

Мать бросилась к бездыханному ребенку, на ходу крича всем, кто был поблизости, чтобы вызвали «скорую».

Парень отступил назад, впадая в глубокое отчаянье. Ему показалось, что сестренка умерла.

Началась паника. Все бросились помогать, откачивать де-

вочку. Дождались приезда врачей, погрузили мать с ребенком и отправили в больницу.

Чуть позже выяснилось, что с девочкой все в порядке. Она жива и здорова. Только небольшой ушиб и ссадина на голове.

Мать с невероятным облегчением вызвала мужа, и они все вместе поехали домой. Поставили машину, вошли в подъезд и вдруг вспомнили про старшего сына.

Они нашли его на кухне. Повешенным. Он висел на веревке на крюке из-под люстры. На столе записка: «Я не смог бы жить, зная, что убил собственную сестру».

Странный сосед

Живу в многоквартирном доме. Надо мной – странный сосед. Точнее, сумасшедший. Все время ему казалось, что все вокруг него в заговоре. Если вдруг кто-то включает громко музыку, может дверь поджечь. Мстил.

Если не так на него посмотришь, мог и камнем кинуть. Бывало, поджигал почтовый ящик. В общем, очень и очень странный.

И вот как-то раз знакомый сделал ему замечание. Мол, не надо дворовых собак травить. Тот, недолго думая, кинулся с кулаками. Избил до полусмерти.

Свидетели вызвали полицию. Когда полицейские приехали, меня вызвали в качестве свидетеля.

Я – одинокая девушка двадцати пяти лет. Без какой-либо посторонней мысли вошла в квартиру этого странного соседа и обомлела.

На стенах – черно-белые фотографии, на которых изображена я. Фотографии большие и маленькие. Обклеена вся большая комната и коридор. На столе лежал мой серебряный браслет, который потеряла два года назад. Рядом стояли туфли, от которых избавилась прошлым летом.

Сам сосед сидел на диване, обхватив голову руками. Я смотрела на его затылок, не зная, что сказать.

Меня подозвал полицейский. Я подошла к включенному монитору и увидела несколько видеофайлов со мной. Этот странный сосед снимал меня. Видеокадры, как я шла по улице, разговаривая по телефону. Другое видео, где я в собственной ванне принимаю душ.

Судя по всему, он камеру провел по вентиляции.

На другом видео я лежу на диване в своей комнате и смотрю телевизор, лениво переключая каналы. На последнем я сижу на кухне и ем суп.

Я повернулась и снова посмотрела на соседа. Однако он старательно отводил свой взгляд. Вскоре его посадили в психушку. Нарушение психики.

Однако у меня теперь начало развиваться чувство глобальной слежки. Подумываю продать квартиру и съехать, чтобы снова жить нормально.

Кладбище

Осень. Дождь. Кладбище. Вырыта могила. Рядом гроб, закрытый крышкой. Вокруг все местные деревенские жители в черных одеждах.

Священник громко читает молитву. Все молча слушают, прячась под черными зонтами. Я сжимаю в руках красные гвоздики.

Я – одноклассница той, которую хороним. Ее звали Верой. При жизни она была спокойной и приветливой девушкой. Все в деревне ее знали и уважали за доброту.

Была у Веры младшая сестренка, Соня, ей пятнадцать. Но сейчас девочка в детском доме. Так случилось, что обе девочки остались сиротами при живой матери. Та пила каждый день, не просыхая.

Поначалу Вера пыталась ей помочь. Давала деньги, забрала сестру. Но потом узнала, что умирает. У нее был рак крови. Вера умерла быстро, за один месяц.

Сегодня был день ее похорон. Все жители маленькой деревушки скинулись на похороны. Ведь все сбережения Веры забрала родная мать на выпивку.

Жители скинулись, кто сколько мог, и организовали прощание. Священник закончил читать молитву. Гроб стали медленно опускать в могилу. Осторожно опустив, собрали веревки, и каждый начал бросать на крышку гроба землю.

В этот момент на кладбище вбегает пьяная мать Веры.

Несмотря на дождь, одета в засаленный домашний халат и тапочки.

Растолкала всех жителей. Остановилась перед могилой. Молча посмотрела на крышку гроба.

В этот момент мы все решили, что она пришла попроситься с дочерью. Что одумалась, что вспомнила про свою мертвую девочку.

Мы медленно отступили в сторону, давая ей возможность попроситься, выплакаться. Но то, что она сделала в следующую минуту, всех повергло в шок.

Пьяная мать прыгнула в могилу, стащила крышку гроба. Вытащила мертвую Веру и стала хлестать ее по щекам.

– Вставай, дрянь! Хватит претворяться, сволочь! Сколько бабла с деревенских сняла, думаешь, не знаю? Устроила этот спектакль, сука!

Мертвая девушка словно сломанная кукла в ее руках. Женщина не унималась:

– Давай мне деньги, быстро! Иначе из тебя всю душу вытрясу.

Бросила труп дочери назад в гроб и стала избивать кулаками по лицу. Затем со всего маху ударила грязной ногой по шее.

Все присутствующие были в ступоре. Стояли и смотрели на происходящее с открытыми ртами. Первым в себя пришел священник. Он громко крикнул на мужчин:

– Остановите уже ее.

Мужчины кинулись к пьянице. Схватив, вытащили из могилы. Однако та мертвую дочь не выпустила из рук. Вытащила за собой из могилы, держа за копну волос.

Кто-то не выдержал из мужчин и ударил пьяную бабу по лицу, чтобы пришла в себя. Не рассчитал удара, и та отключилась.

Дождь. Грязь. Все жители стоят вокруг могилы с открытым гробом. На земле – мертвая девушка и ее пьяная мать.

Кто-то из мужчин подхватил мамашу и утащил подальше с кладбища. Мертвую девушку решено было кремировать. В тот же день ее в том же самом гробу отвезли в крематорий.

Ее мамаша до сих пор жива, пьет по-черному. Младшую сестру Соню удочерили люди из Красноярска и увезли в свой город.

Бесчеловечность

Сидела на парах в университете. Несмотря на то, что за окном зима, и в аудитории прохладно, мне было жарко. Душно. Голова кружилась.

Попросила преподавателя вызвать «скорую». Приехала быстро. Однокурсник помог одеться, спуститься на первый этаж и дойти до врачей.

Внезапно я упала в обморок. Когда пришла в себя, то уже лежала в палате под капельницей.

Я никак не могла понять, что же со мной стало. Почему

чувствую себя так плохо. Неужели заболела?

Спустя минут сорок ко мне в палату вошел врач. Мужчина лет сорока, с маленькой аккуратной бородкой, в очках.

Нахмутив лоб, он обошел палату и встал напротив меня.

– Здравствуй, прелестная девушка.

Быстро посмотрел в мою карту и добавил:

– Катерина Котова.

– Да, – ответила я шепотом, – доктор, что со мной? Я умираю?

– Нет, вы не умираете, – ответил он и снова посмотрел на карту, – однако не все так просто. Первое, вы знаете, что у вас одна почка?

Я выпучила на него глаза.

– У меня одна почка? Я слышу это впервые.

– Во-вторых, у вас часть печени. Возникает резонный вопрос, кто и когда их у вас вырезал? Может быть, в детстве? Мать ваша в курсе? Может быть, другие родственники что-то знают? Отец?

Я смотрела на него, не смея вымолвить слова. Всю свою жизнь у меня был на теле уродливый рубец. Я считала, что это детская травма. Мама говорила, что упала с горки.

– Ясно, что дело темное, – ответил врач, – я сам свяжусь с вашими близкими. Вернусь, как только удастся выяснить детали.

Он вышел из палаты, оставляя меня в полной растерянности. Прошло минут двадцать. Врач вернулся в палату и за-

нял место у окна.

– Ну что, доктор? Что вам удалось выяснить?

Он внимательно посмотрел в окно. Выдохнул и, наконец, ответил:

– Я связался с вашей матерью. Она довольно-таки быстро взяла трубку. На мой вопрос об отсутствии у вас некоторых органов она ответила.

Он медленно отвернулся от окна и посмотрел на меня:

– Ответила, что когда вы были маленькой, ходили в детский сад. Ей очень сильно нужны были деньги. Не хватало приличной суммы на свадьбу со вторым мужем. Так, она договорилась со знакомым врачом, и они сделали эту операцию. Лишили вас почки и части печени. Ни один из документов не сохранился. Для всех любопытных – у вас детская травма. Так, по крайней мере, она отвечает. От себя должен заметить, что ничего подобного в своей врачебной практике не видел. Вам скажу, что рожать вам категорически запрещено. Примите мои соболезнования.

Я смотрела на него, а по щеке стекала слеза. Ведь с матерью я не общалась, наверное, лет пятнадцать. После свадьбы они с мужем оставили меня у бабушки. Меня воспитывала именно она, очень скромно, даже бедно, в то время как моя мамаша развлекалась со своим муженьком, мотаясь по «заграницам» и торгуя турецкими шмотками в собственном бу- тике одежды.

Врач продолжил:

– Если хотите, мы можем собрать необходимые документы для вас.

– Что мне это даст, доктор?

– Как что? С этим пакетом документов вы можете подать на свою мать в суд. Выиграть и на те деньги, которые выигрываете, пройти надлежащий курс лечения.

Я не верила своим ушам. Это был какой-то кошмар. Ад при жизни. Я умирала только потому, что моя родная мать когда-то распорядилась моим телом и здоровьем.

– В общем, подумайте.

Он сжал карту в руках и покинул палату. Я еще долго смотрела на закрытую дверь. В суд подала, как только мне стало лучше, и выписалась.

Море и скалы

Всегда обожал море и белый песок, но вместе с тем переживал внутренний страх высоты. Робел, если оказывался на краю и смотрел вниз.

Однажды летом вместе с друзьями отправились на Черное море. Добрались на трех машинах. Поставили палатки на берегу. Пока был день, побежали к скале. Забрались на самый верх.

Адреналин. Радостное предвкушение необычных эмоций. Каждый из друзей ловко спрыгивал вниз, в синее море. Остался только я.

Стою на краю и смотрю вниз. Метров тридцать, не меньше. Переминаюсь с ноги на ногу, примеряюсь, как бы прыгнуть.

Парни из воды мне машут руками, мол, прыгай, не бойся. Я застыл. Вдох-выдох. Позади чувствую кто-то стоит. Дышит. И низкий голос:

– Далеко не прыгай, парень. Так же, как и я, разобьешься.

По спине пробежали мурашки. Ведь я точно знал, что стою на скале один. Превозмогая ужас и тревогу, медленно повернулся и в этот момент полетел вниз. Со скалы в море.

Упал в воду и тут же всплыл. В метре от моего падения увидел рифы.

Если бы не тот голос, я бы мог действительно разбиться о них. Ко мне подплыл лучший друг, хотел похвалить. Я его перебил:

– Там наверху, на скале, ты видел кого-нибудь рядом со мной?

– Ты о чем? Нет, никого не было. Я видел тебя одного. Давай нырять!

Но я точно слышал этот низкий голос. Он меня предостерег от прыжка вперед. Мистика.

Путы

Случилась эта история с моими соседями. В квартире проживала молодая семья и бабушка. Пока родители пропа-

дали на работе, с их годовалой дочерью сидела бабушка Фаина.

Настало время ребенку ходить на своих ножках самостоятельно. Однако девочка, едва поднимаясь, тут же падала на пол.

И вот, как-то вышли они с бабушкой во двор, погулять. Все детки бегают, играют в песочнице. Вот только Фаина сидит на скамейке со своей внучкой.

Проходит незнакомая женщина с сумками. Остановилась отдохнуть. Увидела, что девочка пытается встать, но все время падает. Фаина ее снова на ручки зовет.

– Ваша внучка не может ходить? – как бы невзначай спросила женщина.

– Да, уже больше годика, а все ползает на четвереньках. Не знаем, что и делать.

Женщина оставила свои сумки на земле и стала рыться в сумочке. Достала ножницы и скомандовала:

– Отпустите внучку, пусть сделает шаг, два.

Сама женщина встала позади ребенка. Малышка поднялась и начала делать первый шаг. В этот момент женщина взяла ножницы и между ног ребенка разрешила невидимые пути. Словно разрешила невидимую ткань.

В тот момент девочка сделала второй, третий, четвертый шаг. Так начала самостоятельно ходить. Побежала к другим детям играть.

– Огромное вам спасибо, – сказала Фаина.

– Не за что, – ответила женщина, забирая сумки, – этот способ рассказала мне моя прабабка.

Уже тем же вечером девочка уже вовсю бегала по детской площадке, словно прошло несколько дней.

Глухое село

Я и мой молодой человек Стас решили провести выходные подальше от города. Выбрали глухое село рядом с дремучим лесом.

Стас был за рулем, а я смотрела в карту. Показывала дорогу. Добрались только к вечеру. Поставили машину под дерево, выставили палатку. На опушке были разбросаны сухие ветки, их хватило, чтобы разжечь костер.

Я бросила в угли приготовленный картофель. Однако Стас решил, что углей слишком мало, и костер вот-вот погаснет. Надев резиновые сапоги, отправился в лес за дровами.

Солнце закатилось. В лесу было темно. Я крикнула ему вдогонку, чтобы не уходил далеко от палатки.

Сама вытянула ноги к огню. Притянув теплый плед, решила немного расслабиться, глядя на угли.

Пронзительный крик на весь лес заставил меня подскокнуть с места. Кричал Стас. Его крик был жутким воплем человека, столкнувшегося с нечто ужасным.

Прислушавшись, я поняла, что Стас примерно в двадцати

метрах от меня. Его истошные крики все еще доносились до меня. Громкий хруст ломающихся веток!

Кто-то или что-то возвращалось в лес. Нечто было огромным и двигалось медленно, тяжело дыша.

От ужаса происходящего я не могла двинуться с места. Стояла у костра и смотрела в темный лес.

Я слышала, как выл от боли мой Стас. Как медленно полз ко мне, в сторону опушки. Но я ничего не могла с собой сделать. Стояла и плакала.

Когда из леса он выполз, я закричала на весь лес от ужаса увиденного. У него была откусана до плеча правая рука. Он истекал кровью, но все-таки полз ко мне.

Когда приблизился, я опустилась перед ним на колени и осмотрела. Все лицо Стаса было исцарапано ветками. Из груди торчали кости. Он хотел мне что-то сказать, но изо рта потекла струйка крови. В следующую секунду потерял сознание.

Не знаю, откуда во мне появились силы поднять его и уложить на заднее сидение машины. Я была словно во сне. Действовала как лунатик.

Позабыв о палатке, сумках и костре, я направила автомобиль в сторону города. Сидела за рулем и тихонько плакала.

В городской больнице нам ничем не смогли помочь. Стас умер, не приходя в сознание. На вопрос, кто или что с ним так мог разделаться, никто не дал вразумительного ответа. До сих пор не знаю, кто обитает в том дремучем лесу.

Глупая мать

Наверное, в жизни любого ребенка нет ничего страшнее, чем глупая мать. Своей глупостью она может лишить здоровья, сделать несчастным или просто-напросто убить.

В своей жизни я встретил одну такую женщину. Елену. Ей тридцать два, и она весьма привлекательна. От первого брака остался восьмилетний сын.

Вдвоем с ребенком жила в однокомнатной квартирке на юге Москвы. Маленькая, чистенькая и светлая комнатка. Небольшой диван у стены, напротив – телевизор, а в углу – детское кресло.

Сын сам раскладывал это кресло и спал на нем. Спустя полгода в жизнь этой женщины вошел мужчина. Его зовут Геннадий.

И вот, каждое новое утро этот Геннадий трахает свою новоиспеченную жену Елену на этом диване. В одной комнате с мальчиком, который мирно спит в углу на своем кресле.

Это происходит ежедневно, как ритуал, перед рабочим днем. Без комплексов и стеснений.

Обнаженная Елена становится на четвереньки, а Геннадий пристраивается сзади. Все длится не менее десяти минут.

От громких стонов просыпается сын. Делая вид, что спит, молча наблюдает за происходящим.

В выходные молодожены отдыхают на кухне. Накинув на обнаженное тело легкий халат, Елена попивает чай. Геннадий, стоя у плиты, жарит яичницу.

Им плевать, что за стеной сидит ее восьмилетний сын. Они обсуждают, как на следующую субботу к ним придут еще двое приятелей. Как станут трахать Елену на том же диване, а Геннадий сядет в кресло с бутылочкой пива и будет за этим наблюдать.

И вот, Геннадий вываливает яичницу на тарелку. Берет приборы и несет это в комнату. Ставит на столик перед мальчиком, который смотрит на него глазами, полными слез.

– Че реवेशь? Пацаны не плачут, запомни.

В ответ мальчик берет вилку из рук Гены и втыкает ему в живот. Резко и быстро. И вот, глаза мгновенно высыхают. Мальчик спокойно смотрит, как оседает мужчина с недоумением в глазах.

– Ты че, малой?

Медленно вытаскивая из живота вилку, Гена просит вызвать «скорую». На что ребенок, лишь пожимая плечами, уходит на кухню. К матери.

– Все в порядке мама, я смог тебя защитить. Я – настоящий мужчина. Я тебя никому не дам в обиду.

Он ждет, что она бросится к нему, обнимет и скажет, как сильно любит. Назовет своим героем.

Из комнаты слышен громкий рев:

– Елена, вызови «скорую». Твой сын убил меня.

Мать, застыв в оцепенении, смотрит на сына. Размахивается и бьет его наотмашь.

– Что ты наделал? Гаденыш.

Трясушимися руками тянется к телефону, вызывает врача. Позабыв про сына, бежит спасать своего Геннадия.

Мальчик смотрит ей вслед. Повернувшись, направляется к окну и смотрит вниз, на прохожих.

К подъезду подъехала карета «скорой помощи». Из нее вышли врачи и вошли в дом. Через мгновение в прихожей раздался стук. Мальчик не шелохнулся. Он слышал, как врачей впустила мать и, указав на раненого Геннадия, принялась рыдать.

Спустя несколько минут на кухню вошел незнакомый мужчина в халате. Он тихо приблизился к мальчику и положил ему руку на плечо:

– Это правда ты сделал?

Мальчик закрыл глаза и молча кивнул. Мужчина деликатно повернул ребенка к себе лицом.

– Скажи мне, зачем?

Но ребенок лишь закрыл лицо ладонями. Растерянный и напуганный. На кухню вбежала мать.

– Как ты мог так поступить? Ведь мог убить его. Доктор, заберите моего сына в психушку, это он сделал.

– Погодите, дамочка, я сам знаю свою работу. Идите к потерпевшему, не мешайте.

Напоследок мать ударила сына по голове, чтоб знал ее

мнение на сей счет. Она не простит его, хоть зарыдайся.

Доктор оказался более человечным и добрым, чем родная мать. Он обнял ребенка, и они вместе покинули квартиру.

С того самого дня прошел месяц. Мать водит сына по психиатрам, утверждая, что ребенок – настоящий псих. Однако врачи считают как один, мальчик в полном порядке. Просто невероятно любит свою мать. И готов на все, чтобы ее защитить.

Сколько еще это маленькое сердечко сможет выдержать, прежде чем расколоться на части?

Заброшенный домик

Сколько помню себя, всю свою жизнь провела в деревне. Старая, заброшенная, с покосившимися домишками и разрушенной церковью.

В молодости с мужем нарожали пятерых детей. Все крепкие, здоровые. Как подросли, выстроили новый дом в два этажа. Поставили заново сарай, курятник, теплицу.

Старшие сыновья вскоре уехали в большой город. Дочери замуж повыходили. Остался только младший сыночек.

Вот именно с ним и приключилась эта история. Было на тот момент ему четырнадцать. Повадился, как все подростки, курить по-тихому. Подтаскивал сигареты у бати.

Утром, пока все заняты по хозяйству, уходил на соседний участок курить. Там заброшенный полуразрушенный дом.

Хозяйка давно похоронена на местном кладбище. Умерла от одиночества в старости.

Дом остался никому не нужный. Рядом, у забора, деревянный туалет. Ни года, ни дождь, ни ветер не сломили его.

Прошла зима и наступил апрель. Снег начал таять, повсюду грязь и лужи. Как обычно, мой сынок побежал на соседний участок покурить.

Я давно на это махнула рукой. Все равно по-своему делает. Пусть хоть при нас курит. Взяла ведро и направилась в курятник. Кур кормить.

Слышу истошный крик. От неожиданности бросила все и кинулась во двор. Кричал мой сын.

Мне даже в голову не могло прийти то, что с ним приключилось. Я застала его у деревянного туалета соседнего участка. Он был белее снега. Трясущимися руками указывал на распахнутую дверь.

На полусогнутых я наконец приблизилась и заглянула внутрь. Там на толчке сидела незнакомая мне женщина. Она была мертва.

Пустые глазницы, обгрызенный нос и уши. У ног – бегающие мышцы. За моей спиной раздался громкий топот. Прибежал муж с лопатой. Думал, на нас напали, хотел защитить.

При виде мертвой женщины лишь смачно сматерился.

– Это ж наша местная алкашка, Тонька. Пропала еще полгода назад. Помнишь ее?

Я снова посмотрела на покойницу. Она была так изуродо-

вана, что не сразу признала. С тех самых пор мой сын перестал курить. На сигареты больше не смотрит. Правду люди говорят, нет лиха без добра.

Надгробие

В обществе принято, чтобы девушки рано выходили замуж и вскоре рожали детей. Мне двадцать семь, и скоро станут величать «старой девой». Потому как не замужем и не была.

Но всему свое время, я в этом уверена. Ведь в отношениях с мужчиной была целых пять лет. После долгих препирательств и скандалов я не выдержала и бросила его. Слишком глупый, слишком примитивный, слишком злопамятный. Хотя был хорош в постели. Трахал как надо и не по разу в день.

Прошло несколько месяцев. Я уже и позабыла о нем, стала на других мужчин посматривать. Знакомиться.

И вот как-то в один прекрасный день решила проверить-ся. Сдать все анализы. До больницы ехать долго, в другой конец городка, к семи часам утра, а на улице лютая зима.

Так, нехотя я вышла из дома и пошла к остановке. Откуда-то сверху на меня упала тарелка и разбилась о голову.

Кто-то из прохожих вызвал «скорую». В больнице оказалась ровно к семи часам. Анализы мои забрали, сдали, отчитались. Голову перевязали и оставили лежать в палате на неделю.

Когда выписали, пошла домой. Обмотанная бинтами голова, а сверху – вязаная шапка. Возвращаюсь по дороге мимо кладбища. Рядом – одноэтажный салон ритуальных услуг.

Висит реклама гранитного надгробия. Моя фотография.

От неожиданности застыла в оцепенении. Приблизилась и вижу: внизу на надгробии – мои фамилия, имя, отчество. Дата рождения и дата смерти, которая совпала с датой разрыва отношений с моим молодым человеком.

Оказалось, этот урод таким образом мне отомстил, закавав это надгробие. Не зря я бросила этого придурка!

Свекровь

Так сложилась судьба, что нам с мужем и полугодовой дочерью пришлось жить у свекрови. Двухкомнатная квартира, маленькая кухонька.

Странная мама у моего мужа. Иногда не слышала, что ей говорят. Иногда подолгу сидела на кухне, изучая стену напротив. Часто запиралась на балконе, разговаривая с кем-то.

Я списывала это на ее возраст. Все-таки шестьдесят лет.

Муж свою мать любил и ко всем ее странностям относился спокойно. Мол, она не агрессивная, еще поживем.

Ссориться с ним у меня не было ни малейшего желания. Все-таки это его родная мать. Хочу или нет, но должна ее почитать.

Однажды проснулась утром и поняла, что у меня пропало молоко. Грудь была пуста. Ребенка кормить нечем. Муж уже давно на работе, и чтобы не оставлять дочку одну, попросила свекровь с ней посидеть.

Собралась, надела туфли, взяла кошелек и выбежала за дверь. Магазинчик, где я могла купить все необходимое, был за углом дома. Я спешила, как могла.

Выбрала смесь, взяла бутылочки, баночки с питанием, направилась к кассе. Чувствую, что покрываюсь испариной, становится плохо. Сердце внутри колотится, вот-вот выпрыгнет. Как назло, впереди очередь. Человек шесть.

Не зная, что делать, я вся была на нервах, заглядывая вперед на кассира. Попросила у впередистоящих, чтобы пропустили вне очереди. Но никто не согласился. Молча отводили сердитые взгляды.

Спустя полчаса я вышла из магазина и побежала домой. Вошла в подъезд и слышу истошный крик своей маленькой дочери.

Бросилась по лестнице наверх, распахнула входную дверь и вбежала на кухню. То, что я увидела, не поддавалось никакому объяснению.

На газовой плите стояло железное ведро, наполненное водой. Включенный газ. В ведре сидела моя маленькая дочь.

Рядом, со включенным утюгом в руках, стояла свекровь. На кухонном столе – расстеленное покрывало и грязный памперс. Не глядя на меня, она отправилась в комнату за

марлей.

Я кинулась к ведру с ребенком. Спустила на пол и, вытащив дочку, поняла, что подросла вовремя. Вода была теплой и не успела нагреться.

Уже вечером муж сам вызвал для своей матери врача. Его диагноз оказался неутешительным. У свекрови была скрытая форма шизофрении.

Метро

Случилась эта история со мной в метро. Надо было доехать до центра. Кругом давка, толкотня. Место никто другу другу не уступает. Кто-то ругается.

Я, девушка спокойная, терпеливая, заняла место у освободившегося поручня. Одной рукой держу свою сумку и поглядываю по сторонам.

Рядом со мной встал молодой парень. Наушники в ушах, вязаный шарф, теплая куртка. Думаю, вытащу из кармана деньги, а то мало ли что. Вдруг кто украдет.

Засовываю руку в карман, а там чья-то рука. Шарит. По-видимому, того самого парня. От такой наглости я начала хватать его за пальцы, чтобы вытащить руку из моего кармана. Уж очень мне не хотелось, чтобы он забрал мои деньги.

Я не смотрю на него, а он не смотрит на меня. Безмолвная борьба рук в кармане. Ногтями вцепилась ему в кисть и с силой надавила. Вырвала из пальцев бумажные деньги,

развернулась и вышла на станции.

Когда вместе с толпой смешалась, направляясь к выходу, взглянула на деньги. Оказалось, что там было пять тысяч одной бумажкой. Тут же залезла в свой карман и достала свои двести рублей.

Выяснила, что это я сама залезла в карман того парня и забрала его деньги. Стыдно и смешно.

Чудовище

Мужчина в голубой рубашке и темно-синем галстуке сидел в кожаном кресле. В руках – простой карандаш. На краю стола табличка «Психиатр Джон Смит».

Напротив него на краю дивана сидел молодой человек в поношенном костюме, который был ему мал. Он заметно волновался, иногда кусая ногти.

– Итак, молодой человек, чем я могу вам помочь?

– Мое имя Патрик Сингер, мне пятнадцать лет. Живу с родителями, учусь в школе. Мечтаю быть самостоятельным и жить отдельно от них. Я бы никогда к вам не пришел, если бы не настойчивые рекомендации моего учителя.

– Ближе к делу.

– С раннего детства мои родители избивали меня. Отец разбивал бутылки о мою голову, пинал по животу ногами, всячески унижал. Моя мать била руками по лицу и затылку. За любую мою провинность был жестоко наказан. Нередко

засыпал в постели в собственной крови, мечтая о том, чтобы не проснуться утром.

– Вы считаете, что они вас наказывали без причины?

– Да. Считаю, что они не имели никакого права ломать мой нос из-за не сделанных вовремя уроков. Один раз отец швырнул меня на пол и выбил передний зуб только из-за того, что я оставил ложку в банке варенья.

Врач задумчиво потер подбородок:

– Вы любите свою мать?

– Нет, не люблю. Отца ненавижу. Иногда мечтаю о том, что перережу ему горло, когда он будет спать. Убить во сне, чтобы не сопротивлялся. Обмазать его теплой кровью лицо дражайшей матери, чтобы запомнила и боялась меня.

– Значит, у вас не возникает желание убить мать?

– Нет, только унижить. Ведь она никогда меня не защищала. Никогда не принимала мою сторону, а ведь я – ее родной сын. Ее ребенок.

– Насколько я понял, у вас проблемы другого характера. Расскажите о них подробно.

Патрик убрал руки в карман и, сложив их в кулаки, посмотрел в глаза психиатра.

– У меня неконтролируемая тяга мучить и убивать животных. Кошек, собак, мышей, хомяков. Все, что бегают, ползает, летает. При виде симпатичного котенка у меня нарастает внутреннее желание взять в руки и свернуть шею. Но прежде помучить.

– Как именно? Расскажите подробнее.

– Иногда беру ножницы и отрезаю уши. Бритвой снимаю часть шерсти со спины. Достаю зажигалку и поджигаю зверька. Мне нравится наблюдать, как еще живой котенок мучается в агонии, пищит и умоляет о помощи. В этот момент я получаю ни с чем не сравнимое удовольствие. У меня возникает эрекция.

– У вас были сексуальные отношения с девушками?

– Нет, не было. У меня нет никакого интереса к ним. Все девчонки в моем классе эгоистичные дурочки, кроме одной. Она настоящая королева. Эмма Норс. Но она меня не замечает. Пожалуй, она единственная, с кем бы я переспал. Но одна только мысль, что я увижу ее голой, вселяет панику. А что если я буду для нее недостаточно хорош? Что, если она высмеет меня?

– Подождите.

Психиатр поднялся из-за стола и направился к дивану. Сел напротив Патрика и продолжил:

– Вы получаете сексуальное удовольствие от зоосадизма и пиромании?

– Да.

– У вас бывает энурез?

– Да, часто.

– Вы обращались к кому-нибудь еще? Я имею в виду врача?

– Нет. Вы – первый, к кому я пришел. Можно сказать, обя-

зали прийти, сам бы я ни за что не решился.

Врач внимательно посмотрел на Патрика.

– Что ты испытываешь сейчас?

– Злобу, раздражение. Мне хочется разбить что-нибудь и уйти.

– Сбежать?

Патрик нахмурил брови. Психиатр продолжил:

– Скажи мне, только честно, ты употребляешь наркотики?

– Да.

– Давно?

– Два года. Начал с употребления травки. Но думаю, что не смогу бросить, доктор. Ведь это единственное, что меня расслабляет и не дает окончательно превратиться в зверя.

– Значит, ты подавляешь свою агрессию?

В глубокой задумчивости Джон откинулся на спинку дивана. У этого пациента были серьезные психические проблемы.

Судя по всему, Патрик боролся сам с собой. Подавляя гнев и агрессию, мучился еще больше. Так недалеко и до эректильной дисфункции. Нельзя такого пациента оставлять без внимания. Мальчику нужна помощь.

– Ну хорошо, – продолжил Джон, – в общем картина мне ясна. Предлагаю такой сценарий развития нашего лечения. Во-первых, вы заведете свой дневник, куда тщательно будете записывать все происходящее в вашей душе. Все, что испытываете, глядя на животных, своих родителей и девушек.

Во-вторых, я пропишу вам лекарства, которые вы обязуетесь принимать ежедневно. Встретимся с вами в следующий раз через полгода. Идет?

Он протянул Патрику руку. Тот кивнул в ответ и пожал холодной ладонью.

Прошло полгода, а затем и год с того момента их встречи. Патрик больше не приходил в кабинет психиатра.

Когда ему исполнилось восемнадцать, то съехал с квартиры родителей. Отец сам подобрал ему жилье. На окраине города, в неблагополучном районе.

С тех самых пор Патрик сильно изменился. Стал еще более замкнутым. Перестал общаться со сверстниками.

На жизнь зарабатывал тем, что вечерами разгружал товарные поезда. Денег хватало на содержание квартиры, на продукты и на мелочи.

Иногда он снимал проститутку, приводил в свою квартиру и заставлял раздеваться в прихожей. До спальни девушка должна была ползти на четвереньках, с тапочками в зубах.

Однако что бы она ни делала и как ни старалась, возбудить Патрика не могла. От собственной неполноценности молодой человек начинал избивать проститутку. Причиняя ей дикую боль, испытывал невероятные ощущения.

При виде крови из носа жертвы он чувствовал невероятную эрекцию. Ставил девушку на колени и вставлял свой член ей в рот.

Ему нравилось над ней доминировать. Видеть в ее глазах

слезы, боль и чувство глубокого унижения.

От этого становилось так хорошо, что, кончив проститутке в рот, заставлял проглотить. Когда она ползала по комнате, собирая собственные вещи, кидал купюры на пол. После чего распахивал входную дверь и наблюдал, как она на четвереньках покидала его жилище.

В один из дней по дороге домой Патрик увидел у подъезда дома маленького котенка. Маленькое тельце тряслось от холода. Котенок хотел есть. Он был сильно истощен.

Недолго думая, он взял его с собой. Уже в квартире он направился в ванну. Включил теплую воду и положил животное под струю воды. Котенок даже не сопротивлялся, лишь тихонько пищал.

Патрик взял шампунь и намылил шерстку. Смыл водой и поставил котенка на полотенце. Ему хотелось дождаться, пока котенок высохнет.

С дрожащим животным отправился на кухню. Положил котенка на подоконник и потянулся за разделочной доской. Ему нужна была миска, блендер и нож.

Когда шерстка высохла, котенок слабо мяукнул и посмотрел на спасителя. Ему было неизвестно, что у человека на уме.

Он доверчиво вскарабкался на руку. Патрик положил беззащитное животное на разделочную доску и одним ударом ножа отрубил голову.

Приподнял еще теплое тельце и сцедил кровь в граненый стакан. Как же давно он мечтал об этом. Теплая кровь на сво-

их губах. Немного сладкая и густая. Патрик осушил стакан одним залпом, после чего вытер рот рукавом своей рубашки.

Теперь его интересовало обезглавленное тельце на разделочной доске. Ножом стянул кожу до самого хвоста. Отделил лапки от туловища и разрубил тело на несколько частей. Вместе с кишками бросил мясо в миску и включил блендер. Фарш. Немного соли и тертого перца. Настоящий деликатес.

В шкафу нашел плоскую тарелку, на которую тотчас вывалил фарш. Вилка и кусок хлеба. Патрик сел на табурет у окна и приступил к трапезе. Самая лучшая еда, какую себе только можно представить, это сырое мясо. Интересно, человечина так же приятна на вкус?

После ужина Патрик вошел в комнату и бросился на диван. Глядя в потолок, он думал только о том, что если не пить кровь и не поесть мяса, его сердце остановится. Перестанет биться, и он умрет.

Самое прекрасное это то, что он чувствовал себя спокойным и умиротворенным. Питая собственное тело свежей кровью, он сам себе продлевал жизнь. Кровь и есть жизнь.

Патрик смотрел на угол комнаты. Тени мерцали серыми красками. Тело окончательно расслабилось, а разум постепенно накрывала пелена.

Внезапно он увидел, как тени стали чернеть, превращаясь в круглый черный сгусток, похожий на шар. Он медленно поплыл по воздуху в сторону дивана.

Патрик хотел приподняться на локте, чтобы получше его

рассмотреть, но тело словно парализовало.

Черный шар подплыл к ногам и застыл. Медленно вращаясь на месте, показал свой лик. Вместо глаз черные дыры и распахнутый с острыми зубами рот. Уродливое создание опустилось к ногам Патрика и стало приближаться к лицу.

– Что ты хочешь от меня? Убирайся прочь, тварь!

Но черная сущность подкрадывалась все ближе и ближе, пока не осела на груди. Эти мертвые глаза начали приближаться. Грудь сдавило так сильно, что Патрик перестал дышать.

Последнее, что он помнил, это надвигающиеся пустые глазницы и тихое рычание как у зверя.

На следующий день Патрик проснулся после обеда. Тело покрыто испариной, словно он заболел гриппом. Голова раскалывалась от жуткой боли в затылке.

Шатающейся походкой он направился на кухню. Наполнил вчерашний стакан водой, бросил аспирин и сделал несколько глотков.

Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Надо было собираться на работу, но прежде принять душ.

Уже в ванной он включил воду и посмотрел на свое отражение в зеркале. Бледный цвет лица и темные круги под глазами. У виска – черные нити вен. Патрик не придал этому никакого значения. Скинув одежду, забрался в ванну.

Спустя полчаса он почувствовал себя намного бодрее. От усталости не осталось и следа.

Лишь когда вышел из дома и направился по дороге на работу, почувствовал дикий голод. Такой силы, что пришлось остановиться и закрыть глаза.

Патрик хотел женщину. У него прямо зубы скрипели от желания. Такого раньше с ним никогда не было. Впервые он захотел близости так сильно, что кружилась голова.

Он обернулся по сторонам в поиске жертвы. Как назло, тротуар был пустынным. Мимо проезжали машины и велосипедисты.

Сжав руки в кулаки, Патрик продолжил свой путь. Этим вечером он обязательно найдет себе жертву. Молодую, беззащитную, с длинными локонами и обязательно на каблуках. Обычно именно такие любят секс, потому и одеваются так призывно. Мечтают быть оттраханными. Патрик даст именно это и даже больше.

На работе он был сдержан и спокоен. Начальник ни разу не придрался. Патрик старался выполнять все быстро и аккуратно. Ведь складывать вдоль стен коробки было не так сложно.

Ближе к ночи, когда все закончилось, он сел на лавку у ворот. Мягкий свет одинокой лампы освещал его полностью. Патрик посмотрел на свои руки. Черные ногти, под которыми скопилось грязь. На локте – след мазута. В какой-то момент он представил, что это кровь. Свежая, еще теплая. От этой мысли мурашки пробежали по телу.

Вроде все как у обычных людей. Дом, работа, диван, те-

левизор. Но если копнуть глубже, то внутри обитал демон. Тот самый, что извращает, возбуждая низменные желания и похоть. Чудовище внутри, которое питается негативными энергиями, включая страх и ужас жертв.

Патрик понимал, что чудовище – это он сам. Знал, но ничего не мог с этим поделать. Слишком был сладок получаемый приз. От него невозможно было отказаться. Приз, который успокаивал и превращал ненадолго его в человека. Обычного, как все.

Передохнув, Патрик поднялся и направился по дороге в сторону своего дома. Тихий городской парк. Слабый свет фонарей освещал лишь тротуар. Мгла за деревьями, которую избегали прохожие.

Руки заметно дрожали от предвкушения. Он прибавил шаг. Где-то впереди, у живой изгороди, под фонарем стояла девушка на высоких каблуках.

Патрик направился к ней. Она его сразу заметила. Выбросила сигаретку и, поправив лиф короткого платья, улыбнулась.

– Привет, красавчик! Ищешь удовольствий?

– Да, ищу. Сколько?

Он оглядел ее цепким взглядом. Длинные белокурые локоны, а за ухом – бумажный цветок. Откровенное красное платье с широким черным поясом. На ногах – шпильки. На локте – татуировка в виде черепа с алыми розами.

Девушка назвала цену за час, но Патрик ее не слушал. Он

как замороженный смотрел на ее тату. В голове возникали образы того, что он с ней сделает. Нужно лишь ее увести из-под фонарей. Туда, где им никто не помешает.

– Согласен, – ответил он быстро, – пойдём.

– Куда?

– Ко мне. Здесь недалеко. Я не привык трахаться у всех на виду. Это неприемлемо.

Она улыбнулась, позволяя себя увести. Этот незнакомец в два метра ростом был привлекателен. Белокурые волосы и светлые глаза. Такие мужчины нравились женщинам.

– Значит, ты скромняга. Любишь уединение и тишину. Имей в виду, за ночь я беру в три раза больше.

– У меня есть деньги.

Они перешли улицу и направились в сторону одноэтажных домов.

– Если ты не один, то деньги вперед!

– Я один, успокойся.

Ему показалось, что она нервничает. Это было ни к чему. Тогда он пошел на хитрость и предложил ей спиртного.

Она быстро согласилась.

– У тебя есть шампанское? Или вермут?

– Пиво светлое и бутылка водки.

Она выбрала пиво. Когда подошли к дому, Патрик быстро вставил ключ в скважину и открыл дверь.

У него не было ни малейшего желания с ней разговаривать. Молча подтолкнул ее в ванную, а сам направился на

кухню.

В голове стучали виски. Дыхание усилилось, как перед сексом. Патрик в предвкушении распахнул кухонный шкаф и поискал глазами подходящую кастрюлю. Выбрал два ножа и тесак.

Оставалось дело за малым. В комнате свернул с пола ковер, скинул одеяло и стал ждать.

В ванной журчала вода. Проститутка что-то мурлыкала себе под нос. По всей видимости, она не торопилась выполнять свою работу.

Патрик сжал тесак в руке и тяжело вздохнул. Минуты длились так долго. Челюсти сводило от желаний. Хотелось, вопреки здравому смыслу, ворваться в ванну и прикончить ее прямо там. Но нет, этим самым он лишит себя главного приза.

Наконец плеск воды прекратился. Мгновение спустя она вышла из ванны. Голая с собранными локонами на затылке.

Продолжая мурлыкать себе под нос, вошла в комнату и увидела его. В одном прыжке Патрик набросился на нее, рукояткой тесака ударяя по лицу и, одновременно с этим, роняя на пол.

От боли девушка потеряла сознание. Это было то, что нужно. Патрик однократно ударил ее по груди. Потекла кровь, много крови.

Отбросив тесак, он начал стягивать штаны. Невероятное возбуждение, от которого напрягся член.

Раздвинув ноги своей жертвы, он вошел в нее с первого раза. До упора. Начал одновременно двигаться и кусать ее в шею. Это было неопишимо. Ничего подобного в жизни он не испытывал. Кончил быстро и излил семя.

Ножом поменьше перерезал ей горло. Вспорол живот и вытащил кишки. Кровь продолжала стекать из мертвого тела.

Патрик встал перед ним на колени и начал пить кровь. Источник энергии, которая, как ему казалось, питает и очищает.

Ничто в мире не может с этим сравниться. Еще теплое сердце. Размером с кулак. Он вырезал его и отнес на кухню. На разделочной доске мелко порезал и, усевшись на стул, стал поедать.

То, что ожидало его впоследствии, мало волновало. Ведь отныне он непобедим и неуязвим. Человеческая кровь дает на это право. Теперь он никогда не станет обычным человеком. Он не такой, как все.

По телу прокатилась волна истомы. Сладкое и ни с чем не сравнимое чувство. Откинувшись к стене, Патрик закрыл глаза. Он наслаждался этим состоянием.

Внутри, в голове что-то медленно перевернулось и осторожно спустилось вниз, в область груди. Словно прикосновение.

Приоткрыв глаза, он увидел черный шар внутри себя. Эти пустые глазницы и оскал. Мгновение – и все исчезло. Чудо-

вище насытилось и уснуло.

Осталось дело за малым. Патрик поднялся и направился в комнату. Кровью был залит весь пол. Ею пропиталось все. Сейчас это не имело никакого значения. Его интересовало растерзанное тело.

В особенности эти распахнутые глаза. Рядом валялся третий нож. Самый маленький из всех. Именно им он начал выковыривать глаза. Ведь, любуясь ими, Патрик будет вспоминать эти счастливые минуты заново.

Одно неверное движение – и правый глаз вытек. Смачно выругавшись, Патрик приступил ко второму. Но и здесь он потерпел фиаско. Выколоть человеческий глаз не так-то просто, как он думал.

От досады он воткнул нож ей в рот по самую рукоять. Это было намного легче сделать. Усталость и недосып сделали свое дело.

Патрик дошел до дивана и тут же упал на него. Спустя мгновение уснул. Этой ночью ему ничего не снилось, кроме пустых глазниц.

На следующий день он проснулся отдохнувшим и выспавшимся. Давно этого не испытывал.

Начиная новый день, он вдруг понял, что ужасно голоден. Ему хотелось чего-нибудь особенного. Например, человеческую печень.

Включил плиту, поставил сковородку и налил немного масла. Так вкуснее. Достать печень было не так сложно. Все-

го несколько порезов по мертвому телу.

Едва он бросил несколько кусков на сковороду, как печень тут же зашипела. Щепотка соли и перца. Не хватало только молока, да ему и так сойдет.

Нужно было убраться за собой. Иначе запах мертвого тела мог его выдать. Патрик этого не мог допустить.

Сразу после завтрака он перенес тело в ванную. Там разрубил на части, расфасовал по пакетам из-под мусора. Он не хотел их выбрасывать на помойку. Решил закопать поздней ночью в парке. Так надежнее.

Почему-то этим днем Патрик вдруг вспомнил о матери. Пожалуй, это был единственный дорогой человек на свете. Ему захотелось с ней увидеться.

До работы еще много времени, так почему бы не навестить ее сейчас. Мать никогда не работала. Была обычной домохозяйкой. Одной из тех, кто обожает начищать полы и мыть кастрюли.

Он решил навестить ее еще потому, что отца не было дома. Этого поганого ублюдка. Человек, который издевался над Патриком все детство.

Уже стоя перед родным домом, Патрик застыл перед входной дверью. Что-то останавливало его. Что-то держало снаружи.

Он осторожно положил руку на дверную ручку и повернул. Дверь с легкостью открылась. В доме было темно, а в глубине играла музыка. Та самая, которую любила мать.

Блюз.

Патрик вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Под ногами закрипели половицы. Над головой работал вентилятор. В воздухе пахло сигарами.

Шаг за шагом он двигался вперед. Женский смех, а затем мужской голос. Он не принадлежал его отцу. Говорил незнакомый мужчина.

Внезапно из комнаты в коридор вышла его мать. Обнаженная, с распущенными волосами и размазанной тушью.

– Патрик! Что ты здесь делаешь? Разве ты должен был прийти? Я тебя не ждала.

В этот момент он чувствовал себя обманутым, оскорбленным и униженным. Родная мать вела себя как настоящая шлюха. Он смотрел на нее, она смотрела на него. Не мигая.

– Мама, что ты делаешь? Как можешь так со мной поступить? Кто это у тебя?

Патрик в три прыжка оказался в родительской спальне. На широкой постели лежал обнаженный мужчина и курил сигару.

Патрик медленно повернулся и посмотрел на мать:

– Ты не можешь быть такой!

– Какой такой?

Кажется, ее эта ситуация лишь забавляла. Без стеснений она лишь приблизилась к сыну и посмотрела на любовника.

– Мама, ты всегда была для меня самым чистым человеком. Я свято верил в твою любовь к отцу.

Она махнула рукой, давая понять, что ее не интересуют его чувства.

– Ты давно уже не ребенок, Патрик. Должен понимать, что ничто в этом мире не вечно. Так же как и моя любовь к твоему отцу. Сейчас ты увидел меня такой, какой я и являюсь. Страстной, темпераментной и желанной. Такой, какой меня не мог сделать твой отец. Ведь он – животное. Грубое и жестокое.

– Но это же предательство. Ты нас обоих предала. Мама.

Она провела рукой по щеке сына, но в следующую секунду резко ударила по лицу.

– Приди в себя. Ты давно уже не мальчик. Пора бы понять, как устроен этот мир. Вы оба меня достали. Один постоянно давит, а второй ноет. Дайте пожить для себя.

– Для себя?! – он не верил своим ушам. – Это ты называешь «пожить для себя»? Ты трахаешься с этим мужиком, который воняет как пепельница. Делаешь это, пока отца нет дома.

– Убирайся вон!

Она указала ему на дверь. Мужик на кровати ухмыльнулся. Патрик отступил на шаг, в коридор.

– Значит, вот как, – выдавил он еле слышно, – ты еще пожалеешь об этом, мама.

Она схватила его за руку.

– Не вздумай сообщить об увиденном своему отцу. Я сама.

Он выдернул руку. Развернулся и пошел прочь. Из этого дома, из этого сраного мира. Ложь и лицемерие, похоть и жестокость. Ведь именно родители сделали его чудовищем.

Патрик вышел из дома и изо всей силы захлопнул за собой дверь. Внутри что-то упало и разбилось.

Странно, но он был спокоен. Ровное сердцебиение, спокойное дыхание. Ничего, кроме злости и разочарования.

Он сделал пару шагов вперед и едва пересек двор, как его окликнул женский голос. Это была Эмма. Та самая Эмма Норс. Одноклассница, в которую были влюблены все мальчишки.

Ладони вспотели от волнения. Девушка ему нравилась и даже очень, но ему хотелось выглядеть серьезным и равнодушным. Поэтому он лишь кивнул в ответ и пошел прочь.

Кто знает, зачем она его окликнула. Может, обозналась.

– Патрик!

Интересно, откуда она знает его имя, ведь они даже не разговаривали? Патрик медленно повернулся и посмотрел на приближающуюся девушку.

– Привет, – она улыбнулась милой улыбкой, – ты был у матери?

Вот это да! Она знает, что это дом его родителей. Он хотел бы ей многое сказать, рассказать, что удивлен ее интересом к своей скромной персоне, но в ответ лишь кивнул.

– Я иду в сторону библиотеки. Пойдем со мной.

Они вместе направились по тротуару вдоль серых домов.

Патрик молчал, Эмма говорила.

– Я рада встрече с тобой. Раньше мы не общались, но сегодня при взгляде на тебя вдруг поняла, что ты мне интересен.

Мимо проехал велосипедист, едва не сбив Эмму с ног. В последний момент Патрик подхватил ее за талию притянул к себе.

Она оробела. Растерянно улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

– Спасибо.

– Не за что, – он выпустил ее из рук и продолжил путь.

Он заметил в ее глазах восхищение, и это ему не понравилось.

– Не думай, что я – герой. Это далеко не так.

Эмма быстро кивнула. Вместе пересекли улицу и вошли в огромное здание городской библиотеки.

Запах книг и дерева ударил в ноздри. Каменный пол, у стен – высокие колонны и многочисленные картины. Под толком – хрустальная люстра с многочисленными лампочками.

Напротив входа – стойка библиотекаря. Элегантная старушка со строгим пучком волос и в очках. Внимательно посмотрела на посетителей. Эмма направилась к ней.

Патрик остался стоять на месте. Он как замороженный изучал все вокруг. Особенно его заинтересовали две массивные лестницы по углам. Они вводили вверх, к высоким стел-

лажам с книгами.

Любое слово, сказанное чуть громче, отзывалось эхом в этих стенах. Эмма что-то сказала женщине и направилась в глубь библиотеки. Патрик последовал за ней.

За стойкой библиотекаря был широкий проход, который вывел их в просторный читательский зал. Высокие витражные окна освещали столы, за которыми сидели читатели. У стен – многочисленные полки, забитые томами книг.

Эмма обернулась:

– Идем за мной, я тебе кое-что покажу.

Он был не против. Они вместе пересекли зал и направились в соседний, поменьше. Здесь стояли полки ровными рядами. Словно длинный лабиринт, выстроенный из этих стеллажей.

Спустя минуту Патрик понял, что окончательно запутался. В отличие от него, Эмма чувствовала себя намного увереннее.

Пока шли, Патрик заметил, что здесь читателей намного меньше. Изредка встречались женщины с книгами в руках. Они были так поглощены чтением, что ничего не замечали вокруг.

Эмма увела Патрика далеко, в самый угол зала. Здесь был полумрак. В углу – деревянный стул с высокой спинкой, сбоку – столик для читателя.

Высокая полка с книгами скрывала их от посторонних глаз. Эмма остановилась у столика и загадочно улыбнулась.

– Мы пришли.

Патрик снова огляделся. Интересно, что же такого она ему хотела показать.

– Это здесь?

– Да, – она придвинула стул, – присаживайся.

В недоумении он покосился на стул, однако просьбу выполнил. Сел на стул и вытянул ноги.

Эмма встала напротив. Взяла его руку и положила на свое бедро.

– У тебя были другие женщины?

– Да.

– Тебе нравится секс?

– Да.

– Я тебе нравлюсь?

Он молча кивнул. Эмма окончательно его запутала. Он думал, что она привела его сюда, чтобы поговорить. Но то, что она задумала, просто для него было необъяснимо.

Эмма стала управлять его рукой. Придвинувшись ближе, положила его ладонь себе под юбку, на внутреннюю часть бедер.

– Так нравится?

– Да.

– А вот так?

Второй рукой стянула с себя трусики и положила его ладонь себе на лобок. Ее глаза блестели, а он смотрел на ее юбку, представляя то, что ощущала рука.

– Эмма, мы не можем этого делать.

Он хотел убрать руку, но она не позволила.

– Почему?

– Ты не знаешь меня.

– Патрик, ты мне нравишься и даже очень.

Он посмотрел ей в глаза.

– Разве?

– Да. Правда я только сегодня поняла, как именно сильно.

Ты – высокий, красивый и, судя по блеску в глазах, хорош в постели. То, что у тебя уже были другие девушки, только добавляет баллы.

– То есть тебе все равно, как я к тебе отношусь?

– Нет, не все равно.

Она наклонилась и прошептала:

– Я знаю, что нравлюсь тебе.

Ее теплые губы коснулись мочки уха. Затем кончиком языка провела по щеке и поцеловала в губы.

Невероятно, сама Эмма Норс хотела его. От этой мысли голова кружилась. Патрик обнял ее за талию и притянул к себе. Эмма села ему на колени.

Обхватив его голову руками, она целовала его в губы. Самоабвенно и страстно. Так не делала ни одна из его любовниц. Он просто раздевал их и трахал. С Эммой все иначе.

Она – хорошая девушка, о которой мечтал каждый из мужчин. Патрик должен быть с ней нежным и ласковым.

Не отрываясь от поцелуя, она одной рукой держалась за

его плечо, а второй расстегнула ширинку. Но к ее разочарованию член не стоял, а был вялым как сосиска.

Не говоря ни слова, девушка поднялась на ноги и встала перед Патриком на колени. Меньше всего на свете он ожидал именно этого. Королева класса, самая лучшая из всех девиц стоит перед ним и сосет член. Как обычная шлюха.

Внутри его что-то щелкнуло. Патрик взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя. Ее глаза горели страстью. Она хотела его, как обычная гулящая девка.

Может быть, она не знала, что с обычными гулящими девками поступают обычно? Он заставил ее подняться на ноги. Страсть на ее лице сменилась недоумением. Патрик молча развернул ее к себе спиной и резко задрал юбку.

Когда она поняла, как именно он решил действовать, что-то попыталась ему возразить. Но было слишком поздно, Патрик ее не слушал.

Одной рукой схватил ее за шею и заставил наклониться. Второй притянул к себе за бедра и с силой ударил по ягодице. От этого простого жеста его член встал. Он одним рывком вошел в нее. Она громко ахнула от боли, но ему было на это наплевать.

Входил в нее резко, до упора, причиняя боль. Боль, именно она им двигала в этот момент. Он получал от ее страданий удовольствие.

Девчонке следовало его узнать получше, прежде чем зазевать подобные игры. В какой-то момент он сжал ее волосы

и рывком притянул к себе.

Внутри ее было слишком мокро и липко. Но он действовал словно танк. Трахал, как последнюю сучку, без сожалений.

Эмма начала вырываться из его рук. Но это только распалляло. Он зажал ладонью ее рот, чтобы их никто не услышал.

Сдавил до боли бедро и, наконец, кончил. Выплеснув внутрь семя, наконец выпустил девушку из рук.

– Животное!

Патрик медленно опустился на стул, не обращая внимание на то, как выглядел в этот момент. Он смотрел на Эмму.

У нее по ногам текла кровь. Много крови. Он перевел взгляд на свой член и увидел кровь на нем.

– У тебя месячные?

– Дурак, – она плакала и поправляла юбку, скрывая окровавленные бедра, – я была девственна.

Патрик ей не верил. Ведь как объяснить тот факт, что она сама затеяла весь этот спектакль? Причем с видом опытной шлюхи.

Эмма видела это недоверие в его глазах.

– Я выбрала тебя, потому что считала тем самым человеком, который сможет понять. Который сможет сделать меня женщиной деликатно. Ведь я считала, что нравлюсь тебе.

Она подняла с пола свои трусики. Вместо того чтобы надеть, начала стирать собственную кровь.

Ему было на это плевать. Его вообще мало волновали ее

чувства. Ведь он просто-напросто ей не верил.

Поднявшись со стула, убрал член и застегнул ширинку. Пригладил волосы на затылке и направился прочь из этого места.

Он слышал ее отчаянный всхлип. Как она наконец дала волю чувствам и расплакалась. Но так и не остановился.

Сейчас ему хотелось только одного. Убить. Ведь глубоко внутри он понимал, что поступил с ней неправильно. Но оправдываться и просить прощения не собирался. Что сделано, то сделано. Эмма сама виновата.

Патрик покинул библиотеку и направился в сторону родительского дома. Шагая по тротуару, высматривал жертву.

Из двора выскочила серая кошка. При виде Патрика она вдруг замерла.

– Кис, кис.

Он позвал ее к себе, вытянув руку, словно предлагая для нее лакомство. Кошка вытянула мордочку, вдыхая воздух. Шаг, еще один – и она приблизилась.

– Любопытная моя кошечка, подойди ближе!

Едва она приблизилась, как Патрик схватил ее на руки и пошел прочь. Кошка сидела на руках спокойно. Однако Патрик на всякий случай зажал ее голову, чтобы никто из соседей ее не узнал.

Дом матери стоял за поворотом. При виде знакомых стен Патрик уменьшил шаг. Дойдя до самого крыльца, остановился вовсе. Посмотрел на кошку в руках.

Ласково погладил по голове, в ответ кошка прикрыла глаза и тихонько мяукнула. В этот самый момент при взгляде на животное он вдруг почувствовал себя выше жизни. Господином, способным решать, жить ему как королю или быть обычным пресмыкающимся перед обстоятельствами и ничемными людьми.

Нет, он не обычный. Он – король, он – хозяин положения, он – сама судьба. Размышляя над этим, Патрик взял кошку за загривок и изо всей силы ударил ее головой о перила.

Животное стало сопротивляться и царапать своего мучителя задними лапами, тем самым приводя Патрика в бешенство. Он бил ее снова и снова, пока ее тело не обмякло в руках.

Вид собственной крови от глубоких царапин только побуждал к дальнейшим действиям.

В три шага Патрик оказался перед знакомой дверью. Рывком распахнул и вошел внутрь.

– Да кто там еще? – услышал недовольный голос матери.

– Где твой любовник? – взревел Патрик.

Из комнаты показалась мать в халате и тапочках. Завязывая пояс на ходу, она вышла к сыну.

– Опять ты? Что еще на этот раз? Зачем притащил мне эту страшную кошку?

В ответ Патрик швырнул окровавленное животное ей в лицо. Сначала она не поняла, что кошка мертва, а потому закрылась руками.

Мертвое животное упало к ее ногам. В какую-то долю секунды мать поняла, что теряет контроль над ситуацией.

Отступив на шаг, хотела отшвырнуть кошку от себя, но Патрик ее опередил. Он бросился к ее ногам. Стоя на коленях, схватил окровавленное тельце и буквально вгрызся в кошку. Вырывая зубами окровавленные куски, выплевывал в сторону.

Мать стояла и смотрела на сына в глубоком шоке. Таким, как сейчас, она видела его впервые.

Холодные, полные ненависти и злости глаза. Этот нездоровый голод и кровь. Перед ней стоял на коленях не тот забитый в угол мальчик. Не тот ребенок, который плакал от страха, глядя на собственного отца.

Сейчас перед ней стоял взрослый мужчина, который, поедая мертвую кошку, осознавал, что делает. Ведь он нарочно притащил ее в этот дом.

– Патрик, остановись! Я не могу на это смотреть. Прекрати.

Он медленно поднял голову. Подбородок и грудь были в крови.

– Смотри, любимая мамочка, во что ты меня превратила. Я больше никогда не стану прежним. Я никогда не смогу жить иначе, ведь вы с отцом сделали из меня чудовище. Чудовище, которое никогда больше не станет человеком.

– Сынок, – она вдруг опустилась перед ним на колени, – разве ты – чудовище? Ты ведь никогда не был плохим.

Он улыбнулся, обнажая окровавленные зубы.

– Разве? По мне, так ты вообще никогда меня не замечала.

Если мешал, била наравне с отцом. Разве ты забыла об этом, мама? Разве не помнишь, как избивала меня в пятом классе шлангом? На мне не было живого места. Я сидеть не мог целых две недели. Ты даже не отвела меня к врачу. Побоялась, что начнутся вопросы. Не помнишь?

– Мой сын не может быть таким.

– Да, я пытался быть хорошим, но у меня не получилось. Ведь в противном случае я бы не выжил. Мне пришлось стать таким, каким ты меня видишь. Благодаря только этому, я существую.

Она поняла, что разговаривать бесполезно. Ее сыну была нужна помощь специалистов.

– Ты болен. Иначе я не могу это никак объяснить.

Мать снова бросала его, снова отстранялась. Патрик сжал кошку в руках еще сильнее. Ненависть пробуждала в нем желание к жизни, к действиям, к целям.

Глядя на мать, он погрузил лицо во внутренности мертвого животного, вылавливая зубами кишки.

От этого зрелища ее чуть не вырвало. Рука сама собой потянулась к телефонной трубке. Мать быстро набрала номер, тихо вызвала врачей и, сев на стул, стала ждать.

То, что вытворял Патрик, никак не укладывалось в голове. Он смотрел на мать, роняя слезы, поедая мертвую кошку.

– Видишь, кто я? Без этого никак не могу жить. Ты такая

же обычная, как все, мечтаешь, чтобы я стал мужчиной. Обзавелся женой и детьми. Ходил на работу и платил налоги. Но этого никогда не произойдет. Потому что я не такой. Меня не интересуют живые, только мертвые. Мертвые.

Она слышала, как к дому подъехала машина, как затих мотор, хлопок дверей. Несколько торопливых шагов по дорожке к дому.

Врачи в белых халатах вошли без приглашения. Молча встали за спиной Патрика. Несколько секунд наблюдали за происходящим. Быстро обменялись короткими фразами и наконец приблизились.

– Добрый день! Позвольте спросить, это дом Сингеров?

Мать быстро закивала. При виде врачей ее охватило невероятное облегчение. Она хотела им что-то сказать, но они подали знак, чтобы оставалась на месте и не вмешивалась.

Один из врачей с огромными ручищами остался у двери. Второй, в очках, обратился к Патрику:

– Молодой человек, извините, что отвлекаем, но нам необходимо с вами пообщаться. Прямо сейчас.

Патрик бросил в сторону то, что осталось от кошки, и посмотрел в глаза незнакомца в халате.

– Мы с вами не знакомы, а потому нам не о чем разговаривать.

– Да что вы. Если вас смущает только это, то предлагаю познакомиться поближе. Вы нам расскажите о себе, подробно и без утайки. Мы, в свою очередь, постараемся вас по-

нять. Идемте.

– Куда?

– Туда, где нам никто не помешает.

Патрик обернулся и посмотрел на второго врача с ручищами.

– Вы оба, вы врачи? Интересно знать, чем вы мне можете помочь, если я абсолютно здоров?

– Ну раз мы здесь, стало быть, есть проблема.

Врач покосился на мать.

– Мы его забираем.

– Да, прошу вас. А то мне от всего происходящего становится по-настоящему страшно.

Врач снова посмотрел на Патрика. Взял как ребенка за локоть и помог подняться.

– Я вам предлагаю поехать с нами, чтобы доказать своей матери и нам, что вы абсолютно здоровы. Это не займет много времени.

Он позволил себя увезти, понутив голову как нашкодивший мальчишка. Сел в машину и посмотрел в окно.

В этот момент решил, что он еще вернется в этот дом. Посмотрит ей в глаза. Он еще докажет, что с ним все в порядке. Ведь он – хозяин своей жизни и знает лучше, что именно ему нужно. Просто надо дать им всем понять, что он – особенный. Другой.

Просторная комната с высоким потолком. Стены покрашены в белый цвет. На окнах – решетки. С левой стороны

стены – широкий стол, за которым в высоком кресле сидел Джон Смит. Врач-психиатр.

У противоположной стены на стуле сидел окровавленный Патрик, с опущенной головой, изучающий свои пальцы.

Несколько минут Джон молча смотрел на своего давнего пациента. Подбирая слова, придвинулся ближе, бегло взглянув на карточку Патрика, и начал разговор:

– Мы, кажется, с тобой договаривались, что ты будешь приходить ко мне на прием каждые полгода, на консультации. Кроме этого, принимать рекомендованные мною препараты, о которых, как я понимаю, ты забыл.

– Я принимал лекарства некоторое время, но потом мне стало легче, и я перестал.

– В этом вся твоя проблема, ты не слушаешь других людей. Опираешься только на свое мнение, а ведь в этом конкретном случае, ты – не врач. Сам себе не можешь рекомендовать отмену лекарств. Сделав все по-своему, ты снова оказался в клинике. А ведь этого можно было избежать.

Патрик молча кивнул.

– Занятно, – продолжил врач, – твоя собственная мать звала врачей в собственный дом. Как ты думаешь, почему?

В этот момент Патрик поднял голову и наконец посмотрел Джону в глаза. Во взгляде горел огонь.

– Моя мать такая же, как все. Подлая шлюха и предательница. Все мое долбанное детство она избегала меня. Изредка давала подзатыльники, подначивая отца ударить сильнее. Я

все эти годы думал, что она не знает способа выразить свои истинные чувства ко мне. Что с годами раскроется, поймет, что я для нее очень важен, что она меня любит. Но все было тщетно, Джон. Она предала меня.

– Как именно? Что сделала? Расскажи.

– Переспала с каким-то незнакомым мне мужиком в собственном доме. Причем когда я застал ее полностью обнаженной, она удивилась. Мол, в чем проблема, все же хорошо. Типа, так и должно быть, она, мол, взрослая женщина, которая решила пожить для себя. Для себя, трахаясь с кем попало, будучи замужней женщиной.

– Допустим, она права. И твоя мать действительно отдельный человек. Личность. Она имеет полное право проживать свою жизнь так, как считает нужным. Почему тебя это выводит из себя? Ведь ты, Патрик, уже взрослый человек. Не пятилетний мальчик, гоняющийся за мамкиной титькой.

В его глазах появилась такая безудержная боль, что и не передать.

– Она меня не любит. Никогда не любила.

– Пусть она не любит. Имеет право выбирать, кого любить. Ты, в свою очередь, сам люби ее. Люби так, чтобы она поняла, какой на самом деле ее сын. Какой он добрый и нежный. Пусть увидит в тебе любовь и обязательно на нее ответит. Вот увидишь, это будет очень просто.

– Нет, – он сжал кулаки и посмотрел на пол, – я решил выкинуть ее из своей головы. У меня больше нет матери. Ни-

когда не было. Больше не хочу эту тему обсуждать.

Врач молча кивнул. Поднявшись из-за стола, направился к окну. Сложил руки за спиной, оглядел голубое небо и наконец произнес:

– Меня интересует, что ты скажешь по поводу того животного, что ты поедал в родительском доме.

– Вы про кошку?

– Если это была кошка, то да, про нее.

Патрик расслабленно откинулся на спинку стула и улыбнулся. Ему нравилась смена разговора.

– Я нашел ее на лужайке соседского дома. Решил взять с собой.

– То есть ее смерть была спонтанной?

– Нет, я все решил в тот момент, когда увидел животное.

– Почему именно смерть? Почему не мучения?

– Понимаете, Джон, убийство животных активирует во мне невероятные способности. Я становлюсь бесстрашным и сильным. В этот момент мне многие, ранее неподвластные, вещи становятся по плечу. Я чувствую превосходство. Некую особенность.

– То есть по-другому вы не можете активировать, как вы говорите, свои способности?

– Нет.

– Их теплая кровь питает меня энергией, которую никаким другим способом не раздобыть.

– Только ли кровь убитых тобой животных?

Они внимательно посмотрели друг на друга. Ни один мускул не дрогнул на лице спокойного Патрика.

– Да, только животных.

– Ты убивал людей?

– Нет.

– Не хотелось?

– Не было желания.

– Ты мне правду говоришь?

– Да, – отчеканил Патрик.

Джон снова посмотрел в окно.

– Мне более-менее ситуация с тобой ясна. Придется тебе задержаться у нас в клинике.

– На сколько?

Джон пожал плечами.

– Может быть, на три месяца, может быть, на полгода, смотря, как будет меняться твое состояние. Все зависит от него.

Патрик запаниковал, однако внешне старался себя не выдать.

– Но это ведь очень долго. Если я не объявлюсь на работе, меня уволят.

– Ты делаешь карьеру? У тебя высокая должность?

– Нет, но...

– Значит, найдешь другую работу, когда вылечишься.

– Джон, но я абсолютно здоров.

– Тебе нужна помощь, и я помогу тебе. Обещаю.

Врач повернулся и посмотрел на Патрика в упор.

– Отныне ты будешь делать так, как я говорю, иначе дела твои плохи. Ясно?

– Да, док.

Джон направился к двери, которую тотчас распахнул, приглашая медбратьев.

– Отведите Сингера в палату номер шесть.

Затем повернулся и направился к своему столу, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен.

Патрик вышел из кабинета и сразу же увидел мать. Она стояла напротив кабинета, нервно теребя платок. При виде сына слабо улыбнулась.

– Сынок.

– Мам, у меня нет времени что-либо объяснять, но, ради всего святого, если ты хоть немного любишь меня, возьми ключи и прибери в моей квартире.

Он посмотрел на нее так, что все вопросы исчезли. Она молча взяла из его рук ключи, кивнула и отошла в сторону.

Двое медбратьев уводили ее сына по длинному коридору в глубину психиатрической клиники.

Его палата находилась на втором этаже. Напротив поста медсестры. Дверь всегда запиралась на ночь снаружи.

Белые стены и потолок. На окнах, как и везде, железные решетки. Больничная кушетка у стены.

В белых простынях лежал бледный Патрик. Глаза закрыты, а в вену вставлена капельница.

Каждый Божий день, утром и вечером, ему ставили уколы с препаратами. Капельница с утра и весь день таблетки, которые он принимал горстями.

Таблетки еще ничего, просто становился вялым. А вот от капельницы просто сносило крышу. Закрывая глаза, видел разнообразнейшие видения. Как их здесь называли, «мультики».

Едва лекарство просачивалось по его телу, как он начинал видеть черный шар над своей головой. Эти дыры вместо глаз.

Спустя некоторое время начал различать его голос. Голос злой и черной сущности, что обитала в его теле.

Его невозможно было ни с чем спутать. Низкий и скрипучий. Этот голос шептал одну и ту же фразу как заклинание:

– Не бойся, я – твой друг, и я помогу.

Дошло до того, что Патрик начал с ним разговаривать. Тихо, тихо, еле шевеля губами, он шептал ему только одно:

– Уходи, оставь.

Тогда черный шар отвечал:

– Только я могу тебе помочь. Ведь мне очень хорошо известно, кто ты есть на самом деле. Такое же чудовище, как и я. Только без меня ты никто. Такой же обыкновенный человек, как и все.

Так прошло несколько месяцев. Наконец капельницы и уколы отменили. Остались только препараты. Патрик хорошо их переносил.

Снова начал подниматься на ноги, снова реагировал на

медсестер, разговаривая с ними. Даже шутил.

Единственное, что стало раздражать, так это палата. Она напоминала тюремную камеру. Ведь выходить за ее пределы ему было запрещено.

В одну из ночей он принял решение обсудить с Джоном его выписку. Ведь он ему обещал, что лечение не затянется.

Ранним утром, в обход врача, едва Джон вошел в его палату, Патрик сразу приступил к разговору.

– Как долго вы намерены меня здесь продержать?

Судя по реакции врача, он был удивлен живости своего пациента.

– Почему ты вдруг меня об этом спросил? Ведь раньше не говорил мне и слова. Молчал всегда.

– Пришло время, – Патрик смотрел ему в глаза.

Джон взял его одной рукой за подбородок, а второй приподнял веки, заглядывая в глаза.

– Считаешь, что выздоровел?

– В полной мере.

– Что ж, в принципе мы закончили твоё основное и главное лечение. Сейчас принимаешь медикаменты, которые, впрочем, можешь принимать и дома. В принципе, именно это я и хотел сегодня сообщить. Я выписываю тебя домой.

Патрик не верил своим ушам.

– Выписываете? Сегодня?

– Да, и твоя мать ожидает внизу. Привезла кое-какие вещи, чтобы ты переоделся. Даже не представляешь, как долго

она меня упрашивала тебя отпустить. Интересно, это и есть то самое проявление любви, о котором мы с тобой говорили?

Джон отступил на шаг и улыбнулся.

– Сейчас медсестра подготовит выписку, и ты можешь возвращаться домой. Но при условии, что станешь принимать все выписанные мною препараты. Неукоснительно и строго по времени. Ты меня понял, Патрик?

– Да, понял.

– Иначе в следующий раз, когда ты попадешь в эти стены, я тебя не отпущу. Останешься в этой палате навсегда.

Когда Джон покинул палату, Патрик закрыл глаза. Он не верил своим ушам. Его мать была здесь, и она беспокоилась о нем. Следовало поторопиться со сборами.

Когда все было готово, Патрик спустился на первый этаж и вышел во двор. Под раскидистым деревом на скамье сидела его мать.

Он медленно подошел к ней и рассеянно спросил:

– Неужели это благодаря тебе я покидаю это место?

Она поднялась и посмотрела на его бледное лицо. На круги под глазами.

– Ты похудел. Кожа да кости. Я как чувствовала, что тебя пора вытаскивать из этого дурдома. Пойдем.

Она ринулась вперед по дорожке к воротам. Патрик поплелся за ней следом.

– Неужели тебе на меня не наплевать?

– Мне вообще все равно, как ты проживаешь свою жизнь.

Ты уже взрослый человек и сам строишь свою судьбу.

Она резко остановилась. Патрик едва не налетел на нее. Мать посмотрела на него серьезным взглядом, наполненным разочарованием и презрением.

– Ты просил меня прибраться в твоей квартире. Однако не предупредил о том мусоре в мешках в прихожей. Я когда увидела, что там внутри, чуть не скончалась на месте. Боже, кто ты? Кем стал?

Она схватила его ладонями за лицо и притянула ближе, заглядывая в самую душу.

– Неужели мой сын – убийца?

Патрик смотрел на нее и молчал. Но ему и не надо было ничего говорить, она прекрасно знала ответ на свой вопрос.

– Не может быть! Значит тогда в моем доме, поедая дохлую кошку, демонстрировал мне угрозу? Хотел показать, что ожидает меня, если что не так? Тоже убьешь меня?

– Мам, ты преувеличиваешь.

– Не смей отводить глаза. О, теперь я поняла, что означал тот спектакль. Теперь мне все ясно насчет тебя.

– Ты выбросила мешки?

– Да, поздней ночью, закопала в ближайшем парке. Это было ужасно, Патрик. Теперь я – твой соучастник.

Она с силой его оттолкнула от себя и буквально проревела:

– Я больше не хочу участвовать в твоей жизни. Ты мне больше не сын. Я отрекаюсь от тебя.

В ее взгляде сверкали молнии. В бешенстве развернулась на каблуках и пошла прочь из этого места.

Патрик в растерянности смотрел ей вслед, еще минуту назад окрыленный тем, что она его любит. Все рухнуло в один момент. Он снова себя обманывал. Его мать была такой, как все. Из-за малейшей неприятности оставила его навсегда.

Ему ничего не оставалось, как последовать за ней к выходу. Весь путь до своей квартирки он проделал пешком. Предстояло обдумать дальнейшую жизнь.

Раз этому миру наплевать на него, то и он ответит взаимностью. Патрик вернулся в свою квартирку. Перестал бриться и ухаживать за собой. Не чистил зубы и не стригся. Спал в одежде, ел консервы, перестал чем-либо интересоваться.

Его внутреннее состояние улучшилось, и Патрик перестал принимать антидепрессанты. Полностью отказался от препаратов, которые были назначены еще на долгие месяцы.

В один из дней он почувствовал, что с ним снова что-то не так. Сильно закружилась голова. Патрик тут же прилег на диван и прикрыл глаза.

Черный шар внутри медленно шевелился. Из грудной клетки он плавно переполз в голову. В этот самый момент его собственное сознание как бы отошло на второй план.

Чудовище проснулось и захватило его целиком. Теперь Патрик был в его власти. По приказу этого чудовища тело Патрика поднялось с дивана и направилось на кухню. Небольшой острый нож и черный пакет.

Он вышел из квартиры и направился во двор. Там на высоком заборе сидели две кошки. Патрик схватил одну из них и потащил за собой под крону деревьев.

Одним взмахом руки он отрубил кошке голову и начал пить теплую кровь. Прямо там, во дворе.

Ему было абсолютно наплевать на свидетелей. На детский плач и крик родителей. Он наслаждался тем, что потрошил мертвое животное. Видом окровавленных кишок и сердца.

Кто-то вызвал полицию и застыл в ожидании помощи. Однако Патрик с ножом в руках покинул двор. Ему нужна была новая жертва, покрупнее. Чудовище было голодным, и его надо было накормить.

Он пересек соседний двор и двинулся по тенистой аллее. Впереди, у одноэтажного домика увидел молодую женщину. Она выбрасывала мусор из ведра в контейнер. Ни о чем не подозревая, вернулась в дом.

Патрик ринулся за ней следом. Прошел по лужайке и пинком распахнул входную дверь. Женщина как раз возвращалась в коридор без ведра.

При виде незнакомца она лишь удивленно спросила:

– Вы кто? Что вам угодно?

Патрик кулаком ударил ее по лицу, сбив с ног. Она ударилась о край тумбочки и тут же обмякла.

Недолго думая, он схватил ее за волосы и потащил в глубь дома. Ему было плевать, что, возможно, она не одна. Возможно, в доме маленькие дети.

Патрик ножом разрезал ее одежду и перерезал горло. Она была в его власти. Это было именно то, чего так не хватало чудовищу.

Он быстро развел ее ноги, растянул ширинку и вставил член. Одновременно с этим ударял ножом по плечу и шее своей жертвы.

Вид крови распялял. Он быстро кончил и поднялся на ноги. Где-то в глубине дома слышались торопливые шаги.

– Марта?!

Через секунду в коридор вышел молодой мужчина с пультом от телевизора в руках. Кажется, это был ее муж.

При виде Патрика и своей уже мертвой жены он громко выругался и бросил пульт в убийцу. Патрик уклонился. Пульт ударился о стену и разлетелся на две части.

В ответ Патрик быстро подлетел и ударил ножом в живот. Удивление, а потом и слабый всхлип.

Мужчина осел на пол и тут же тихонько заплакал:

– Почему вы убиваете нас? Что мы вам такого сделали? За что?

– Ничего, – просто ответил Патрик холодным тоном.

Склонившись над мертвой женщиной, вытер о край ее платья свой нож. Быстро огляделся и вышел из дома.

Чудовище насытилось. Патрик ужасно устал, и ему хотелось спать. Он вернулся в свою квартиру и, не снимая обуви, бросился на диван. Уснул мгновенно.

Проснулся от того, что кто-то с силой тряс его за плечо.

Когда открыл глаза и сел, то увидел в своей квартире незнакомых людей. Приглядевшись, он понял, что это полицейские.

Они внимательно осматривали его квартиру. В дверях толпились соседи. Кто-то толкнул его в живот и с силой начал стягивать ботинки. Как потом оказалось на экспертизу, мол, на подошве кровь его жертв.

Все было как во сне. Бесконечные вопросы и не резкие оплеухи. Его грубо схватили за плечо, завели руки за спину и защелкнули наручники.

Когда проходил по коридору мимо соседей, кто-то громко сказал:

- Я так и знал, что он такой!
- Не зря мать на него жаловалась.
- В тихом омуте черти водятся.

Патрика быстро посадили в большой черный автомобиль без окон. Увезли в неизвестном направлении.

Все это время он был словно в ступоре. Смотрел в одну точку, ничего не замечая вокруг. Когда пришел в себя, то сидел в просторном светлом помещении, ужасно накуренном. Тяжело дышать, аж легкие сводило.

Перед ним за столом из зеленого сукна сидел полный мужчина. Примерно лет пятидесяти, с легкими залысинами по бокам. В руке – шариковая ручка, которую он вертел, поглядывая на Патрика.

- Итак, молодой человек, знаете, почему сейчас вы сидите

передо мной?

– Нет.

– Потому что у нас к вам масса вопросов. Вот, например, первый. Почему у вас в квартире на полу в комнате замаятая кровь? Если верить представленным анализам, она человеческая, первая положительная. Как вы это можете объяснить?

Патрик равнодушно пожал плечами.

– Никак. Эту квартиру мне снимают родители. Я не являюсь ее владельцем, а потому задайте этот вопрос истинным владельцам.

– Уже задал, молодой человек. Владелец этой квартиры по восемьдесят лет. Ужасно старые люди. Сомневаюсь, что они способны кого-то прикончить в своих хоробах. Кроме того, судя по всему, эта кровь свежая. Как это объясните?

– Никак. Все ответы при личном адвокате.

– Отлично, не желаете сотрудничать со следствием.

Он сделал какую-то пометку в своей папке. Отпил немного воды из граненого стакана и снова задал вопрос:

– Как вы объясните то, что на вашей одежде и обуви обнаружена свежая кровь?

– Ну, это просто, – ответил Патрик, ухмыляясь, – недавно я порезал дворовую кошку и весь перепачкался. Это могут подтвердить мои соседи.

– Да, это так. Они кивают как один. Мол, наш тихоня-сосед посреди бела дня напал на беззащитное животное и убил

его на глазах у детей. Нечего сказать, герой.

Патрик пожал плечами, мол, я же правду говорю. Однако следователь продолжил без тени на улыбку.

– Недалеко от того места, где вы прикончили кота, было убито двое людей. Муж и жена в собственном доме. Судя по данным эксперта, тем же самым ножом, что нашли у вас в квартире. Та же самая группа крови, что и у жертв. Как вы это объясните?

– Никак.

– Признаться честно, такое в моей практике впервые. Мы находим убийцу в тот же самый день, когда произошло преступление. Наверное, мы бы еще долго вас искали, молодой человек. Отлавливали словно зверя, применяя всевозможные уловки. Однако неожиданно к нам пришла молодая девушка. Некая Эмма Норс. Благодаря ее содействию, мы вышли на вас, Патрик Сингер. Да, да, не удивляйтесь. Она видела, как вы выходили из того самого дома с окровавленным ножом в руках. В ту же минуту вызвала полицию, за что мы ей весьма признательны.

Он был ошарашен и сбит с толку.

– Она не могла так со мной поступить. Только не Эмма.

– Так вы знакомы? Кто она вам?

– Одноклассница, – не своим голосом ответил Патрик.

Эмма Норс предала его. Вот тварь. Подлая девчонка. Как она на это решилась? Как смогла? Патрик путался в догадках.

– Молодой человек, против вас достаточно серьезные обвинения. Что на это скажите?

– Меня посадят в тюрьму?

– Это суду решать, конечно. Но мой опыт подсказывает, что вам грозит пожизненное заключение.

– То есть я буду сидеть вместе с убийцами и маньяками?

Патрик недоумевал. Это было выше его понимания. Он с мольбой в глазах смотрел на следователя.

– Ведь вы же понимаете, я не такой, как они. Я – особенный.

– Все вы твердите одно и то же. Только я скажу тебе, что раньше надо было думать, прежде чем убивать ни в чем не повинных людей. Уведите его.

В кабинет вошли двое. Одновременно, не сговариваясь, подхватили Патрика под руки и вывели в коридор.

В одиночной камере Патрик подошел к стене и посмотрел на маленькое окошко над головой. Он до сих пор не мог поверить, что его любимые женщины его предали. Мать и Эмма.

Как же больно. Словами не передать. Наверное, он погорячился там в библиотеке тогда. Эмма так и не смогла его простить. Возможно, он был не прав. Но кто знает, что у женщин на уме?

Голова кружилась от всех этих мыслей.

Шатающейся походкой он направился к железной койке. Лег на спину и посмотрел на потолок.

Тени плясали над головой. Черная сущность медленно переворачивалась внутри. Его сильно затошнило и тут же вырвало на пол.

Металлический голос зазвучал в голове. Чудовище дало о себе знать:

– Ты – неудачник, тебя поймали.

– Это все из-за тебя, – шептал Патрик, вытирая рот, – ты подставил мою голову под удар.

– Не волнуйся, я все исправлю.

– Ты вытащишь нас отсюда?

– Нет, я вытащу себя из тебя.

Снова дикая боль в голове, ни с чем не сравнимая. Патрик снова упал на спину, закрывая глаза и массируя виски.

Суд был долгим и утомительным. Приговор зачитывали несколько часов. В результате Патрик был приговорен к пожизненному заключению, и, одновременно с тем, ему было назначено лечение в виде антидепрессантов.

Он должен был принимать их каждый день по три раза в сутки. Целую горсть лекарств. В его камере смертников помещалась только лежанка, которая убиралась каждое утро. Патрику приходилось сидеть на холодном каменном полу.

На одной из прогулок на него набросились другие заключенные. Они избивали его ногами и кулаками, серьезно повредив внутренние органы. Но Патрик молча сносил их побои. Не сопротивлялся.

Спустя несколько часов он избитый сидел в углу своей

одиночной камеры и тихонько плакал.

Ему не верилось, что у его величия такая высокая цена. Человек с его интеллектом и разумом оказался в таком диком месте. Где он мог совершить ошибку, Патрик не знал.

Прокручивая все события последних лет, он возвращался только к одному. Его сгубило это чудовище внутри. Именно оно разрушило все, что было у Патрика.

Доверившись этому монстру, он сгубил себя.

За окном день сменялся ночью. Недели сменяли друг друга. Впереди – мрачное будущее, которое, как ни крути, закончится его собственной смертью.

Но никто не знал о его маленьком сокровище. Патрик хранил его под старым кирпичиком в стене.

Когда в один из дней он вновь, одолеваемый злым демоном, проснулся от дикой боли в голове посреди ночи, его собственные руки и тело снова не принадлежали ему. Он мог только наблюдать за происходящим.

Тело, управляемое чудовищем, вытащило из тайника сокровище. Горсть таблеток. Одну за одной он поглощал каждую из них. Словно это были обычные конфеты.

Голова тяжелела, наливалась свинцом, а веки тяжелели.

– Ну я же говорил, что избавлю себя от тебя.

Это были последние слова чудовища, которое оставляло его тело. Падая на спину, Патрик видел, как черный шар покидает его тело. Медленно отделяется и поднимается вверх, к стене камеры.

Эти черные дыры вместо глаз и оскал. Сущность пролетела вдоль угла и исчезла в темноте ночи. Мрачно и холодно.

Все было кончено. Его жизнь постепенно угасла. Патрик умер от передозировки антидепрессантов.

Редактор – Беликова Елизавета

Художник – Каргаполова Екатерина

2017 г.